

Вещь

2(18)/2018

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Проза

Павел Селуков

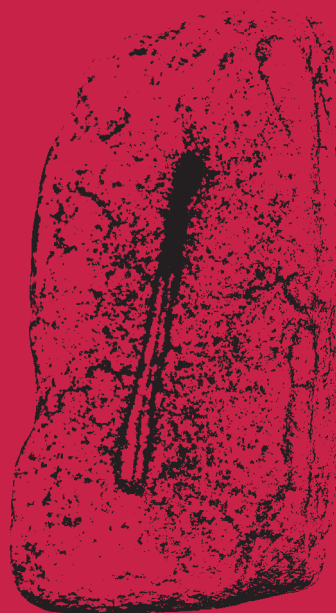
Поэзия Ижевска

Драматургия

Александр Югов

Архив

Александр Баранов

Вещь

2(18)/2018

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

18+

Содержание

- 3 **Владимир Кочнев** *Когда нам собирались выворачивать руки (стихи)*
- 7 **Павел Селуков** *Катя и Коля (фрагмент романа)*
- 22 **Екатерина Симонова** *Сумаляк (поэма)*
- 26 **Борис Эренбург** *Твиттер Наполеона (рассказ)*
- 32 **Зинаида Сарсадских, Ирина Кадочникова, Егор Завгородний, Марат Багаутдинов** *Если мир не говорит, говори ты (поэзия Ижевска)*
- 40 **Александр Югов** *Лето без конца (пьеса)*
- 52 **Софья Грищук** *Красота не обязана быть красивой (стихи)*
- 56 **Денис Быков** *Князь и Белка-Лиса (сказка)*
- 68 **Андрей Торопов** *Миндаль (стихи)*
- 72 **Александр Баранов** *Рассказы и повесть с предисловием Нины Горлановой (архив)*
- 95 **Валерия Якушина** *Весть из всех судов (дневник)*
- 107 **Семен Ваксман** *Учитель истории (нон-фикшн)*
- 118 **Авторы номера**

Владимир Кочнев

Когда нам собирались выворачивать руки

Самый большой человек Японии
приходит на военный парад.
Он в три раза выше обычного человека
и широк, как маленькая хижина.
Он последний представитель древнего
племени ЧаЧа,
проживавшего на островах
в Филиппинском море.
Он заходит на площадь, заполненную
народом,
но никто не обращает на него внимания.
Все охвачены ликованием перед будущей
бойней,
все кричат и кидают вверх шляпы.

Самый большой человек Японии
пришел из какого-то глухого места в горах,
где он живет одиноко,
но в этот раз хочет быть вместе со всеми.
Он проходит через толпу,
занимает в ней свое место
и, как все остальные,
вздымает сжатые кулаки,
напрягает лицо.
У него мощная шея и плечи,
он выглядит неуклюже среди других.

Это последние данные об этом человеке
и о его роде вымерших великанов,
из которых он последний.
Подобных им видели еще в Новое Время

европейские мореплаватели,
проплывая мимо берегов Америки,
Африки и Австралии.
Но позже они исчезли с лица земли
так же бесследно,
как самурайский имперский дух,
и вымараны из летописей.
Очень скоро и этого силача забудут.

Так что, глядя
на старое видео с ним через 100 лет,
ты абсолютно уверен:
все это фейк.

Тот, кто смотрел «Утиные истории»,
должен знать: Мамаша Гавс
существовала в действительности
и была ганстершой,
как и пятеро ее сыновей,
трое из которых погибли
еще при ее жизни.
Они колесили по стране, устраивая налеты
на магазины, банки, экспрессы.
А любимым ее оружием был пулемет
системы
«Макаров».

Тот, кто смотрел «Утиные истории»,
должен знать: Мамаша Гавс
существовала в действительности
и, совершая свои преступления,
считала себя верующей
и добропорядочной
женщиной.
Она истово молилась,
не забывая
разрабатывать новые планы
захвата заложников.
И если кто-то из ее сыновей
попадался,
писала слезные письма прокурорам
и подкупала судей,
настаивая на том,
что детки невинны.
А когда их освобождали,

они убивали и грабили
снова.
И все
это было реальным —
реальным, как
бородавки на заднице старой жабы.

Все, о чем мечтала
Мамаша Гавс,
это стать большим человеком,
и избрала для этого свой путь —
винтовку и кольт.
В детстве она зачитывалась
книжками о бандитах
и носила по ним траур,
если кого-нибудь из них убивали.
Христос, говорила она, гангстер,
берущий у богатых, чтобы отдать бедным.

Когда их настигли
в их тайном доме,
она отстреливалась из винтовки.
Из ее тела
извлекли 10 пуль.

Мамаша Гавс существовала
в действительности.
И после смерти она стала
героем диснеевского мультсериала.

Тот, кто смотрел «Утиные истории»,
должен об этом знать.

он был убит
в одну из ночей
на пороге своего дома
в темном подъезде
и пролежал там всю ночь
тело обнаружили только утром

никто не знает кто это сделал
местная шпана или власти
он был одним
из никому не известных солдат анархии
в небольшом городе

потонувшим во мраке
он был тем
кто пытается сделать жизнь чуть светлей

он был простым парнем в очках
неуклюжим
неловким
но очень упертым в своих мыслях
и однажды когда мы стояли на пикете
сказал мне что смерти нет
и мы всегда свободны внутри
это было когда шел мелкий дождь
и менты собирались выворачивать нам руки
я не ответил ему
меня потряхивало от страха
но я запомнил его слова

анархисты всегда верят в бред
и поэтому с ними лучше всего

в темном подъезде ему проломили череп
очки сломались
он умирал во мраке и одиночестве
и я не знаю успел ли он подумать
в последний миг
о свободе
или о чем-то еще

он был тем кто просто
пытался сделать жизнь чуть светлей

в темном городе
в темной стране
в темном мире
иногда зажигается лучик света
и ярко пылает чтобы потом
погаснуть

теперь он мертв

но я запомнил его слова
что мы бессмертны
и что мы свободны

и теперь когда смерть придет
останется только вспомнить их снова

анархисты всегда верили в бред
и поэтому с ними лучше всего

открой свое сердце
ипусти внутрь анархию
словно вирус
словно любовь
так глубоко в сердце
как ты еще никогда не заглядывал
пусть произойдет революция
в отдельно взятой стране
отдельно взятом городе
внутри отдельно взятого человека
и толпы восставших затопят площадь
и улицы
утопив их в реках любви

пусть взлетят черные знамена анархии
словно стая бабочек
к небесам
пусть бьют солдат
и водят генералов на поводках
в смешных колпаках
пусть государство плачет
словно продажная девка
не скрывая морщин
и законы не дают тех
кого должны защищать
открой свое сердце ипусти
внутри анархию
словно бациллу
словно любовь

я поднимаю трубку
слышу твой голос
и отвожу его в сторону
держа на вытянутой руке
твой голос бьется внутри телефона
словно море внутри ракушки
подумать только
целое море внутри ракушки!
как странно!
для кого-то
мир состоит
из людей и собак
из дождей и бурь

магазинов
и автомашин
а для кого-то
мир состоит
из одного телефона
и голоса в нем

в прошлый четверг я дрался
с маленькой девочкой
оттачивая крепость ее кулаков
точность бойцовских перчаток
она была сокрушительна и прекрасна

не знаю как это случилось
сперва все шло хорошо
но внезапно разозлившись
она ударила меня
в нос

кровь хлестала так
что я не мог остановить ее
маленькая девочка
красивая словно котенок
или цветок
и ты не знаешь
что она ударит тебя

я плакал два часа
прежде чем залатал рану
ничего не попишешь
ты мужчина боксер
призванный держать удар
быть мужественным
любить свои шрамы
и своих женщин

Сталин сидит в небесном баре,
с его щек усталых течет известка.
«Ах, говорит он, меня опять поймали
сыщики, унтер-офицеры, слепые из воска.

Я и не думал, что опять попался,
что небесные мстители взяли меня
в оборот,
а в Туруханском крае, если признаться,
было прекрасно,
особенно когда зима круглый год.

И когда замерзали окна и становилось тихо,
и волшебные яблоки падали прямо в рот,
а в лесу расцветала малина и земляника
(и все это случается каждый год),

я и не думал, что здесь так прекрасно.
Пока Ленин ехал в plombированном вагоне
на юг,
я танцевал чудесные танцы,
и звери в ночи мне шептали свой волапюк.

Я ведь не думал, что ангелы-мстители меня
настигнут
и по длинным лабиринтам судьбы поведут
на допрос.

А в том лесу гуляли роскошные тигры
и мальчик сопливый рос.

Вы ведь знаете, я не дожил до середины
марта,
а в Туруханском крае было нежней.
И прекрасные кружились вокруг
партизанки,
и волки вырастали из лебедей».

Павел Селуков

Катя и Коля

Роман о нежности и любви в совершенно неподходящих для них декорациях. Он основан на реальных событиях. Точнее, скомпонован из историй, которые я пережил лично или наблюдал со стороны. Действия романа разворачиваются в спальном районе Перми в начале двухтысячных годов. Его суть — столкновение двух реальностей: любви главных героев и пацанского прилпатненного мира, который их окружает. Главные герои: Коля — пацан, живущий по лагерным «понятиям». Катя — замкнутая дочь авторитарного мента. Они встречаются в десятом классе и влюбляются друг в друга.

Автор

В кабинет торопливо вбежал учитель — классный руководитель десятого «б», преподаватель истории и обществознания Владислав Яковлевич Барсуков. Его появление заметили все, кроме Коли и Кати, которые продолжали неотрывно глядеть друг на друга. Неизвестно, как долго молодые люди пребывали бы в этом молчаливом

очаровании, если бы учитель не нарушил его зычным — «Здравствуйте, ученики!». Учителям вообще свойственно вставать на пути юности, обтесывая ее проявления по своему пыльному образу и подобию. С трудом и чуть ли не шейным скрипом Коля отвел взгляд от Катиного лица и походкой потрясенного человека ушел на «галерку» — последние

парты всех кабинетов давно стали его пристанищем. На уроке истории он не присутствовал — душевное смятение отключило слух, ослепило. Страшная незнакомая нежность нарастала в нем морской волной. Она была такой сильной, что Коля невольно ей воспротивился. Ему казалось, что если дать нежности волю, он просто не выдержит — умрет или сойдет с ума. Пацана обуял страх. Силясь понять, что с ним происходит, он впал в настолько глубокую задумчивость, что даже проморгал звонок на перемену. Класс опустел. Только Катя все так же сидела за первой партой, странно свесив бледные руки вдоль тела. Уставившись в ее спину, Коля лихорадочно отыскивал мужество, чтобы подойти к ней и заговорить. Однако мужество куда-то подевалось, а слабость в ногах и вовсе не позволяла надеяться на удачный исход путешествия. Снедаемый бессилием, он грыз ручку и барабанил пальцами по столешнице, когда Катя собрала ранец и медленно подошла к нему.

— Привет.

— Привет.

Коля старался не глядеть на девушку. Она же села рядом и неторопливо разложила школьные принадлежности на своей половине.

— Меня зовут Катя.

— Я — Коля.

Он произнес свое имя с огромным трудом. Катина близость, ее запах, вползающий в ноздри, усилили нежность многократно. Реальность стремительно утрачивала правдоподобие. Дойдя до какого-то внутреннего предела, Коля поднял голову и в упор посмотрел на девушку. Она почувствовала его взгляд и посмотрела в ответ. Чужими губами он произнес:

— Хочешь быть моей подружкой?

Катино лицо дрогнуло в улыбке.

— Хочу.

Поначалу новоиспеченной паре было очень сложно общаться. Взаимная нежность и сам факт нахождения рядом будто бы не нуждались в словах, тем более — предположениях. Поэтому первое время Катя и Коля просто сидели за одной партой, гуля-

ли по Пролетарке, ели мороженое, ходили в кино почти молча. Однако прошла неделя, и они разговорились. Совершенно естественно и как-то само собой им удалось миновать пустяшные беседы о любимых фильмах, музыке и уроках и сразу же заговорить серьезно и честно. Мысль, что они знакомы сто лет, точнее, встретились после долгой разлуки, обязательно посетила бы стороннего человека, доведись ему подслушать молодых людей. Но к диалогам мы вернемся чуть позже, а сейчас расскажем о той реакции, которая последовала за воссоединением влюбленных.

Появление новой подруги у такого авторитетного пацана, как Колян, не могло не стать сплетнею. Новость эта обсуждалась в самых разных компаниях, причем на все лады и порою с фантастическими подробностями. Дело в том, что Коля изменился. Он перестал бывать на «пятаках», славливаться¹ с пацанами, заседать в местном кабаке под названием «Каламбур». Интерес к «стрелкам», дракам и веселым пьянкам будто бы начисто оставил его буйную голову. Эти перемены обеспокоили «воронцовских». Миша вызвал Колю на базаргу².

Расположившись во дворе, товарищи закурили. Первым заговорил Миша. Он подробно расспросил Коляна «за жизнь» и прямо сказал, что от коллектива отбиваться не стоит, а лучше ему познакомить свою девушку с братвой и не загоняться³. Коля же, хотя и не видел в этом знакомстве ничего дурного, почему-то совсем его не хотел. Он вдруг понял, что Катя стала для него чем-то настолько личным, что он не готов делиться ею даже с друзьями. Она была его тайной, слабостью, восторгом. Той самой прелестью, о которой безумно пекся не самый красивый персонаж трилогии Толкиена. Все это он попытался изложить Мише. Тот покрутил пальцем у виска, пробормотал что-то про свет, который сошелся клином и отпустил Колю на все четыре стороны. Типа, медицина здесь бессильна.

Теперь — про диалоги. Они происходили с беспощадной искренностью. На второй неделе знакомства Катя и Коля рассказали о себе буквально все (Катя умолчала только

о происшествии на конюшне). Их общение напоминало скорее исповедь, чем сериал «Элен и ребята». В известной степени это были не диалоги, а пространные монологи, полные боли, сожалений, редкой радости и удивительно точных наблюдений. Этакая игра в «сифу» кусочками души. Естественно, разговоры «без дураков» сблизили ребят еще сильнее. Вообще, настоящие беседы, когда доспехи летят в сторону и в каждой фразе сквозит нагота, соединяют вернее общих увлечений, страсти и прочих резонансов просто потому, что в таких речах всегда скрывается Бог. Иногда эти диалоги носили пророческий характер.

В этом смысле нам интересен короткий разговор, случившийся в сосновом бору в марте месяце. Катя и Коля сидели на скамье, отбившейся от своих сестер и запропавшей в глубине леса. К тому времени они были вместе уже полгода. Как и во многие вечера до этого, влюбленные слушали музыку, вооружившись одними наушниками на двоих. По заведенной традиции Коля забрал себе правое ухо, а Катя — левое. Хриплый голос Кобейна пел грустную песню Дэвида Боуи, и мир вокруг казался им нереальным, хрупким, утратившим краски. Вдруг Катя достала наушник и сжала Колину руку.

— Коля, ты меня любишь?

За вопросом последовала долгая пауза.

— Я только тебя и люблю, Катя.

В его ответе девушке почудилась горечь. Она вздохнула и посмотрела вопросительно.

— Почему так грустно?

— Потому что с тех пор, как я тебя встретил, мне никто не интересен. Понимаешь, я всегда был частью. Сначала семьи, потом бокса, затем — «воронцовских». Все так живут. Мой отец был частью Нефтебазы. Дед — «Мотовилихинских заводов». А я... Даже не знаю, как тебе сказать...

— Скажи, как придется. Я пойму.

— Я перестал быть этой самой частью. Типа, никуда не вмещаюсь. Везде мне тесно, скучно, душно.

— И со мной тоже?

— Нет. С тобой мне хорошо. Просто...

— Что?

— Мне бывает страшно. Лезет в голову всякое...

— Например?

— Ну, что будет со мной, если тебя не станет?

— Я постоянно об этом думаю, Коля.

— Seriously?

— Да.

Коля обнял Катю и порывисто прижал к себе.

— Давай слушать музыку?

— Давай.

— Только не «Нирвану».

— Хорошо.

— Это ведь все чушь, правда?

— Конечно.

Однако подспудные страхи, будоражащие влюбленных и в глубине души казавшиеся Коле помешательством, а Кате — предзнаменованием, вскоре обросли плотью.

Плоть эта принадлежала их классному руководителю, уже упомянутому мною Владиславу Яковлевичу Барсукову. Он был не старым еще мужчиной сорока пяти лет с почти интеллигентной душевной конструкцией, не вполне советским, и даже удивившим под обаяние гуманизма и либеральных идей в девяностые годы. Это наложило отпечаток на его отношение к профессии. Владислав Яковлевич являлся поборником свободы и воспринимал дисциплину скорее следствием интересности урока, а не чем-то нарочитым и самодостаточным. Конечно, подобная логика имеет право на жизнь, однако для ее воплощения от преподавателя требуется харизма, красноречие и внутренняя сила. К сожалению, ни того, ни другого, ни третьего у Владислава Яковлевича не водилось, и потому на его уроках творился кромешный бардак. Обидное прозвище — Барсук, которое он как-то услышал за спиной, и вовсе пробудило в нем злобу. К весне чаша учительского терпения переполнилась. Барсуков взалкал уважения. В десятом «б» наступила эпоха репрессий.

Первой под горячую руку попала Катя. В известной степени, она не могла под нее не попасть, потому что постоянно опаздывала на занятия. Дело в том, что все переменки

девушка проводила с Колей. Оторваться от него было решительно невозможно, и потому с визитом в туалет она затягивала до последнего. Чаще всего Катя убегала туда, как бы спохватившись, уже после звонка на урок. Конечно, ее опоздания были малюсенькими, что помогало учителям закрывать на них глаза. Однако взалкавший уважения классрук, вот уже несколько дней отыскивающий подходящую кандидатуру для показательной порки, призванной утвердить его авторитет, смежить веки категорически отказался. Более того, он остановил запыхавшуюся Катю прямо у дверей кабинета и обрушился на нее с такой неповторимой злобой, с таким плохо скрываемым куражом поймавшего удачу за хвост человека, что девушка буквально оторопела.

Притих и класс. Благодушный и мяконецкий Владислав Яковлевич, вдруг превратившийся в огнедышащего дракона, поразил бы и более искусственную аудиторию. Однако разошедшийся классрук не учел всех рисков своего поведения, которые тут же пришли в голову десятому «б». В отличие от недавно пришедшего в сороковую школу Барсука, каждый из учеников прекрасно знал, что в их классе есть представитель литеры «е». Также они понимали, что именно его девушку прямо сейчас доводит до слез отчаянный учитель. Когда эти мысли со всей очевидностью воцарились в кабинете, десятый «б», как по команде, повернулся к Коле. Коля же ни на кого не смотрел. Он сидел с опущенной головой, положив руки на парту, и лишь изредка медленно сжимал кулаки. Вдруг в сгустившейся тишине раздался всхлип. Коля поднял голову.

Его девушка стояла в углу кабинета, закрыв лицо ладонями. Грянули литавры. «Я иду, я иду!» — взревел английский король. Коля поднялся из-за парты и стремительной походкой все для себя решившего человека направился к Барсуку. Развернув учителя за плечо, он ударил его правым прямым в «бороду» и тут же «догнал» левым кроссом в челюсть. Учитель «поплыл». Коля ударил еще дважды. Учитель упал. Тогда Коля сел на него сверху и стал вколачивать

кулаки в беспомощное лицо. Катя, никогда своего возлюбленного в таком состоянии не видевшая, ужаснулась и закричала. Ее пронзительный крик разнесся по всей школе. Один за другим в кабинет вбежали учителя. Они пробегали мимо нее и хватали Колю, и оттаскивали его, а он, в немом исступлении, все рвался к поверженному противнику, все сжимал окровавленные кулаки, резко выдувая воздух через ноздри. В конце концов, когда учителей набралось четверо, им удалось его оттащить.

Колю отвели к директорисе. Пацан расположился в кресле, вольготно закинув ногу на ногу, будто демонстрируя всем вокруг, что происходящее его мало интересует. Побитый классрук сидел напротив, через стол. Он шатал пальцем передний зуб и прижимал к щеке мокрую тряпку. Его лицо, наоборот, выражало крайнюю заинтересованность. В кабинет вошла завуч.

— Антонина Никитична, ученики никакого избиения не видели. Говорят, Владислав Яковлевич упал.

Осознав вопиющую информацию, Барсуков взвился с места.

— Как — не видели!? Да весь класс! Каждый до единого!

Директриса пристукнула ладонью по столу и устало проговорила:

— Успокойтесь, Владислав Яковлевич. Этого следовало ожидать. Приведите к нам новенькую. Девочка, вроде, бы отличница. Послушаем, что скажет. Вдруг она видела... инцидент?

Тут снова встрял классрук.

— Пустая трата времени — она подружка этого...

Барсуков с опасливой ненавистью покопился на Колю.

— Бесплезно — не бесплезно, а спросить надо. Вдруг девочка порядочная и скажет правду?

Через пять минут в кабинет вошла Катя. Естественно, эпизод с избиением также ускользнул от ее внимания. В смысле порядочности она подкачала. Барсуков же впал в ярость. Разбрызгивая слюни, он стал орать про милицию и снятие побоев. Пригрозил

Коле тюрьмой. Несколько раз крикнул, что он этого не потерпит. На пацана гневные филиппики не произвели ровным счетом никакого впечатления. Однако менее опытную Катю они страшно испугали. Она представила любимого за решеткой, вспомнила недавний разговор на скамейке и даже на краткий миг ощутила ту пустоту, что завладеет ею после Колиного исчезновения. Отчаявшись, девушка шагнула вперед и, с ненавистью глядя на Барсукова, громко и ясно проговорила:

— Если вы пожалуетесь на Колю в милицию, я пожалуюсь на вас.

Владислав Яковлевич опешил.

— На меня? Что за бред? За что!?

— Я скажу, что вы меня домогались. Сексуально.

— Клевета! Тебе никто не поверит. Ни за что!

— А мы посмотрим. Я могу быть очень убедительной.

Здесь в разговор вмешалась директриса.

— Катя, Коля, вы можете быть свободны. Возвращайтесь на занятия. Быстренько-быстренько, урок уже идет.

Барсуков хотел было возмутиться, но Антонина Никитична придавила его взглядом, и он осекся. Едва за учениками закрылась дверь, она повернулась к историку и объяснила свое решение.

— Владислав Яковлевич, школе не нужен скандал на сексуальной почве.

— На какой почве? Какой скандал? Я ее пальцем не трогал! Это же обыкновенный шантаж!

— Конечно. Причем — весьма эффективный. Потому что будет разбирательство, поползут слухи. К тому же девчонка любит этого хулигана и запросто может обратиться к журналистам. (Антонина Никитична тонко улыбнулась.) Представляете, что будет тогда? Может быть, вас ни в чем и не обвинят, но вот преподавать вы точно больше не сможете. С таким, как сейчас говорят, бэкграундом вас не примут ни в одно учебное заведение. Вы разве этого хотите?

Владислав Яковлевич был озадачен. С одной стороны, ему хотелось поквитаться

с Колей, с другой — он любил свою безупречную (как ему казалось) биографию. Это противоречие он тут же выложил директрисе. Та улыбнулась и поведала наивному классруку собственное видение ситуации.

— Владислав Яковлевич, голубчик, мы исключим вашего обидчика из школы. За неуспеваемость, понимаете? А про драку надо забыть, будто ее и не было. С такими, как Коля, обычно разбирается жизнь. Мы же ей чуть-чуть поможем — вышвырнем отсюда, пусть на улице пропадает. Или идет в училище, что, в сущности, одно и то же. А вы учите себе дальше. Только с десятого «б» я вас снимаю. У нас ведь мужчин-преподавателей наперечет. Беречь надо.

Подивившись холодной расчетливости директрисы, Владислав Яковлевич успокоился и быстро убежал домой — зализывать раны. Антонина же Никитична сняла трубку и позвонила сыну — Мише Воронцову.

— Мишенька, это мама. Твой Коля отметил Барсука. Нет, с ментами удалось замаять. Не так, чтобы сильно, но прилично. Придется его отчислять, иначе не поймут. В общем, возьми пацана на кладбище, на постоянку. Из-за Кати, конечно. У них, понимаешь, любовь. Глаз отвести не могут. Девка хорошая. Закошмарила Барсука сексуальными домогательствами. Хе-хе. Ты вот чего — поговори с Колей, пусть с башкой-то славливается, а то закроют к чертовой матери. Ладно. Вроде, все сказала. Пока.

Через два месяца Колю отчислили за неуспеваемость по четырем предметам. А на следующий день случилось то, чего даже многоопытная Антонина Никитична не могла предвидеть — школу добровольно покинула Катя. Конечно, об этом тут же узнал ее отец. Вернее, в пылу семейной ссоры она сама рассказала ему и про школу, и про Барсука, и про тщательно скрываемого Колю. Между отцом и дочерью состоялся драматичный диалог, круги от которого разошлись так далеко, что мы просто не можем его не подслушать.

Когда Катя узнала об отчислении (а она узнала сразу, потому что дожидалась возлюбленного у дверей директорского кабинета),

роковое решение девушка уже приняла. В известной степени сам факт отчисления просто дооформил его, сообщив фантазиям о декабристской верности нужную толику реализма. К тому же в последние два месяца на Колю обрушилась такая учительская въедливость, что, в общем-то, и ему, и ей было понятно — отчисление лишь вопрос времени. Разумеется, они не сдались без боя. Вечерами напролет Катя тянула парня по математике, занималась с ним литературой, заставляла зубрить историю. Сложнее было с химией, ведь ее не понимали оба. Однако все их усилия если и не пошли прахом (Коля узнал много нового и всерьез заинтересовался книгами), то уж точно не помогли выстоять против дружной когорты учителей.

Собственно, именно Катино усердное репетиторство и пробудило отцовскую подозрительность. Очарованный новым званием, к тому времени отец уже совершенно «забил» на семью, питал к дочери осязаемое равнодушие и любил только одну охоту. Если по каким-то причинам он долго не мог пострелять зверей, его начинала душить злорадность и раздражение. В такие минуты папа становился опасен, и домашние старались не попадаться ему на глаза. Интересующий нас драматичный диалог пришелся как раз на один из таких периодов. Дело в том, что двухмесячное ежевечернее отсутствие дочери папа все-таки заметил. Эта наблюдательность дала ему отличную возможность не только побыть хорошим отцом, но и безопасно выпустить пар. Искушение, мимо которого он ни разу не прошел мимо, само направлялось в руки, и отец, как заядлый охотник, поджидал лишь удачного случая. Точнее, нужного душевного настроения. Вскоре звезды сошлись.

Сходив с утра в школу, Катя заявила опешившей директрисе, что бросает учебу, и весь день провела с Колей. Ближе к вечеру девушка пришла домой. Отец сидел в ее комнате и пил пиво.

— Пап, ты чего здесь?

— С тобой решил поговорить. Второй месяц по вечерам пропадаешь. Дай, думаю, дождусь. Спрошу, чем это моя дочь занимается?

— Я же говорила уже — подружке по учебе помогаю.

— Ну, ну... Подружке, значит. Дай-ка сюда сумку!

— Зачем?

— За хлебом! Давай сюда!

После трех бутылок пива отец неправильно выговаривал некоторые слова. Вот и тут у него получилось вместо «сюда» — «суда».

— Суда давай, я сказал!

Однако, несмотря на крик, подавать сумку Катя отказалась. И будто бы даже вся та ненависть к отцу, что копилась в девушке долгие годы его же усилиями, в одну секунду дала всходы, и всходы эти были подтверждение драконьих зубов, что посеял когда-то один аргонавт в далекой Колхиде.

— Не дам! Это моя сумка!

— Ах, ты дрянь малолетняя! «Твоя!». Все, что у тебя есть — я купил! Я! Быстро показывай!

Отец метнулся из кресла и вцепился в сумку. Вырвал ее из рук дочери. Вытряхнул содержимое на диван. Среди разнообразных ручек, пудрениц и помад, он обнаружил блокнот. Эта находка его заинтересовала.

— Тааак! Что у нас здесь за конспект!?

Отец раскрыл записную книжку на первой странице и пошел листать ее, изредка задерживаясь в некоторых местах.

Едва увидев свой блокнот в отцовских руках, Катя страшно побледнела и даже пошатнулась. Она писала в него с первого сентября, и нам нетрудно догадаться, что именно волновало девушку больше всего в эти месяцы. Привычка всегда и во всем покоряться грозному родителю (во всяком случае, в его присутствии) вдруг столкнулась в ней с огромной потребностью если не сохранить Колю только своим, то хотя бы оставить за собой право рассказать об отношениях тогда, когда она сама этого захочет. Короткая, но яростная схватка, пробежавшая дрожью по Катиным губам, окончилась потемневшими глазами, которыми она прицелилась в отца, чтобы в ту же секунду выдрать блокнот из ненавистных рук. Родитель, подоб-

ной дерзости и прыти никак не ожидавший, вначале изумился, но тут же стал наливать гневом, собираясь, видимо, окончательно изничтожить взбунтовавшуюся дочь. Однако, предупреждая ор, Катя заговорила сама. Быстро, холодно, непререкаемо. Первая же ее фраза повергла отца в глубокое молчание.

— Папа, я ушла из школы. Сядь, пожалуйста, на диван и выслушай меня. И не перебивай. Это очень важно.

Сбитый с толку необычным поведением дочери, отец подчинился и даже будто бы слегка протрезвел. Пользуясь замешательством, Катя рассказала ему и про Колю, и про его драку с учителем, и про несправедливое отчисление из школы. Все это она говорила легким тоном и длинными витиеватыми предложениями, то ли подражая Анне Карениной, то ли героиням сестер Бронте. Когда информативная часть закончилась, она смешалась, залилась густым румянцем и, сбившись на свой обычный язык, пролепетала про любовь и свое решительное намерение всегда быть с Колей. За время ее монолога отец успокоился и поэтому был готов встретить его окончание во всеоружии. Однако осознать накал Катиных чувств и разобраться в ее душевном состоянии у него не получилось.

— Слушай меня внимательно, дочь. Школу ты закончишь. От Коли уйдешь. Это не обсуждается. Считаю, что с сегодняшнего дня ты наказана. Никакого телефона и улицы. С учебы сразу домой. Ясно?

Катя посмотрела на отца удивленно. Потом в ее глазах мелькнуло понимание, будто она увидела все то, что будет происходить дальше.

— Неужели ты так ничего и не понял? Я никогда от него не уйду. Понимаешь — никогда!

— Ты вообще, что ли, охренела, малютка? Хочешь быть с Колей? Ну, так пусть он тебя и содержит! Собирай манатки и вали нахер отсюда.

— И свалю!

Катя порывисто встала и бросилась собирать вещи.

— А чего ты шмотки-то собираешь? Ты их не покупала. Уходи как есть. Через два дня приползешь — вот тогда поговорим о твоём поведении.

— Не приползу.

— Приползешь, приползешь. Куда ты денешься?

Отец снова вцепился в бутылку пива и сделал большой глоток. Ситуация начинала его забавлять. Катя ожгла родителя взглядом, побросала в рюкзак разбросанные вещицы и гордой походкой покинула квартиру. Завернув за угол дома, она села на корточки и разрыдалась. Потом вытерла слезы, трянула головой и пошла к Коле.

Коля ел бутерброд и смотрел футбол, когда раздался домофонный звонок. Если бы он знал, какие перемены скрывались за его настойчивой трелью, то, наверное, вмерз бы в диван или, наоборот, бросился к трубке со всех ног. Однако мысли его были далеки от провидческих, и потому он подошел к домофону обыденно и лениво. Сняв трубку, Коля услышал Катин голос и мгновенно уловил в его вроде бы ровных интонациях надвигающуюся беду. Надев футболку, пацан встретил девушку у лифта. Катя бросилась ему на шею и опять расплакалась. Пересказ семейной драмы занял пять минут. Естественно, Коля полностью поддержал свою подругу. Рассудительные идеи вроде примирения с отцом и возвращения домой даже не пришли ему в голову. Ненадолго задумавшись, он попросил Катю подождать его в подъезде, а сам пошел в квартиру — разговаривать с родителями. Мама возилась на кухне, и он обратился к папе. Тот смотрел футбол, подпитывая свою страсть к «Спартаку» «Балтикой семеркой».

— Папа, нам надо серьезно поговорить.

— Ага.

— Помнишь Катю? Она еще приходила к нам. По учебе мне помогала. Красивая такая.

— Угу.

— Она с родителями поругалась и ушла из дома. Можно, она у нас поживет?

Тут Коля покраснел и добавил:

— В моей комнате.

Через несколько минут эта информация сумела преодолеть голос Василия Уткина и проникнуть в папину голову. Он встрепенулся, убавил звук (поступок неслышанный) и даже повернулся к сыну, не меняя лежачего положения.

— Чего?

Коля вздохнул и смиренно повторил суть.

— Катя поругалась с родителями. Ушла из дома. Можно, она у нас поживет. В моей комнате.

— Нет.

Отец снова уставился в телевизор и прибавил звук.

— Но почему, пап? Ей некуда идти. Давай пустим, а?

— Ты тупой что ли? Нет, значит — нет. И так тренировки бросил.

— Я могу вернуться. На бокс пойду.

Коля попытался заискивающе улыбнуться, но вышла только кривая усмешка.

— Нет. Тебе шестнадцать, ей шестнадцать. Корми вас тут.

— Я работать пойду. Она из школы ушла из-за меня. Я ей должен!

— Работать — это правильно. Зарплату получишь — снимешь комнату. Вот туда и приводи кого хочешь.

— А где она месяц будет? До зарплаты ведь доработать надо. Пап, ну давай пустим!

— Я шас с дивана встану, и ты ляжешь, понял? Пусть домой идет, с родителями мирится.

— У нее отец — «мусор». Цепляет ее постоянно. Возвращаться не вариант.

— Все. Достал ты меня!

Отец начал медленно подниматься с дивана. Коля спокойно проговорил:

— Я все понял, понял. Нет так нет.

А потом добавил:

— Я тогда с ней ухожу. Покеда.

Отец неприятно рассмеялся.

— Ключи не забудь взять. А то жрать захочешь, припрешься ночью-то, разбудишь.

— Я серьезно, пап.

— Я тоже. Все. Не мешай футбол смотреть.

Отец прибавил звук. Голос комментатора заполнил комнату. Тогда Коля убежал к себе.

Собрал рюкзак, вытащил записку из «Айвенго». Вышел к Кате.

— Пойдем, Катя.

— Ты чего? Куда?

Решительное выражение его лица встревожило девушку.

— Пожить у меня отец тебе не разрешил. Значит, будем жить вместе на улице. Но сначала сходим к Мише. Вдруг он что подскажет.

Катя смотрела на Колю влюбленными глазами и молчала. Да и что тут скажешь, когда твой парень из-за тебя же спокойно уходит из дома? Предчувствие больших перемен, новой и правильной жизни захватили ее с головой. Не в силах сдерживать эту бурю, она снова повисла на Колиной шее и счастливо рассмеялась. Покинув подъезд, молодые люди взяли за руки и медленно пошли в сторону «Агата». Напротив этого магазина находился главный Пролетарский «пятак», а рядом с ним, в скромной пятиэтажке, жил Миша Воронцов. У его дома влюбленные разошлись. Катя села на лавку — ждать. А Коля быстро поднялся на третий этаж и позвонил в пятнадцатую квартиру. Открыл сам Миша. Расположившись на кухне, друзья заварили чай. Обсказав ситуацию, Коля без спросу открыл форточку и закурил. После пятиминутного раздумья Миша хлопнул ладонью по столу и четко уронил:

— Значит так, Колян.

Тут он отодвинул ящик кухонного стола и достал ключ.

— Расклад такой. Вот тебе ключ от моей комнаты в общежитии. Мебель там есть, холодильник у меня с балкона заберешь. С теликом что-нибудь придумаем. Платить будешь по три «косаря» в месяц. Деньги буду вычитать из зарплаты. Если, конечно, ты вернешься ко мне на кладбище. На постоянку. Будешь уже не «негром», как в каникулы, а копальщиком. Что скажешь?

Миша весело подмигнул донельзя удивленному Коле и бросил ему ключ.

— Офигеть, Мишаня... Как ты все быстро порешал!

— А че тут рассусоливать? Пацан ты правильный, Катю свою по чесноку любишь. Мне такие цельные люди нужны.

Последнюю фразу Миша проговорил будто бы в шутку, но глаза его блеснули сталью. Докурив сигарету, Коля поблагодарил друга, засунул ключ в карман и степенно вышел из квартиры. Когда дверь захлопнулась, им овладела щенячья радость. Он кубарем скатился по лестнице, выбежал на улицу и с ходу подхватил Катю на руки.

— С ума сошел? Пусти!

— У нас есть дом, Катя! Собственный дом!

Покружив ничего не понимающую подругу по двору, Коля поставил ее на ноги и рассказал потрясающие новости. Надо сказать, что та невозмутимость, которую он продемонстрировал у Воронцова, далась ему очень непросто. С Катей же нужно сдерживаться не было, и потому эмоции взяли над ним верх. Торжественно вручив Кате ключ, Коля взял ее за руку, и они побежали в общагу. В ту минуту им казалось, что новая жизнь переместилась с линии горизонта буквально за угол и достаточно только протянуть ладонь, как она упадет в нее спелым апельсином.

Общага. Четыре этажа бурого кирпича и близоруких окон. Лишь одно из них, на четвертом этаже — пластиковое. Там живет барыга, которого родители нарекли Андреем, а улица окрестила Сирано (за длинный нос). С торца — отделение милиции. Там сидит участковый Изюм и его помощница Светлана. Обгрызенные ступеньки ведут к центральному входу. На вахте — баба Маша. Вот уже двадцать лет она моет пол в сороковой школе и улыбается неизвестно чему. Длинный коридор усеян дверьми и залит тусклым светом. Пробежав мимо вахты и махнув перед носом вахтерши драгоценным ключом, Катя и Коля замерли у восьмой комнаты. Восхищенно переглянулись. Открыли дверь. Переступили высокий порог. Катя медленно обошла помещение по кругу, кончиками пальцев касаясь клетчатого дивана, кухонного стола, колченогих стульев, старинного бра, кофейного столика, лакированного шкафа. Потом она подошла к плотным шторам и взмахнула руками. На подоконнике стоял магнитофон. Комнату озарило солнце. В его лучах закружилась пыль, и молодые люди очарованно

наблюдали ее танец, осознавая, что это теперь и их пыль тоже. Однако вскоре Колино витание в облаках закончилось. Он окинул комнату практичным взглядом и тут же озвучил недостающие предметы:

— Нам нужен холодильник и телевизор.

Катя живо присоединилась к благоустройству.

— А еще фен. Мой у родителей остался. И прозрачные шторы, а то с этими как-то мрачновато.

— Согласен. Располагайся пока, а я к Мише схожу. Дюс вроде на выходном, поможет холодильник притащить.

— А где мы возьмем телик?

— Заработаю и купим. А пока можно и книги почитать.

— Книг, кстати, тоже нет.

— Это не проблема. Будем ходить в библиотеку. Ладно. Я ушел. Через час буду.

Коля притянул Катю к себе и поцеловал в губы. Девушка ответила немного скованно.

Скованность эта была вызвана очевидной мыслью, только сейчас пронзившей Катино сердце, — эту ночь они с Колей проведут в одной постели, и между ними случится секс. Весь этот год их интимные отношения ограничивались поцелуями и робкими поглаживаниями. Потому что сама идея заняться любовью в подъезде или на какой-нибудь сомнительной хате не то чтобы не приходила им в голову, но, скорее, так резонировала с исключительным ощущением взаимной нежности и родства, что была отвергнута молодыми людьми еще на самом раннем этапе отношений. Сейчас же само течение жизни подталкивало их к сексу — последнему бастиону близости и любви. Размышления об этом накрыли Катю с головой сразу после Колиного ухода. Воспоминания о Стасе, столь успешно подавляемые ею все это время, выпрыгнули, как черт из табакерки, и буквально потрясли девушку. Она вдруг уверовала, что, стоит ей переспать с Колей, как вся та магия, что происходит между ними, исчезнет, испарится, оставит их навсегда. Она увидела себя одинокой, бездомной, никому не нужной нищенкой, бредущей мимо «Агата» под проливным дождем.

Похожее волнение обуревало и Колю по дороге к товарищу. Правда, в его случае мысли носили более утилитарный характер. Пацан боялся облажаться. Первый сексуальный опыт с проституткой Алисой научил его только тому, что нужно лежать на спине и не трогать женщину за голову, когда она делает минет. Иными словами — Коля плохо понимал, как беспредельная нежность, царившая в нем, состыковывается с сексом. Придумать же конкретный план действий (поцеловались, а дальше что?!) у него не получалось. Пацана обуюло смятение. На пути от Воронцова к общаге оно доконало его окончательно. Нести холодильник в таком состоянии было решительно невозможно. Тогда Коля поставил его на землю и закурил. Однако Дюс этого маневра не оценил.

— Колян, ты чего? Осталось-то с гулькин нос.

— Да знаю... Просто... Устал малеха.

Коля смотрел на старшего товарища и мучительно раздумывал — не поделиться ли с ним своими страхами? С одной стороны, говорить про Катю с кем бы то ни было ему не хотелось. С другой — мысли о первой совместной ночи сводили его с ума. Когда огонек сигареты подобрался к фильтру, Коля все-таки решил открыться Дюсу.

— Дюсик...

— Чего?

— Мы с Катей съехались. Знаешь, да?

— Конечно, знаю. Ты мне десять минут назад об этом говорил. Куда мы, по-твоему, холодильник-то несем?

— Так вот... Мы сегодня с ней вместе будем спать... На диване...

— Ну?

Тут Коля замялся. Дело в том, что все «воронцовские» по умолчанию полагали, что у него с Катей есть секс. Сейчас же он должен был самостоятельно разрушить этот миф, которому если и не потворствовал, то уж точно не препятствовал. Правда, надежда на то, что этот разговор Дюс сохранит в тайне, в Колиной душе все-таки теплилась.

— Понимаешь... У нас с Катей еще не было секса. Сегодня будет типа первый раз.

— Охренеть. То есть вы чуть ли не год вместе и ни разу не трахались?

— Да. Мы не занимались любовью.

— Вот как ты это называешь... Понятно.

— Что тебе понятно?

— Что ты книжек перечитал. Менжуеться.

— Как это?

— Думаешь об этом много. А я еще гадаю, чего Колян такой бледный пришел?

— А что, не надо думать?

— Не надо. О чем тут думать? Это природа, блин. Ляжете в постель, в десны шибанетесь, и все само пойдет, естественно.

— Прямо само?

— Само-само. И у ней само, и у тебя само. Так что не гони ваще за это. Тебе же с ней по кайфу?

— По кайфу, конечно.

— Ну и все тогда. Кайфуй себе и не парься.

— Думаешь, все так просто?

— Е* твою мать! Ты как маленький, в натуре. Говорю же — не гони! Понесли давай холодильник. Харэ сопли тут разводять.

— Дюс, не рассказывай никому про наш разговор. По-братски.

— Даже не думал. А знаешь — почему?

— Почему?

— Потому что ваши малолетние завихрения никому не интересны.

Колян хотел было обидеться, но вместо этого с облегчением сказал:

— Ну и хорошо.

Через десять минут запыхавшиеся друзья втащили холодильник в общагу. Дюс глянул на бледную Катю, усмехнулся и быстренько свалил домой. Коля закрыл дверь и подсел к подруге на диван.

Гнетущая тишина расплзлась по комнате. Будто бы мучительное ожидание ночи, захватившее влюбленную пару, каким-то неведомым образом сообщилось помещению, и оно тоже притихло, потяжелело, пропиталось неловкостью и страхом. Пять минут в обрушившемся молчании показались Коле вечностью. Катя же и вовсе подумала, что больше никогда не заговорит. Искося посмотрев на возлюбленного, девушка вдруг

нашла его чужим и далеким. На краткий миг ей даже померещились в нем черты Стаса. Тряхнув головой, Катя решительно встала с дивана и подошла к магнитофону. Спасаясь от загустевшей тишины, она нажала «play». Из динамиков потекла потусторонняя мелодия американской группы «Дорз». Эту группу слушал Мишин папа, который раньше время от времени бывал в этой комнате. Коля же боролся со священной обязанностью мужчины проявлять инициативу в амурных делах, вспоминал советы Дюса и напряженно ждал той «естественности и биологии», которые сделают все сами. На пике этого ожидания и запел Джим Моррисон. Неторопливая музыка подействовала на пацана успокаивающе. Он решил плюнуть на переживания и просто пригласить Катю на медленный танец.

— Катя?

— Да?

Она повернулась к нему, и луч заходящего солнца подсветил ее волосы, образовав то ли нимб, то ли корону. Бледное лицо девушки дышало волнением.

— Давай потанцуем.

— Давай.

Коля подошел к ней вплотную и обнял за талию. Катя обхватила его за шею. Они медленно затоптались по комнате, не глядя друг на друга. Потом Коля поцеловал девушку в шею. Он видел такое в кино. К тому же у пацана уже был секс с проституткой и опыт просмотра порнухи. Может быть поэтому, может от волнения, но вскоре он впился в Катину губы уверенным поцелуем и увлек девушку на диван. Снял с нее халатик. Погладил грудь. Полизал соски. Катина кожа сияла матовым светом, и пацан касался ее, как святыни. Девушка же лежала на спине с закрытыми глазами. По ее телу бегали «мурашки». Добравшись губами до живота (мужики в порнухе так и делали, только потом еще мастились), Коля снял с подружки трусики. Быстро разделся сам. Вдруг девушка прошептала: «Иди ко мне...» Облизала пересохшие губы. Это внезапное бесстыдство, шепот и невинные глаза тут же толкнули пацана вперед. Он лег на девушку, но не

оперся на локти (во время секса с проституткой она была сверху), отчего Кате сразу стало трудно дышать. Расположившись между девичьих ног, Коля резко задвигал бедрами, полагая, видимо, что член должен сам найти путь во влагалище. Эти слепые тычки, вкуче с изрядным весом, обрушившимся на Катю, заставили ее проговорить: «Не сюда, Коленька. Выше... Вот так». Она взяла член и направила его в нужное место. Ощувив себя в ней, пацан энергично задвигал тазом. Глянув на покрасневшее лицо подружки, Коля наконец смекнул про локти. Заданный им темп был слишком быстрым для девушки, и она снова прошептала: «Тише, Коленька, тише...» Постепенно секс наладился. Пацан держал Катину лицо в ладонях и целовал всякий раз, когда ритм движений позволял это сделать. Девушка поглаживала ладонями его грудь и плечи. Вдруг она выгнулась дугой, обхватила любимого руками и прижала к себе. После трех мощных толчков Коля задергался и вжался лицом в Катину шею. Их пальцы переплелись. В комнате снова воцарилась тишина. На этот раз — легкая, заговорщицкая, послушная. Первой ее нарушила Катя:

— Это было...

— Знаю.

— Ты почувствовал...

Ей явно не хватало слов, и она смешно перебирала воздух пальцами, пытаясь их подобрать.

— Конечно.

Коля лег набок, подпер голову кулаком и с улыбкой посмотрел на Катю. Ее неподдельный восторг окрылял его.

— Коль?

— Да?

— Пойдем в ванну.

— Пойдем. Можем вместе постоять под душем.

— Я тебя помою.

— А я тебя.

Вскочив с дивана, любовники быстро оделись и, посмотрев друг на друга, прыснули веселым смехом. А потом побежали искать ванную комнату. Апельсин все-таки упал в подставленные ладони.

Вскоре Катя и Коля узнали, что общаковая душевая, рассчитанная на весь этаж, мало приспособлена для любовных игр и даже мыться в ней людям чистоплотным следовало бы в сланцах. Однако, несмотря на все трудности, они вникли в особенности общажной жизни, приспособились к ним и даже стали здесь своими людьми.

Иными словами — Катя не приползла к отцу ни через день, ни через неделю, ни через месяц. Естественно, Коля к родителям тоже не вернулся. Но если его предки отнеслись к этому спокойно (парень работает и сам себя содержит), то Катин отец воспринял перемены болезненно. Наведя справки, он узнал про «воронцовских» и Колю и решил, что дочь нужно спасать. Его попытки поговорить с ней и вернуть домой «похорошему» успехом не увенчались. Идти же официальным путем и обращаться к коллегам он не захотел. Мент, который не способен навести порядок в собственном доме — такой репутации майор страшился, как огня. Яростные думы тирана, от которого ускользнул вассал, привели его к записной книжке, где, помимо вполне безобидных людей, был записан номер мотовилихинского бандита, задолжавшего bravому гаишнику услугу. Именно к нему обратился несчастный отец, чтобы раз и навсегда отвалить поганого хулигана от дочери и вернуть ее в лоно семьи.

Итак, забежим на месяц вперед. Оставим позади памятный вечер первой любви и погрузимся в суровую прозу, где Коля работает на кладбище, а Катя продает женские сумки в «Товарах для дома».

Пятница. Начало июля. Страшная жара расплавила Пермь. Банная гора утонула в солнце, и только кроны могучих сосен спасали копальщиков от его лучей. Но вот солнце пошло на убыль, и кладбищенский люд собрался в тенистом дворике административной избы. Дюс, Миша и Колян попрощались с мужиками за руку и сели на лавку. Миша достал из кармана бумажный пакетик.

— Нормально сегодня «отбаранили».

Дюс устало развалился на лавке и будто бы задремал. Коля жадно допил воду из железной кружки и зло проговорил:

— Жесть какая-то. У оврага копал. Внатуре, одни корни и глина. Чуть не подох.

Миша потрепал товарища по плечу.

— Ничего, втянешься.

В его руке появилась пачка «Беломора». Распотрошив папиросу, он развернул паке-тик и ловко заколотил «косяк». Потом по-слюнявил палец и обмазал папиросу со всех сторон — «подлечил».

— Колян, курни с нами. Ты же на бокс теперь не ходишь — можно.

Ощущение собственной взрослости, изрядно разросшееся в молодом копальщике за последний месяц, сыграло с ним злую шутку — он стал самоуверен и оттого безрассуден.

— Давай, Мишаня. После такой смены можно и расслабиться.

Воронцов прикурил «косяк». Несколько раз громко щелкнул зажигалкой «Зиппо». То ли поэтому, то ли почуяв запах ганджубаса, но Дюс тут же открыл глаза. Миша перевернул папиросу и засунул ее в рот. Коля поднес губы к торчащему мундштуку. Вдохнул «паровоза». Закашлялся. Его место занял Дюс. Лу-женая глотка без проблем заглотила «локомотив». Потом «паровоза» хапнул сам Миша. Его благодетельствовал Дюс, сменивший шефа на раздаче. Накурившись, друзья вытащили из карманов конфеты, собранные с могил, развернули их и стали смаковать. Канабиноиды расплозились по Колиному телу. Усталость прошла. Веселая сила заклокотала в мышцах.

— А ништяк ведь, Мишаня!

— Я не знаю, че ты не куришь. В Голландии вон ваще все по «зеленой»⁴!

— Слушай, а ты где берешь?

— А ты не в курсе что ли?

— Неа... Откуда?

Дюс заржал. Миша тоже прикололся.

— Вы че стебетесь, пацаны? В натуре, не знаю.

От этой реплики Дюс загоготал совсем уж громко. Утерев выступившие слезы, Миша пояснил обидевшемуся Коле причину веселья:

— Колян, барыга с тобой в одной обща-ге живет, а ты ни сном, ни духом. Андрюхой зовут. Сирано — погнало.

— Почему — Сирано?
— Потому что носатый. Из книжки какой-то, кажись. Его давно так окрестили.

— У него, типа, с лицом напутано?

Словцо «напутано» вызвало новый приступ смеха.

— Типа — да. Как у Сталлоне. Половина лица парализована. С детства вроде такой. Ну, и нос, конечно.

— Понятно. А мне он продаст?

— Нет. Да ты не парься. На район приедем, я вас вечерком познакомлю. Будешь сам брат. Но только себе, другим не ходи.

— А че?

— Не надо. Пусть бакланы всякие ходят. А то эти «чайки» тебя задолбят. Превратишься из нормального пацана в менеджера Сирано. Понял? Только для себя!

— Ладно. А то я Катю хотел накурить...

Дюс опять заржал. Миша широко улыбнулся.

— Катю — можно. Она, как ты. Одна из нас. Да и вообще, подруг надо прикалывать. Че им, обламываться что ли?

То ли из-за усталости, то ли из-за ганджубаса, но Коля вдруг расчувствовался и спросил:

— А вас не напрягает, что я ее вроде как прячу?

Дюс забился в истерике. Миша же, наоборот, ответил серьезно.

— Поначалу напрягало. Когда ты пропал, помнишь?

— Угу. А теперь?

— Ну, теперь все нормально. Катя — твое личное. Хочешь, показываешь, не хочешь — не показываешь. К тому же она вон у Дюса с Ольгой иногда общается. С Таней моей тоже как-то гуляла. Так что не пузырься.

Миша поднялся с лавки и сладко потянулся.

— Ладно. Хорош трепаться, пацаны. Айда сполоснемся и по коням. Жрать охота.

Через двадцать минут троица забралась в «Лексус» и отчалила на Пролетарку. Примерно в это же время из Мотовилихи выехал черный «Мерседес». В нем сидели четверо крепко сбитых пацанов в спортивных костюмах. Между ног у них стояли биты. Тот, что

развалился на переднем сиденье, был должником Катиного отца. Цветная фотография Коли красовалась на бардачке.

Миша Воронцов лихо подрулил к общаге. По дороге друзья заезжали поесть шаурмы, и потому путь до дома занял добрых полтора часа. Предвкушая встречу с любимой, обычно внимательный Коля не заметил ни «Мерседеса», припаркованного с торца, ни Катиного папу, сидящего за рулем «Тойоты» чуть поодаль. Зато он сразу увидел Катю. Подруга поджидала его у окна. Как только Коля выбрался из машины, она бросилась к нему. В тапочках и коротком застиранном халатике девушка быстро пробежала по общажному коридору, скатилась по ступенькам и повисла на его шее. Эта бесконечно милая сцена не произвела никакого впечатления на мотовилихинскую братву. Они просто ждали, пока парочка зайдет в комнату, чтобы вежливо туда постучать и переломать пацана. Однако Катиного отца неподдельная нежность влюбленных заставила засомневаться в необходимости таких действий. В конце концов, тот был всего лишь жестоким человеком, но никак не чудовищем. Он живо представил, как счастливая парочка устроилась в комнате, а туда ворвались мотовилихинские бандиты и на глазах дочери превратили пацана в кровавый фарш. Поэтому, когда влюбленные вошли в общагу, он выскочил из машины и кинулся к «мерседесу», из которого уже выходили бандиты.

— Стойте, мужики, стойте!

Должник хмуро посмотрел на майора и уронил:

— Чего тебе?

— Не надо. Не трогайте его. Все отменяется.

— Мы че, зря ехали, что ли?

— Не зря. В расчете теперь.

— Так бы сразу и сказал.

Братки тут же вернулись в машину и дали по газам. А Катин папа еще какое-то время обалдело стоял на улице, силясь осознать собственное великодушие. Вопрос — что делать дальше? — беспомощно крутился в его голове. В итоге он решил оставить си-

туацию как есть, обнадежив себя расхожей фразой, что жизнь все расставит по своим местам.

Тем временем влюбленная пара зашла в общагу. Катя принесла с кухни ужин — макароны по-флотски, и они сели есть. Потом, по уже заведенной традиции, молодые люди легли на диван, и Коля стал читать вслух книжку про Древнюю Грецию. Однако на второй странице он вспомнил о ганджубасе.

— Кать?

— Да?

— Я сегодня анашу курил. С Мишей и Дюсом. Прикольно было.

Девушка подперла голову кулачком и посмотрела на Колю с неудовольствием. В последнее время она немного ревновала его к Воронцову, хотя и старалась этого не показывать. Катя искренне не понимала, как Коля может тусоваться с ним, когда есть она.

— Прямо прикольно?

— Ну, расслабило... Хочешь попробовать?

Катя тряхнула головой.

— Хочу!

— Меня Миша сегодня с барыгой познакомит. Представляешь, он в общаге живет.

— Всяко на четвертом. Там все какие-то... сомнительные.

— Не знаю. Я тебе потом все расскажу. Давай читать.

— Давай.

Девушка устроилась калачиком, положив голову Коле на плечо. Казалось, ничто в мире не сможет разрушить их идиллии...

Вечером в общагу заглянул Миша. Друзья поднялись на четвертый этаж и зашли к Сирано. Тот оказался сорокалетним мужчиной низкого роста, с рябым парализованным лицом, асимметричными глазами, синими перстками на пальцах и действительно длинным-предлинным носом. Поручкавшись, Миша представил ему товарища и велел не отказывать в ганджубасе. Коля тут же достал «двушку» и купил пакет травы. Сирано хоть и выглядел безразличным, в глубине души ликовал. Его сексуальная жизнь не грешила разнообразием — вот уже десять лет он довольствовался механическим трахом с деше-

выми проститутками. Катю же он приметил давно и тайне облизывался на ее живость всякий раз, когда она проходила мимо в своем коротеньком халате. Знакомство же с Колей давала ему шанс когда-нибудь полакомиться девушкой. По крайней мере, завязать знакомство.

Проводив Мишу до «Агата», Коля купил «Беломор» и вернулся домой. Катя валялась на диване и листала любимую детскую книжку — «Эмиля из Леннеберги».

— Купил?

— А то! Все по «зеленой»! — проговорил Коля с интонациями Дюса. Важная поза, грудь колесом и широко расставленные ноги так точно передавали характер друга, что немного обиженная Катя не выдержала и захохотала. Коля выложил на стол травку и папиросы. Девушка вскочила с дивана и заинтересованно оседлала стул.

— Что ты собираешься делать?

— Заколачивать «косяк», детка.

Коля снова валял дурака, с крутым видом потроша беломорину. Вытряхнув табак в пепельницу, он развернул пакет, сделанный из старой газеты, и высыпал ганджубас на стол.

— Держи, принцесса. Почитай пока.

Катя взяла обрывок и пробежала его глазами.

— Хм...

— Что-то интересное?

— Преемник Ельцина стал президентом. Смотри, как на хорька похож!

— Точно. И глазки маленькие.

— Думаешь, каково это — быть президентом?

Коля доколотил «косяк» и сосредоточился на изготовлении «пятки» — свернутого в трубочку плотного кусочка бумаги, который вставлялся в мундштук, чтобы трава не летела в горло.

— Не знаю. Кайфово, наверно. Хотя...

Тут он умолк, потому что «пятка» получилась короткой, и надо было переделывать.

— Чего замолчал? Говори!

— ... Президент всегда на виду. Нужно быть реально правильным человеком, чтобы тебя это не обламывало.

Катя задумалась.
— Ну, или очень сильно любить власть...
— Да.
— А «хорек», он, думаешь, какой?
«Косяк» был готов. Коля открыл форточку и поманил Катю рукой.
— Давай курить.
— Скажи сначала про «хорька».
— Дался он тебе...
— Скажи!
— Я думаю, что «хорьки» хорошими не бывают.
— Почему?
— Они хищники. Кур душат. Слушай, мы еще не курили, а разговор такой, будто курили.
— То есть вы вот так с Воронцовым сегодня общались?
— Нет. Они с Дюсом больше ржали.
— А мы тоже будем ржать?
— Сейчас увидим.
Коля «залечил» папиросу и раскурил ее тремя мощными затяжками. Протянул «косяк» Кате.
— Затягивайся медленно.
— А то что?
— А то закашляешься.
Девушка взяла папиросу и неловко затянулась. Тут же поперхнулась дымом.
— Терпи, принцесса. Иначе постоянно будешь чахнуть. Сейчас пройдет. Попей воды.
Коля подал подружке кружку и забрал папиросу.
— Уф!
Катя потрянула головой и весело посмотрела на него.
— Давай еще!
— Держи.
Через пять минут Катя и Коля покончили с «косяком» и плюхнулись на диван.
— Потом «паровоза» тебе пушу...
— Кого?

— «Паровоза».
— Объясни.
Коля защелкал пальцами, пытаясь подобрать слова, а потом соскочил, взял беломорину и показал наглядно.
— А в чем фишка?
— Очень много дыма. Я его как бы вдываю в тебя.
— Прямо вдываешь?
Катины глаза подернулись поволокой. Она облизала пересохшие от ганджубаса губы. Ей хотелось пить, но жажда эта была приятной. Вместо ответа Коля поцеловал девушку в щеку. Она придвинулась ближе. Тогда он осыпал поцелуями все лицо: веки, подбородок, скулы, нос, лоб. Катя тихо рассмеялась и повернулась к нему спиной. Прижалась попкой. Коля зарылся носом в копну русских волос. Вдохнул возбуждающий и родной запах. Положил руку на требовательное бедро... Когда все было кончено, он встал с дивана, взял со стола горсть шоколадных конфет и лег обратно. Разложил сладости на голой груди. Катя перевернулась на живот и задумчиво развернула фантик.
— Удивительно...
— Что именно?
— Я как будто была с тобой и не с тобой одновременно.
— Это ганджубас, Катя.
— Ты тоже почувствовал?
— Конечно.
Коля пытался выглядеть опытным травокурором, однако то, что только что легко сформулировала Катя, минутой раньше он безуспешно пытался объяснить себе. Поэтому-то и обронил уверенное «конечно». Иными словами — ганджубас привнес в жизнь влюбленной пары трудноуловимую новизну, которую обоим было интересно отыскивать и произносить вслух. Неудивительно, что вскоре он стал неотъемлемой частью их жизни.

¹ Славливаться — встречаться.

² Базарга — серьезный разговор.

³ Загоняться, гнать — слишком сильно волноваться о чем-либо.

⁴ Все по зеленой — все доступно и легко.

Екатерина Симонова

Сумаляк

1

писать о городе
в котором ты никогда не была
это все равно что пытаться разговаривать
с тем кто тебя больше не любит

между вами стоит такое количество боли
что язык распадается на ничего
не значащие фрагменты:

«да»

«нет»

«хорошего вечера»

тесные запыленные двери
в старом городе

тусклый тимуридский кружок неба
отраженный в ручном зеркальце

отбитые лица музейных статуй

пустой голубой халат апреля
сохнувший в пустом дворе

как еще одно напоминание
о бессмысленности нежности и телесности

2

когда меня просят написать текст
о параллелях
между нижнетагильской и ферганской
поэтическими школами

я понимаю единственное что их объединяет
просьба об этом

иногда связи между вещами и людьми
гораздо тоньше
чем нам кажется:

письменный или устный запрос

молчаливое согласие

бутылка хорошего узбекского вина,
не выпитая,

желание просто наконец с тобой
поговорить —
неважно о чем

3

Катя на кухне готовит
итальянскую пиццу
английскую шарлотку
норвежский десерт со взбитыми сливками

готовит медленно и задумчиво
немного по-своему
заменяя миндаль грецким орехом,
добавляя в тесто на одно яйцо меньше
чем требуется
в классическом рецепте
вместо помидоров нарезаю куриную
копченую грудку
и цветную капусту

кухня — последнее пространство
кажущееся защищенным

избавляющее от необходимости
контактировать с окружающим миром

позволяющее быть
просто ножом миксером нагревающейся
духовкой

свежим болгарским перцем
маслинами без косточек
взбитыми с сахаром белками
кислыми зелеными яблоками

жаль что катини кухонные мечты слишком
смелы и неосуществимы

она хотела бы хоть однажды
приготовить сумаляк

мешая сумаляк
человек освобождается от недобрых
мыслей

варить его нужно сутки
постоянно помешивая

поэтому сумаляк варят всей улицей
переглядываясь, зубоскаля, просто радуясь
тканой пестроте жизни
легкости сердца

я была бы рада сварить его со всеми вами

жизнь в пространстве кухни ясна
подчинена простым правилам
почти волшебна

и не нужно другой:

если в чае есть пузыри — это к богатству

если в чае палочки — это к гостям

если петь когда режешь хлеб —
он будет самым вкусным хлебом на свете

4

если ты окажешься в городе
в котором ты никогда не окажешься
привези мне из него то
что никогда мне не привезешь:

кольцо из шляпки ташкентского желудя

шесть синих пиалок с изображением хлопка

бусину-кузмунчок

особенно — последнее —

оказывается

если кузmunчок разбился
значит упал с тебя недобрый глаз
закончились печали
пришло время

бросить все
сесть пить чай из всех шести пиал
по очереди

обмениваясь дарами:

засахаренными орехами обвалянными
в кунжуте

воздухом сияющим
как золоченая ложечка с прилипшей
сладкою крошкой

радостью глядеть
и не наглядеться

5

Камила говорит
что в Ебурге на Таганском ряду
самая хорошая на Урале узбекская кухня
там духи масляные есть лепешки пекут
курт есть хлопковое масло
диски с узбекскими фильмами

все можно найти

Камила сама родом из Ташкента
сейчас живет в Нижнем Тагиле
раньше она в Ебург на Таганский ряд часто
гоняла

чтобы побыть будто в Ташкенте

сейчас не до того

Камила мне пишет что может говорить
о Ташкенте часами
теперь я знаю

как можно курить виноградные ветки

что такое курт

что в детстве у них никогда не закрывалась
дверь в дом

нельзя зевать — шайтан заберется в рот

чтобы рис в плове был рассыпчатый
нужно его проткнуть в нескольких местах
палочкой

Камила обещала написать вечером еще
и пугает,

что я еще от нее устану

зря она так думает:

я же знаю — о том что любишь
действительно можно говорить часами

можно говорить и говорить
даже не произнося вслух
ни слова

6

жасминные кусты цветут
шиповниковые кусты цветут

самсу продают из детских колясок вдоль
дороги

во дворе бутерброд с абрикосовым
вареньем

можно обменять на один круг на велике

можно вообще все на все обменять:

грушу на айву
день на ночь
детство на старость
радость на горе

не каждый обмен оказывается выгодным

каждый обмен оказывается необходимым

Борис Эренбург

Твиттер Наполеона

Святая Елена — маленький остров.

В тюрьме нет ничего, кроме времени.

А что у нас сегодня на обед? Англичанин не ест мяса, которое не вполсыро.

Скоро меня забудут, что скажут историки обо мне? Носил треуголку — вот, пожалуй, и все.

Буря погубила мой флот, мороз и пожар уничтожили армию. Гребаная погода, долбанутая как моя жизнь.

Я полагал, что англичане аристократы, а мне на остров подсунули губернатора-гопника.

Бог дал мне корону, англичане — терновый венец. От каждого по способностям.

Не давать людям состариться — вот мой принцип. Три поколения умерли молодыми и счастливыми во славу Франции.

Когда даешь золото людям, они уже не хотят умирать за славу. Вот так всегда: или понты, или деньги.

Берегите себя.

С моим ростом меня будут хоронить в детском гробу.

Наполеон ретвитнул Талейрана:
Кто не жил в XVIII веке, тот вообще не жил.

Наполеон:
Я-то пожил, а многие опоздали.

Наполеон ретвитнул газету «Монитор»:
Корсиканцу было плевать на миллионы людей!

Наполеон:
А теперь миллионам плевать на меня. Мы квиты.

Общественное мнение — это проститутка со стажем.

Французы умеют мстить. Стоит умереть, как твоим именем назовут бодряжный коньяк.

Трудно делать людям добро... Я истратил тридцать миллионов на канализацию, и никто мне за это спасибо не сказал.

Наполеон ретвитнул Пушкина:
«Хвала!.. Он русскому народу Высокий жребий указал»

Наполеон:
Торговать надеждой — удел вождя.

Поэт — лучший историк. Настоящие стихи не врут.

Будете плакать обо мне кровавыми слезами!

Если Святая Елена — это Англия, то в Англии всегда ужасная погода и гнусный сервис.

Надо было бежать в Америку. Это тренд.

Наполеон ретвитнул Талейрана:
Бойтесь первого движения души, потому что оно, обыкновенно, самое благородное.

Наполеон:
Семь раз примерь, а потом подумай: на хрен тебе это надо.

Один генерал-изменник был выше меня на целую голову. Потом ядром ему оторвало ноги. Все равны.

Мне некого предать, я самый главный.

Все равны. Но император равнее.

Мы, лидеры, не знаем слова мы.

Доброе утро, друзья! Какие новости в английских газетах?

В одной газете называют меня тираном, в другой — выскочкой, в третьей, что удивительно, трусом!

По моему приказу у Сфинкса ядрами отбили нос. Очередной фейк. О, мама Летиция, ты родила чудовище!

Когда газет много, они врут. На страну достаточно трех-четырех.

Все считают меня ужасным завоевателем, а я просто люблю путешествовать. Посмотреть Берлин, увидеть Вену. По весне, как всегда, хочу в Индию.

Я единственный из евромонархов, который доехал до Москвы. Осмотрел Кремль, побывал в Оружейной палате.

На этом проклятом острове большую часть года нельзя увидеть ни солнца, ни луны; всегда дождь или туман. Нельзя проехать и мили, не промокнув.

*Наполеон ретвитнул Талейрана:
Целые народы пришли бы в ужас, если бы узнали, какие мелкие люди властвуют над ними.*

Наполеон:
Почему Талейран не пишет про меня? Только про других.

*Наполеон ретвитнул Талейрана
Некоторые должности похожи на крутые скалы: на них могут взобраться лишь орлы и пресмыкающиеся.*

Наполеон:
Все-таки упомянул меня птицей, да и себя не забыл, змей.

Талейран молодец. Если при разговоре с вами ему сзади дали пинок, вы ничем не догадаетесь. Хитрая невозмутимая рожа.

У меня врожденный дефект, я с детства выражаюсь приказами. А люди их выполняют.

Последнее слово всегда остается за общественным мнением. Говорите, говорите, друзья, а приговор прочтут пушки.

Люблю ампир, ведь я император.

Ампир — это порядок.

Анархия приводит к диктатуре. Когда я надел корону, революционеры обалдели, но затем просекли логику.

Сила никогда не бывает смешной.

Восьмифунтовые пушки с картечью за полчаса успокоят мудаков с любыми идеями.

Кто-то бежит от картечи, кто-то от грохота. Одно восстание я подавил холостой пальбой.

Я мог бы создать религию. Вижу себя на спине слона, с тюрбаном на голове и с новым, моего сочинения, Кораном в руках.

У Талейрана — ум, у меня — харизма. Держим яйца в разных корзинах.

В Европе одна монета, один вес, одна мера, один закон. И конечно, один император, зачем два?

Европа без виз, без границ, торгуй и путешествуй как дома. Я хотел создать Европейский союз, но никто не заценил идею.

Люблю всемирную диктатуру. Ведь это не преступление.

Помните, при разгоне депутатов Мюрат скомандовал солдатам: «выкиньте эту шуштуру отсюда на*уй!» А ведь это я подсказал ему такую блестящую формулировку.

Составителям конституции сказал: пишите коротко и неясно. Мой метод.

Необязательно делать столицей Европы Париж, можно и Брюссель.

Мюрат впервые выиграл в покер и кричит: это мой Тулон!

У Мюрата сто фоловеров в твиттере. Радуется как ребенок.

Когда-то мои приказы слушали полмиллиона солдат, сейчас у меня два миллиона одних только фолловеров.

Люблю муравьев — образец государственной мудрости. Идут строем в поисках сахара.

Если бы у меня был попугай, я бы не нуждался ни в ком.

*Наполеон ретвитнул Ожеро:
Были с маршалами у Наполеона. Сняли шляпы, сели. Он надел кивер, встал. Этот малый нагнал на нас страху!*

Наполеон:
А то!

Бернадотт стал якобинцем, предал короля, затем Робеспьера, потом меня и стал королем Швеции. А ведь на ляжке у него та-тушка «Смерть королям!».

*Наполеон ретвитнул Ростопчина:
Революция — пожар, французы — головоешки, а Бонапарт — кочерга.*

Наполеон:
Сам ты — пожар и кочерга! Кто спалил нерезиновую?

Злейший враг французов Ростопчин сжег Москву и уехал на жительство в Париж. Стокгольмский синдром?

Я тоже уехал жить в Англию.

Македонский покорил Азию и объявил себя сыном бога. За подобное меня освистали бы рыбные торговки в Париже.

Итак, мама Летиция, ты не грешила с Озирисом? Жаль.

Надо же! Папа-то во Христа верит!

Русский император сам у себя поп, это совсем не так глупо!

Существовал ли Иисус? Вряд ли. Даже Иосиф Флавий не упомянул о нем.

Бог есть. Это точно. Он разрушил мою вавилонскую башню. Кто же еще?

Удача бежит за великим человеком. Но редко догоняет.

Моим именем уже назвали кучу войн, к большинству из которых я не имею никакого отношения.

История — это басня, в которую договорились поверить.

15 лет молотить друг друга на полях сражений. Хороший сюжет для сериала.

Гусар, который не убит в 30 лет, — не гусар, а говно!

Еще раз скажу: берегите себя.

Говорил с королем Пруссии о военном деле. Он знает, сколько пуговиц на мундире, а я нет. И ведь в итоге Пруссия победила!

Любовь народа возбуждает.

Когда я сбежал с Эльбы и высадился во Франции, два бомжа в порту радостно кричали: гляди-ка, это тот самый псих, Наполеон!

*Наполеон ретвитнул де Сада:
Оргии провели, как обычно, и пошли спать.*

Наполеон:
Люблю поспать на поле сражения. Однажды чуть не проспал битву под Ваграмом.

Приснилась Битва народов. Проснулся от взрыва моста.

Где ты, Груши? О, Груши, верни мне мои батальоны!

Маршалы зова не слышат.

Просыпайтесь, граждане! Два часа ночи, пора в твиттер. Надо зарабатывать жалованье, которое платит французский народ.

*Наполеон ретвитнул де Сада:
Нет ничего опасней отвергнутой женщины.*

Наполеон:
Бросил бабу? Найди ей мужа! Мой метод.

Вернейший способ сдержатъ слово — не говорить.

Жозефина зашла в мой твиттер и троллит королей.

Я часто спал вдвоем, но втроем — никогда! Я что-то пропустил?

Надо ввязаться, потом посмотрим.

Счастье на стороне больших батальонов.

Врач говорил: чтобы задержать оргазм, думай об Англии.

У меня одна настоящая любовница — Франция. Она меня кинула, не я.

В 1815 году народ Франции устал и подал в отставку со своего поста.

*Наполеон ретвитнул Тэна:
О, Наполеон! В тебе нет ничего современного. Ты весь из Плутарха!*

Наполеон:
С появлением газет плутархи исчезли. Слава теперь живет два-три дня.

Основал газету «Курьер». Даже славу приходится каждый день ваять лично.

Чтобы народ не тратился на газеты, пришлось закрыть все, кроме своих.

Говорят, моя страна — полицейский участок. Пусть участок — зато большой.

Я привез в Египет 150 ученых, они нарушили сон мумий. В результате мы просрали Акру, а солдаты заболели чумой. Становлюсь суеверным.

Лучший мой приказ дан под Александрией: «Армию в каре! Ослов и ученых в середине!» Такое не забудут и без Плутарха.

*Наполеон ретвитнул Байрона:
Благодарим! Пример жестокий! Он больше значит для веков, Чем философии уроки, Чем поученья мудрецов.*

Наполеон:
Ага! Будете плакать обо мне кровавыми слезами.

Я пришел в мир слишком поздно: уже написан Вертер.

Если бы Илиаду написал современник, ее бы не заметили. Она велика для твита.

Писать в твиттер — все равно что высекать в камне. Он подошел бы для фараонов.

Читал в переводе Шекспира: жалкий ничтожный автор. То ли дело Корнель — пишет гениально и по-французски.

Встречался с Гете. Взаимопонимание абсолютное. — Уважаю, — сказал я. — И я тебя, — сообщил он.

Пришел спам: предлагают место на кладбище Смоленска.

Я собирался завоевать Россию, отменить крепостное право, а потом вернуть страну Александру. Взглянуть бы при этом на его физиономию!

С русским Александром мы могли бы захватить Индию. У него есть имя Македонца, у меня талант.

В России нет дорог — только направления. Скорблю по русским дорогам.

В Москве пробовал царские пирожные. Русские любят сладкое: моим именем они могли бы назвать торт.

У русских есть выражение: я бросил пить. Что это? Кто знает — в каменты.

Прошел тест на характер «Поза Наполеона». Результат: простодушен, мягок, доверчив.

Картинка Давида про перевал Сан-Бернар собрала три тысячи лайков, хотя многие даже не заметили надпись на скале: здесь был я.

Я хотел бы стать дауншифтером и заниматься садоводством. Говорить о курах, о навозе, солить грибы на зиму.

Любое лекарство вызывает ужас через сто лет. Меня, к примеру, пытались лечить ртутными пилюлями.

Доктор должен быть с бородой, в белом халате и лечить только внешним видом. Не больше.

Самые опасные воры ненаказуемы. Они воруют у людей время. Это фейсбук, твиттер, инстаграм.

Английская кухня убивает без отравы.

Сколько бы я мог еще совершить великих дел, если бы не зарегистрировался в твиттере!

Если мир не говорит, говори ты

Журнал «Вещь» практически в каждом номере публикует произведения писателей из соседних регионов. Литературный контекст позволяет лучше понять творчество поэтов нашего региона, используемые ими образы и смыслы. В этот раз мы сделали подборку стихов удмуртских поэтов. Авторы работают в разной стилистике, в их творчестве можно различить как актуальные тенденции молодой российской поэзии, так и «пульсирующий хтонический гул» богатой мифологической традиции удмуртского народа.

Редакция

Зинаида Сарсадских

Расскажу плейбоям, что я плейгерл,
Что я большее из святых зол.
На вельвет андеграунд пошел подол
И, Шапеева, унеси кол.

Жила, кутикулу не удаляя,
С лосем в бетоне — Николаем.
...Брат в Кыргызстане разбирает
трамваи, туфли и хурму.

И мы трамвай домой пригнали,
и желдорогу рассовали.
Она быстрехонько сломалась,
и ты нисколько *femme fatale*.

А туфли эти от венчания
все раздавились так нечаянно,
Камаз еще назад поехал.
Где Вена, Вена? Где Чолпон?

Раздавленная мама страшная,
И мраморы стояли башнями,
И свет там в морге отключился.
Зачем все это? Ни за чем.

И кто-то отчества стесняется.
И кто-то в каку превращается.
Татарка с Федей развращается
Fatale homme, fatale femme.

Пылкий пыл в тюряжку уплыл.
Дед Чангыл чабаном был.
Чабаном был, злато детям носил.
Злато дети брали, платье покупали.
Шелк тебе дарили и барана били.

С расцветкой русского халата
пиджак, и шорты, и мозги.
Отпавших кос святая вата,
отпавших валенок носки...

Ты, Аня, слишком моложава
Ты о ребенке пожужжи
ты — мамина былая слава
но масло с рыбой не ложи
все вместе, ну, ты понимаешь,
Зачем мы к Хренову идем?

Зачем мы все это погладим?
Зачем мы все это пропьем?

Подтяну кулиску, заверну гербарии.
Выключу Марыску к бабушке Сезарии.
ведь они — туземны, и они звериные!
А вокруг летают лица комариные.
А вокруг летают пьяные писатели,
Думают, что миру, лире — знаменатели.
Съем-ка я горбушку с маслосаменителем
И пойду в детсадик, назовусь родителем.

Ирина Кадочникова

Когда ты мучаешься небом,
Когда с высокой колокольни
Плюешься им, как будто кровью,
Все хорошо, на самом деле.

И если небо хлынет горлом,
И если глина станет кожей,
То оживет и этот город,
Словами тронутый до дрожи.

Господь кормил нас бедной пищей
Из собственной сухой ладони.
И вот мы ради Бога пишем,
Пока никто нас не догонит.

Спасибо, други, за репосты,
За лайки, комменты, хэштеги,
Поскольку рано или поздно
Не то родня, не то коллеги,

Не то какой-то злобный хакер,
Не то друзья, не то солдаты
Нас удалят отсюда нахер,
А мы ни в чем не виноваты.

Песок

И стоишь ты такой — не автор и не герой,
Человек, на работе наживший свой
геморрой,
Полуробот, сонная муха, функция —
фиг пойми,
Как нормальные люди становятся
полулюдьми.

И живешь ты, себя не помня, не помня
родства,
Забываешь милые лица, теряешь слова,
И тебя накрывает огромный черный песок,
И когда ты пишешь, проступает он между
строк.

Вот песок незаметно прошел сквозь твоё
окно,

И погасло окно, и стало в окне темно:
Вместо вечного света включился
внезапный мрак,
А песок все шел, не прекращался никак.

И песок наполнил дом твой до потолка,
Там осталось немного воздуха — два глотка,
Впрочем, этого хватит, чтобы сказать
«люблю» —
И песок отступит, а я все — не говорю.

«Дорогой, уважаемый», — это сердце мое
в виске,

Но письмо не движется, и стою я по горло
в песке,
А песок все идет — прямо с неба, прямо
на нас,
Из неведомых черных дыр, из Господних
глаз.

И серая, и радужная пыль
В глазах, когда испытываешь скорость
И попадаешь — если не в утиль,
То в самую сплошную невесомость.

Полет нормальный. На земле зима.
Все в штатном, как положено, режиме.
Жуй сахарные звезды задарма
И Млечный Путь — последними, большими

Глотками пей, покуда есть еще
И время, и мучительная жажда,
Покуда если кто и не прощен,
То все-таки прости его — неважно,

Какая он тебе смешная боль,
И сколько лет прошло, и что такого.
И дышит жизнь расшатанная вдоль
И поперек тебя, как будто слово —

Как будто кто-то удлиняет свет
Сквозь радужную пыль твоих прозрений...
Опомнись — а никого и нет.
И тени за окном, и только тени.

У человека рот всегда немой.
У человека рот набит бедой.
У человека рот набит едой:
Поп-корном, черным хлебом, манной кашей,
Наполнен материнским молоком,
Водой из крана, чьими-то слезами.

Сначала, предположим, ты как все:
Живешь от воскресенья до субботы,

Стараешься — ну белка в колесе:
Работа — дом — работа — дом — работа.

Потом ты переходишь в мир иной —
Не то чтобы в другое измерение:
В домашний хаос, в огородный зной,
Где разница меж сном и пробуждением

Невелика, где нет ее вообще,
Где снег всегда, и лето пахнет снегом,
Где королевство нажитых вещей
Куда прочней империи ацтеков.

И лишь когда сравниваешься с золой,
Проговоришь — впервые на пределе:
«Се — человек, не добрый и не злой.
Чего вы от меня еще хотели?»

Дыши, а лучше не дыши —
Плевать, какое время года:
Мучительные виражи
Тебя перечеркнут в два счета.

Сначала будет как в кино —
Так много музыки и света,
Потом (по логике) темно,
Потом... но промолчим об этом.

И вот растапливаешь лед
И до такой последней сути
Доходишь — до подземных вод,
Куда бы лечь костями, как будто

В огромный шарик надувной
Сыграть, в такой воздушный ящик —
В предновогодний шар земной,
Поскольку всяк сюда входящий

Оставь надежду, ничего
Не сбудется, себе дороже...
Сегодня, кстати, рождество —
Пусть у католиков, но все же.

Россия, блин, везде сельпо,
Сплошной запой, в колонках ретро.

Твой новый год идет в депо —
До нулевого километра.

Но ты стоишь, дорожный знак —
И ослепительный, и ясный,
На этих черных виражах —
Самоубийственных, прекрасных.

Ни кофе и ни чай,
Ни детское «прощай»,
Ни ветер в черных кронах.

Ни охра и ни хмарь,
Ни плохонький букварь —
Толковый и бессонный.

Ни Запад, ни Восток,
Ни розовый песок —
Ни в Турции, ни в Ницце.

Ни то тебе ни се,
Когда погасло все —
Бойницы и больницы.

Как хочется не у-
мирать в сыром углу
От глупого инфаркта.

Три дня теперь филонь,
А там глядишь — в огонь
Летит твоя медкарта.

Лето — хорошее дело.
Высокая синева.
Тело на солнце горело.
Надя колола дрова.

У нас чумазые лица.
Нам десять — не больше — лет.
Какая там граница? —
Максимум — велосипед.

В воду заходишь по горло:
Тина и там и тут.
А Надя дрова колола
И не ходила на пруд,

И не ходила в школу,
Никогда не была в кино.
Надя дрова колола.
Было это давно.

По Каме ползли пароходы,
Льдом покрывалась Нева.
Тучи неслись и годы,
А Надя колола дрова.

В баночке из-под джема
Медный цвел купорос.
Некрасов писал поэму,
Решал крестьянский вопрос.

Столыпин мутил реформы,
Блок сочинял стихи,
Ленин дышал хлороформом,
Вымирили большевики.

Дым сигарет с ментолом
Распугивал учителей,
А Надя дрова колола,
В перерывах рожала детей,

Работала где-то, старела —
Как-то, в общем, жила.
Тело совсем истлело,
Но не кончались дрова.

И вот нам уже за тридцать.
Нас привечает Москва,
А где-то в удмуртской провинции
Надя колет дрова.

И там, откуда я смотрю на небо,
Откуда я сегодня говорю, —
Бутылочные стекла, а под ними
Цветы и фантики, игрушечные горы,

Пустые домики улиток, птички
Скелеты, муравьиные ходы,
Личинки майского жука, следы
Вулкана, моря, великана, человека.

Когда звучишь, не поднимая снега,
Уходишь дальше, глубже, невозвратней —
В земной — со всех сторон зашитый —
свод.

Когда твой свет растет наоборот,

В иное прорастая — в ледяное,
В бутылочное горлышко больное,
И говоришь, и дышишь, и поешь.
Невидимый, но все-таки живешь.

Егор Завгородний

УРОК ПЕНИЯ полупоэма

1

— А-а-а-а... О-о-о-о... У-у-у-у...

2

Найдя свой голос во тьме ночной,
Парнишка юный бежит домой,
Кричит, качая головой,
Свои слова.

И голова, и голова,
Туда-сюда, туда-сюда,
И грустных строчек караван
Бежит на юг.

Под песни вьюг, под песни юнг,
Из темных башен и кают,
По всей земле, держа свою
Строку строкой.

3

— Ты чего поешь такое?
— Песню.
— Песню... А курить есть у тебя?

4

Пустой карман, пустой карман,
Все тянет, тянет караван,
Верблюды падают в песок,
Луна как проседь на висок,
Пятиэтажки, фонари,
Не говори, не говори!
И корабли идут на дно,
И мысли только об одном.

5

Горит звезда, гори, звезда,
Пока горится. Год за годом
Рассвет пронзают поезда,
Рассвет пронзают самолеты,
Рассвет пронзают корабли,
А ты гори, звезда, гори,
И если мир не говорит —
Ты говори.

6

— Красиво, пацан, а можешь про календарь
переверну, ну вот эту вот?

7

Не третье сентября, но — воскресенье.
Под фонарем, как цебра,
Тебя не найти, но Бога.
Угол заброшенной церкви,
Пыль забытой дороги.

8

— Ты че, а?
— А ниче.
— Ну, ниче так ниче. Пошел я, бывай давай.

9

Дом, дом.
Дин-дон...
Дин-дон...
Дом, дом!

10

Дверь на замок, верблюд на песок,
Лампа в висок, корабль на мель.
Вкусная карамель из чашечки над столом.
Ранний апрель. Позднее естество.

11

Фантики синие и хрусткие, ломкие,
как пальцы, как хлеб и рыба, как песня.

УРОК ФИЗКУЛЬТУРЫ полупоэма о безумии

1

когда одноклассницы стали
чем-то чуть большим, чем просто «девка»,
и я начал приглядываться
к полушариям из-под шортиков,
я полюбил урок физкультуры.

2

физрук, бородатый мужчина с лысиной,
был похож на атомный ледокол.
в его зрачках помещалась истина.

он

был уставшим тружеником механизма
системы образования Российской
Федерации в Муниципальном
образовательном учреждении «***-***
Лицей №**».

//Поставил звездочки — получилась морда
мухи.

//А №** — это вообще как у каких-то там
поэтов.

3

Все строились на линейку:
высокие
пониже
низкие
Потом девочки.

4

Физрук говорил:
«Здравствуйте, класс!»
И по нормам систем образования мы
должны были встать, но мы и так стояли,
что вызывало у меня существенный
диссонанс.

Мы отвечали: «Здраст...!»

5

Только потом я понял, что «здраст» —
это не матерщина или, не знаю, имя —
а звали физрука не так — но сокращение
от «здравствуйте».

6

Потом мы бежали под физручью морзянку
мы отбивали шаг
он считал — раз, два, три.
мы бежали — раз, два, три.
Он долго считал, видимо, хотел стать
учителем математики.

7

раз, два, три.

6

Девочке Соне на вышибалах разорвало ухо
и ее сережка потерялась где-то между
ззорами в полу
от которого пахло хлоркой, мочой и резиной
с наших подошв.

5

раз, два, три.

4

Все потные и грязные, мы шли обратно
в раздевалке громко ругались, толкались,
один раз передрались все.
а где-то за стенкой, за тонкой стенкой,
переодевались девочки.
мы все об этом знали, поэтому кричали
очень громко
чтобы они нас заметили,
как мы замечаем полушария из-под шортиков,
как они замечают, что мы замечаем,
и хихикают на переменах.

3

А что девочки обсуждают в раздевалках?

2

раз, два, три.

1

а потом всю жизнь внутри
как молитва — раз, два, три.
Закончили.

Марат Багаудинов

Город покрытый чугуновой сковородой
Коршун голодный мухой у дна летает
Каждый колдырь к обеду почти святой
Каждая блядь под утро почти святая.
Сколько же надо сил не хватает сил
Месяцы, годы здесь прогрызть тоннели
Только никто бы лишнего не спросил
Лишь бы на запах мухи не налетели
Ляг со мной рядом в теплый песок гляди
В ясную жизнь безгрешного океана
В то что случилось с нами и впереди...
Как-нибудь не вернешься и я не стану.

А квадрокоптер по дому носится
Храни коробку хотя бы до
Того как кот навсегда отпросится
Он в чем-то должен покинуть дом.
А вы так близко и ясно видели?
Фасады смерти, ее цвета...
В груди надо место под камень выделить
И яму выкопать под кота.

Серым хвостом подмети одиночество
с кожи
Серые лапы сложи на больные глаза
Знаю, ты там не скучаешь, поверишь, я тоже

Но по привычке сижу под кроватью. Гроза
Смоет однажды еще воспаленные чувства
Запах и нежность и длинную шерсть
на губах
Веришь, сейчас вечерами безудержно пусто
Не без тебя, просто мир безнадегой пропах.

А слез как не было так и нет
И скорби нет ничего не гложет
И будет день и случится свет
И что-то доброе будет тоже
И ждут старинные города
И можно взять в магазине рыбы
Поскольку яма взяла кота
За то что был и за все спасибо.

Драматургия

Александр Югов

ЛЕТО БЕЗ КОНЦА

Пьеса в одном действии

ОН и ОНА. Просто — двое. Дни, как обрывок не известной никому киноленты... Будто засвеченная лента кино, которого никто и никогда не увидит... Без начала и без конца, как лето, начавшееся снегом, а закончившееся проливными дождями... Лето без конца, потому что скоро все снова повторится... Я снова приду к тебе в последний день лета. Потому что этот день — день твоего рождения.

0.

«...Я сижу и пишу письмо тебе, а можно было бы еще понежиться в постели. Можно было завести будильник — проснуться, а потом снова завести и спать целый час. Потом еще час, а потом еще и еще... И радоваться каждый раз, что выходной, что никуда не надо! Никуда!!! Я так развлекаюсь иногда. Без тебя».

Что я там настучала тебе? Не то. Совсем не то, что я хотела тебе сказать... Совсем не об этом думалось мне ночью. Все не то и не так. Дэлит.

Захотелось вернуться назад, захотелось обратно в наш с тобой август... Нет, еще раньше, снова в институт, снова залезть с ногами на загаженный подоконник... Ты помнишь, как ты угостил меня кофе, и начались наши странные отношения? Почему-то вспом-

нилось сегодня очень многое. Я думала, что уже давно все забыла, что ничего никогда не вспомню... И вот проснулась сегодня ночью и многое вспомнила...

1.

ОН. Ну?

ОНА. Что?

ОН. Так... Просто...

ОНА. Просто?

ОН. Просто...

ОНА. Я не могу больше... Ты вот смотришь сейчас на меня так, а у меня как будто ток по телу... По телу как будто мурашки бегут... Хочется убежать от тебя...

ОН. Убежать?

ОНА. Да.

ОН. Далеко?

ОНА. Не знаю... Недалеко, наверное...

ОН. Это хорошо.

ОНА. Что — хорошо?

ОН. Что — недалеко.

ОНА. Ты замечал, что многие, многие самые близкие, самые родные люди живут в одном городе и не видятся годами! Они все собираются позвонить друг другу, зайти в гости, но не звонят и не ходят в гости... Они едут в одних и тех же автобусах, ходят каждый день по одним и тем же улицам, заходят в одни и те же магазины, но никогда не встречаются... Они всегда поблизости, но на самом деле далеко-далеко друг от друга...

Пауза.

ОН. Где ты была?

ОНА. Где я была?

ОН. Ты.

ОНА. И в самом деле — где? Я не помню... Надо вспомнить... Я забыла все-все...

ОН. А я помню.

ОНА. Помнишь?

ОН. Я помню.

ОНА. Я совсем забыла: ты все-все помнишь.

ОН. А ты?

ОНА. И я помню. С днем рождения! И...

ОН. ...И с последним днем лета!

ОНА. И с последним днем нашего лета.

2.

ОНА. Слезы? Все хорошо. Вам показалось. Не беспокойтесь.

ОН. Я вижу.

ОНА. Вы куда-то шли? Вот и идите. Тут можно куда угодно... Можно направо. Можно налево. Вам куда? Вам туда? Нет? Тогда, значит, в другую сторону. Ну, идите же, молодой человек, куда шли.

ОН. А я уже пришел.

ОНА. Пришел?

ОН. Ну да, пришел.

Пауза.

ОНА. Ну, раз пришел — вон тот автомат дает кофе. Угостишь?

ОН. С удовольствием... Не представляешь — сам только что хотел тебе предложить! А...

ОНА. Капучино. Без сахара. Там кнопка есть — «отмена сахара».

ОН. Я знаю. Сейчас. Только, пожалуйста, никуда не уходи!

ОНА. Почему? Я не давала тебе никаких обещаний. Мы ведь свободные люди?

ОН. Да.

ОНА. Значит, принеси мне кофе.

ОН. Есть одно — «но»!

ОНА. Дать тебе денег?

ОН. Если ты уйдешь, мы можем больше не встретиться...

ОНА. Иди. Я здесь и очень хочу кофе.

3.

ОНА. Ты угостил тогда меня автоматным кофе. Я никогда в жизни не пила такой кофе. Это был лучший кофе.

Сидят молча. Она закуривает.

Я отлично помню одну ночь. Я зашла в книжный магазин и просидела там всю ночь... Я читала и вдруг увидела, как за окном пошел снег... Я заснула за книгой... Молоденький мальчик, продавец умных и добрых книг, дал мне подушку, забрал у меня книгу... Утром мы пили с ним кофе, а на улице уже шел дождь... Я думала — мне приснилось, что шел снег. Мы пили кофе и смотрели друг на друга... Долго-долго... Ждали, когда закончится дождь, потому что оба были без зонтов. Мне хотелось, чтобы этот дождь никогда не кончался, потому что если он закончится — ему и мне придется уходить... Мы с ним похожи. Он рассказал, что любит бесцельно бродить по улицам... Просто бродить... Но только летом... Он просто так — идет и идет куда-то... Без цели... Просто идет... И я часто просто куда-то иду... Мы шли, и наши пути пересеклись зачем-то... Он шел однажды бесцельно по улице и нашел себе работу в этом магазине. Мне было очень легко с ним, я представляла себе, что мы давние друзья, что мы тысячу лет не виделись и вот увиделись, встретились... Больше мы никогда не встречались. В том магазине он больше не работает... Где-то бродит, наверное, по улицам...

Пауза.

ОН. Ты не здорова?

ОНА. Мне почему-то душно, как летом, перед непогодой... Ты изменился.

ОН. Не знаю.

ОНА. Я вижу. Одних людей время меняет, а других не очень. Хочется холодного молока и вкусного-превкусного печенья. У тебя в комнате совсем ничего не изменилось... Если уехать всего на несколько дней, то что-то изменится, обязательно что-то будет по-другому...

А если надолго и далеко-далеко, то все будет по-прежнему... Ты говори, а я буду слушать тебя... Ты будешь говорить долго-долго, тебе очень много нужно мне рассказать, я знаю. А я буду слушать тебя. Я обожаю слушать, когда ты говоришь...

ОН. Ты такая же...

ОНА. Какая? Не пугай. Я всегда такая. Все не важно...

ОН. Что не важно?

ОНА. Я люблю тебя. Я люблю! Я люблю! Я люблю! Идиотские слова. Кто их придумал? Я пришла, потому что люблю... Я бы не пришла тогда. Я не так совсем хотела сказать.

ОН. Ты ведь всегда приходишь летом.

ОНА. Разве уже осень?

ОН. Совсем скоро наступит осень.

ОНА. А сегодня — последний день лета.

ОН. Я всегда жду тебя летом... И ты приходишь. Если тебя не ждать — ты больше никогда не придешь? Никогда — никогда...

ОНА. Ты все помнишь. Все-все... Ты в моем подъезде написал на стене: «Никогда-никогда-да...» Помнишь? Давным-давно написал: «Никогда-никогда».

ОН. Я написал: «Навсегда — навсегда». Ты всегда путаешь эти слова... Каждое лето я напоминаю, что я написал тогда.

ОНА. А ты без конца говоришь про лето... Зачем? Почему?

ОН. Я все пытаюсь понять: было то наше с тобой лето или его не было?

ОНА. Было. Только оно холодное было.

ОН. Похожее на осень.

ОНА. У меня ужасно мерзли руки. Ты не выпускал моих рук, а они все равно были холодными.

ОН. И сейчас твои пальцы холодные.

ОНА. Я знаю. Мне не хватает тепла, поэтому я постоянно мерзну. Знаешь, бывает, проснешься утром и смотришь на человека, еще спящего, и нечего ему сказать. Про любовь — нельзя, потому что нет никакой любви. Просить не уходить — тоже нельзя, потому что — слабость! Вот и молчишь и только губы сжимаешь, пока не онемеют... Я уже начинаю забывать наше лето. А ты — другой, ты будешь помнить его всегда. Да?

ОН. Я помню. Это было лучшее лето в моей жизни.

ОНА. Мы знакомы уже тысячу лет, но я до сих пор не могу привыкнуть к тебе... Никак не могу, слышишь! Я еще побуду немного с тобой? Я вот тут буду, а ты — рядом... У тебя так хорошо тут... Сейчас темно, и я почти не вижу твоего лица...

ОН. Включить свет?

ОНА. Не надо. Пусть будет так. Слышишь, на улице играют дети... Говори... А я буду слушать тебя... Я люблю, когда ты говоришь... Вот так вот сидишь и говоришь... Ты умеешь говорить...

ОН. Ты просто устала, поэтому... Тебе нужно выпить горячего молока, и ты обязательно согреешься.

4.

Утро. Дождь. Оживленная улица. Автобусная остановка. Постепенно гаснут фонари уличного освещения. Ветрено. Пахнет весной.

ОНА. Я недавно видела тебя. Случайно.

ОН. Где?

ОНА. Просто видела.

ОН. Значит, не видела.

ОНА. На улице.

ОН. Где?

ОНА. Ну, там, где у тебя шнурок развязался, ты наступил на шнурок, чуть не упал, а потом смеялся... И я смеялась... Ты помнишь?

ОН. Нет.

ОНА. Почему?

ОН. Почему не подошла?

ОНА. Мне показалось, что не нужно было к тебе подходить.

ОН. Мне некогда.

ОНА. Мне тоже.

ОН. Я тороплюсь, сказал же.

ОНА. Я тогда поняла, что ужасно соскучилась по тебе.

ОН. Мне, правда, надо идти.

ОНА. Ты ждал автобус. Я долго смотрела на тебя. А потом вдруг не стало тебя. Был, и куда-то исчез... Мне показалось, что ты тогда думал обо мне...

ОН. Тебе показалось.

ОНА. Мой автобус. Пока. Мы ведь увидимся еще?

5.

Есть что-то особенное в начале каждого моего выходного дня. Если весна, то я открываю балкон и весенний ветер врывается в комнату. Любимая песня в наушниках. Кофе с сигаретой. Блуждания по телефону. Потом — комп. Проверка почты. Входящих — 17! Все — спам. Удалить. Вот и все встало, наконец, на свои места. Жизнь снова продолжается в бешеном ритме: надо сварить манную кашу, разбудить-понежиться-пообниматься с Машкой. Накормить ее кашей, забросить белье в стиралку. Прочитать десять страниц книжки для чтения для детей от года до семи, потом попробовать в шестой раз, кажется, накачать старым насосом колеса велосипеда. Если брякнет дверь соседа — дать ему денег, чтобы купил сигарет, хлеба и пол-литра молока — тогда можно не выходить из дома, а погулять с Машей можно и на балконе! Когда-нибудь, одним воскресным утром у меня будет все совсем по-другому.

6.

ОНА. Я читала твою записную книжку.

ОН. Зачем?

ОНА. Хотела побольше узнать о тебе.

ОН. Узнала?

ОНА. Узнала.

ОН. Что?

ОНА. Некоторые страницы затертые... Некоторые с загнутыми уголками...

ОН. И все?

ОНА. Телефоны переписаны с разных бумажек, а бумажки тут же... Не выбросил. Это о многом говорит.

ОН. Это ни о чем не говорит.

7.

Я включаю свой старенький телефон, радуюсь тому, что он еще работает. Это ты мне его подарил. Кажется, стоит набрать номер, и я услышу твое: «Привет!» и пойму, что ты сейчас улыбаешься... Каждый длинный гудок как ступенька с небес на землю. «Абонент не отвечает». Твой номер. Редактировать. Удалить. Навсегда. Чушь. Твой номер я помню отлично.

8.

ОН. Мы расстанемся...

ОНА. Да?

ОН. Мне не нравится твой запах.

ОНА. А как я пахну?

ОН. Мне должен нравиться запах женщины... Твой мне не нравится, понимаешь?

ОНА. А мне нравится твой. И что же мне делать?

ОН. Я сказал то, что чувствую.

ОНА. На улице ноябрь.

ОН. Что?

ОНА. Шапку надень!

ОН. Зачем?

ОНА. Я не хочу, чтобы у тебя появился насморк.

9.

Соседи слушают какую-то дурацкую песню, я слышала ее сегодня в автобусе, в магазине и, кажется, еще где-то слышала, но не помню уже где и во сколько... Хочется отключить ток во всем городе, чтобы стало тихо везде. Хочется тишины. Ночью в моей комнате все слышно: сверху в сотый раз на этой неделе двигает мебель старуха-маразматичка, соседи за правой стенкой учат любить математику пятиклассника Вовку. Слышнее всего от левой стенки — она у меня свободная, каждую ночь там занимаются сексом квартиранты-узбеки. Там нет никакой возможности повесить ковер, потому что в стене имеется необходимая для меня розетка.

10.

ОНА. У тебя прохладно, хорошо так... Совсем не хочется на улицу... на улице душно... Наверное, скоро будет дождь...

ОН. Наверное...

ОНА. Ну продолжай... говори... Я слушаю тебя... С днем рождения! Подарка не дарю. Чтобы не было у твоей жены вопросов и никаких подозрений...

ОН. День рождения был вчера.

ОНА. Я знаю. А сегодня твой второй день рождения, потому что пришла я. Давай сходим куда-нибудь поедим? Не хочешь? Что-то случилось?

ОН. Ты всегда приходишь летом...

ОНА. Ты умеешь говорить красивые слова.

ОН. Ты пришла, и скоро снова уйдешь...
ОНА. Разве может быть иначе?

Пауза.

Вот именно — по-другому не может быть.

11.

У меня часто меняется настроение, но это фигня. Еще я покупаю себе всякую фигню. Этой фигни у меня дома дофига. Например, диплом хорового отделения института культуры — полная фигня. Кусок картона — отчет о пятилетней занятости полной фигней. Плюс приложение к диплому, плюс офигенные амбиции, которые, к счастью, куда-то подевались... Нет больше амбиций. В садике, где я работаю нянечкой, дети зовут меня тетей Машей. На работу мы ходим вместе с Машкой. Она учится общаться с детьми, играть, петь, танцевать, аккуратно кушать, учится жить по распорядку дня. Я учусь существовать вместе с теми, кто работает в этом садике. Бабы в садике — поварихи, прачки, уборщицы, воспитки — полные дуры. Они говорят про деньги и ни о чем кроме денег на абсолютно безденежной работе... На наших пьянках в зале для ритмики я пою русские песни, тогда бабы перестают говорить про деньги и начинают подпевать мне и плакать... Дуры, говорю же! Нет, я не выделяю себя как-то особенно. Я, если со стороны посмотреть, наверное, такая же дура, как и они. Единственное, что меня должно отличать — я дура с высшим образованием, и мне только будет тридцать, а моим прачкам уже исполнилось... сорок. И еще, я в этом садике работаю временно, то есть непостоянно... Если отыщутся вдруг мои потерянные амбиции, то можно попросить 0,5 ставки аккомпаниатора в институте. Плюс место в садике как педагогу вуза. Плюс полную свободу действий — 3 дня в неделю для шашек: юбилеев, свадеб и проводов на пенсию под аккордеон! Сразу! А пока... пока я мою горшки, отзываюсь на кодовое словосочетание — «Тетя Маша» и жду, когда придут, набродятся мои офигенные амбиции и что-то со мной сделают, что-то поменяют в моей жизни, наверное?

12.

ОНА. Скажи мне что-нибудь приятное.
ОН. Лампочка.

Пауза.

ОН. Ну, хорошо. Я тебя люблю!
ОНА. Правда?
ОН. Да.
ОНА. А помнишь?
ОН. Помню.
ОНА. Поговори со мной.
ОН. Я хочу спать.

Пауза.

ОНА. Мне еще надо помыть посуду. Посиди со мной.
ОН. Хочешь, я сам помою посуду завтра.
ОНА. Я буду счастлива, если ты развесишь белье на балконе.
ОН. Да?
ОНА. Да.
ОН. Почему?
ОНА. Потому что ты выше ростом, чем я.

13.

Когда ты надеваешь очки, ты становишься похожим на моего учителя физкультуры из детства. Когда ты выходишь из ванной, обернувшийся полотенцем, у тебя красное распаренное лицо, ты — мальчишка, сосед из того же детства, который пришел к нам дома вататься в нашей ванной, потому что дома что-то случилось с электричеством и внезапно вдруг не стало света. За завтраком ты серьезен, будто уже на работе, будто уже надел маску служащего, постоянно смотришь на часы и боишься опоздать, хотя ты точно знаешь, что ни за что не опоздаешь. Твой день расписан по минутам. Ты так привык. В 9:00 ты будешь на работе. До 10:00 ты будешь пялиться в компьютер и пить кофе. В 10:00 — у тебя встреча с потенциальным клиентом. В 10:30 — важный звонок потенциальному партнеру. В 10:45 — ты проверишь почту, потом начнешь отвечать на письма. Потом, в 12:00 — совещание с коллегами. В 12:30 — снова звонок, потом снова встреча, потом обед, потом встреча, потом звонок... С 17 до 17:45 — дорога домой. Наконец, около 18:00 ты позвонишь мне и спросишь, есть ли дома хлеб и нужен ли кефир. Я услышу звонок телефона, сразу пойму, что это ты. Только ты звонишь в это время мне. В одно и то же время. Каждый день, кроме субботы и воскресенья...

14.

ОНА. А помнишь, как в Новороссийске мы побросали сумки в камере хранения на вокзале, сели в троллейбус и поехали искать море? Смотрели с тобой в окошко и искали море. Очень хотелось увидеть море! Не завтра, а сейчас же! Сию минуту! Помнишь? Мы думали с тобой, что увидим его из окошка троллейбуса и сразу выйдем. Ты помнишь?
ОН. Мы поехали не в ту сторону.
ОНА. Мы уезжали от моря все дальше и дальше, а нам казалось, что мы вот-вот увидим его!

Пауза.

А помнишь, ты меня фотографировал? Я солнышко на ладошке держала, у меня не получалось, ты ворчал на меня, еле-еле успели, а потом оно скрылось уже, а ты расстроился... Ты тоже хотел сфотографироваться с солнышком на ладошке. А утром я эту пленку с солнышком засветила, хотела вставить батарейку и не там, где нужно, открыла... Помнишь?
ОН. Помню.
ОНА. Давай съездим туда?
ОН. Ты же знаешь, у меня отпуск зимой.
ОНА. А... если попросить летом? Тебе дадут.
ОН. А летом — надо делать деньги. Лето — сезон. Ты же знаешь?!
ОНА. Я знаю.

15.

Где-то там, далеко-далеко, ты смеешься, грустишь, шагаешь, смотришь в небо... Где-то там, далеко, у твоего сынишки варежки сырые от снега... Вы слепили снеговика, а морковки в холодильнике не оказалось, только свекла... С глазами снеговика ты выкрутился, оторвал пуговицы на своей старой куртке... С носом тоже — вставил вместо морковки ветку. Где-то там... твой сын будет счастлив, он будет спать в своей кровати и видеть сны про снеговика с глазами, сделанными из пуговиц твоей курточки... Да, вот так я схожу с ума. Я нарочно гуляю с Машкой около твоего дома. Я часто вижу тебя с сыном. Он очень похож на тебя. Скоро наступит лето. И я приду к тебе. Мы договоримся заранее о встрече. Ты отправишь жену с сынишкой к маме или еще что-то придумаешь. Я знаю. Ты обязательно придумаешь. Мы будем снова вспоминать наше лето. Которому нет конца. Наше холодно лето... Будем сидеть в твоей комнате, где все будет как и прежде, как всегда, как в то самое лето, когда начались наши странные отношения... Мне кажется, что я прожила с тобой всю жизнь. А эта жизнь будто понарошку... Я схожу с ума, мне нравится сходить с ума. Мне нравится представлять: как бы было, что бы стало, если мы были вместе... Я представляю тебя и живу... Я представляю, как заснула однажды у тебя на коленях... в электричке... Я представляю, как прошу тебя купить автоматного кофе. Как тогда. Как в первый раз. Автоматический кофе. Обязательно — отмена сахара... Я недавно поняла, что в мире совсем не осталось любви. Мне стыдно произносить это слово — «Любовь»... Мне непонятно, что люди вкладывают в это слово, когда произносят. Кто-то тупо хочет секса, а говорит: «Люблю!» Кто-то просто боится быть один и тоже говорит: «Люблю». А кто-то просто придумал себе проблему... Последний раз я произносила это слово с тобой. Я поняла: любовь — это просто отмена сахара. Все просто.

16.

ОН. С днем Святого Валентина!

ОНА. И тебя. У меня только нет ничего для тебя. Я не успела ничего купить...

ОН. Вот...

ОНА. Что это?

ОН. Открой.

ОНА. Красиво. Это, наверное, дорого?

ОН. Нет. Копейки. Правда, красиво?

17.

Ты в очередной раз подарил мне какую-то китайскую безделушку. Статуэтка. Он и она. Мальчик и девочка. Она на цыпочках тянется к нему, чтобы поцеловать, а он гордый такой, стоит прямо — одна рука в кармане, в другой руке чемодан.

ОНА. Почему у него в руке чемодан? Они расстаются?

ОН. Не знаю.

ОНА. Да, смотри, он куда-то уезжает, а она целует его на прощание. Да?

ОН. Наверное. Какая разница? Тебе не нравится?

ОНА. Почему? Очень нравится. Спасибо.

ОН. Правда?

ОНА. Правда.

ОН. Это еще не все. У меня еще есть кое-что... Хочешь, можешь ты мне это подарить. Ну, сделаешь мне подарок.

ОНА. Хорошо.

ОН. Поздравляй!

ОНА. Дорогой, я тоже поздравляю тебя с днем Святого Валентина! Я дарю тебе... (смеется)
Я сама не знаю, что дарю тебе, но от всего сердца! Я тебя очень люблю!

18.

Это был конверт. В конверте было приглашение на 2 лица на какой-то спектакль любительского театра в Дом культуры им. Ленина. Я замерзла очень на остановке. Потом заболела. Потом ты уехал в другой город, потом пришло электронное письмо от тебя. Маленькое счастье на экране монитора. Цифра «один». В скобках. Во «входящих». Как будто в твоих ладошках. Ты написал, что у тебя море работы и отличное настроение. «Прошло всего две недели», — написал ты. «Прошло целых две недели», — написала тебе я.

19.

ОНА. Как дела?

ОН. Нормально.

ОНА. А конкретней?

ОН. В смысле?

ОНА. В прямом.

ОН. Я не понимаю тебя.

ОНА. Я тебя тоже.

ОН. У тебя редкий дар — говорить ни о чем по телефону.

ОНА. Мне хочется узнать, как у тебя дела.

Пауза.

ОН. Я написал тебе письмо. Все в письме. Что еще?

ОНА. Да, действительно.

ОН. Мне уже некогда. Давай прекратим этот бессмысленный разговор.

ОНА. Давай.

ОН. Позвони потом, ладно?

ОНА. Когда?

ОН. Ну, когда захочешь.

ОНА. А если не захочу?

ОН. Тогда не звони.

Пауза.

У тебя все хорошо?

ОНА. Не совсем.

ОН. Что-то случилось?

ОНА. Случилось. Оборвалась бельевая веревка на балконе. А вчера еще перегорела лампочка в коридоре. Всегда что-нибудь случается дома, когда ты далеко-далеко...

20.

Брожу по парку. Машка спит в коляске. Сажу на нашей скамейке. Захожу в наше кафе и пьем с Машкой молочный коктейль. Наш столик занят какой-то парочкой. Как только он освобождается, я сажусь за этот столик на свое место, а Машку сажу напротив, где сидел ты. Ищем с Машкой отдел, где покупала тебе рубашку, а там сейчас продают корм для животных. Все меняется. Но что-то остается неизменным: парк с нашей скамейкой, кафе с молочным коктейлем. Часто вспоминаю один и тот же вечер. Ощущаю его. Слышу каждое слово... Его бы забыть навсегда, стереть из памяти, но он, этот вечер, врезался в мою память навсегда. «Навсегда-навсегда», как ты написал однажды в моем подъезде.

ОН. Мне кажется, я тебя не люблю.

ОНА. Что?

ОН. Мне кажется, что я тебя совсем не люблю.

ОНА. Хочешь молока?

ОН. Не хочу.

ОНА. Мама всегда делала гречневую кашу с молоком. Гречку с молоком и сахаром. Вкусно! Хочешь? У тебя пуговица скоро оторвется. Сними рубашку, я пришью.

ОН. Зачем?

ОНА. Без пуговицы некрасиво.

ОН. Я хочу, чтобы ты правильно поняла меня.

ОНА. Я уже поняла.

Пауза.

Рубашку снимешь ты, наконец?

21.

Где-то в воздухе уже ощущалось предстоящее расставание. Что-то подсказывало... В твоих глазах... В твоей улыбке... В нашем молчании... Во вкусе твоего любимого шоколада «Кофе с молоком».

22.

ОН. Мне всегда хотелось, чтобы ты называла меня «котенком»...

ОНА. Как?

ОН. «Маленьким котенком». Но ты не называла меня так никогда.

ОНА. Почему же ты мне об этом никогда не говорил?

ОН. Не знаю. Я ждал. Я думал, что однажды ты меня так назовешь?

ОНА. Какой же ты дурачок...

Пауза.

Почему так тихо вокруг? У меня в ушах гул от этой тишины!

ОН. Летом всегда так бывает тихо. Я люблю смотреть на улицу из окна под одну и ту же музыку.

ОНА. Какую?

ОН. Я не знаю, что это за музыка и откуда она взялась у меня в телефоне. Смотри: вон машины едут, люди идут куда-то, светофор мигает, хлопают двери магазина... Все слышат мою музыку! Все подчинены ее ритму. Вот она. Хочешь послушать вместе со мной?

ОНА. Я никогда тебя не спрашивала об этом.

Пауза.

ОН. Да, никогда.

ОНА. Только скажи правду.

ОН. Хорошо.

ОНА. Ты ее любишь?

ОН. Я не знаю, что такое любовь.

ОНА. А сына?

ОН. Сына люблю, значит, и ее люблю.

ОНА. Ты — страшный человек.

ОН. Я сказал, как есть.

ОНА. А если я больше не приду к тебе?

ОН. «Никогда — никогда»?

ОНА. Не иронизируй.

ОН. Мы обязательно где-нибудь встретимся.

ОНА. С чего ты взял? Мы можем не встречаться годами или совсем никогда больше не встретиться! Самые близкие люди, живущие в одном городе, годами не видятся, не звонят и не ходят друг к другу в гости...

ОН. Но ты — другая. Не как все эти люди. Ты всегда приходишь летом.

ОНА. Да, ты прав — я всегда прихожу к тебе летом, чтобы потом уйти. «Навсегда — навсегда», — как ты написал однажды на стене в моем подъезде...

ОН. Извини, времени уже много и нам нужно поторопиться... Скоро приедет жена с сыном.

Пауза.

Я тоже тебя об этом не спрашивал.

ОНА. Не спрашивал.

ОН. Честно?

ОНА. Я постараюсь.

ОН. Неужели ты меня все еще любишь?

Занавес.

Софья Грищук

Красота не обязана быть красивой

С трех до пяти

Говорить об этом —
будто, только проснувшись,
пытаться рассказать сон,
все еще в дреме, и не сложить слова,
хотя все так ясно стоит перед глазами:
сегодня во сне
мне сказали: «Самое главное счастье

родить своих друзей».
Это лучше всего, что я
слышала о счастье в жизни.

в жизни —

Я делала в принципе то же, что и сейчас,
я занималась совсем другими вещами —
папа водил меня в садик при детской
больнице

с белыми львами на крыльце,
собирать жуков,
я искала их в траве, многих и разных
(куда они делись теперь?)

А когда по телевизору шел
«Паровозик из Ромашково»,
где, казалось бы, ничего такого
не происходит,
я плакала так, что не могла говорить,

потому что жеребенок бежал по лугу
за поездом,
и я знала твердо, что он потерял свою мать,
и ни с какими другими истолкованиями
не соглашалась.
«Его мама смотрит на него в сторонке»,
«Ему просто весело» —
все это грязная ложь.
Я плакала горько и неизменно,
искала жуков в аллеях,
боялась ходить в сберкассе —

я занималась в принципе тем же, чем и сейчас.

еще можно вернуться, закрыть глаза
и зажать нос,
говорить про любовь к путешествиям,
и еще про то, что жизнь прекрасна
и удивительна,
и что каждое горе — это всего лишь повод
чему-то научиться;
что надо все отпускать и радоваться всегда,
что возможно все и надо просто быть
смелее,
и что раз ты такой умный, почему ты тогда
такой бедный.

я честно не понимаю, чему это должно
было меня научить,
и моих подруг,
и ту девочку из моей школы —
чему это должно было ее научить,
и кондукторшу из седьмого автобуса,
которая цитирует *gutta cavat lapidem* —
чему это должно было ее научить?

еще можно вернуться, и все забыть,
и писать стихи про античность
или ирландскую мифологию,
очень красивые,
и считать своим телесным восстанием
татуировку с листьями ивы,
и не знать, что оно началось куда раньше,
когда детский хирург сшил мою плоть
большими стежками

(оно живое),
что оно происходит каждый раз, когда вы
говорите
«ну вот некоторые девушки»
и про то, что делают некоторые девушки,
не зная, что говорите обо мне:
я — это некоторые девушки.

еще можно вернуться и не думать об этом,
и не знать,
и будет мир тебе прекрасный
и справедливый,
и палетка фото, приятных для глаз,
а под ними размышления о том, что все
возможно, стоит только захотеть
по-настоящему,
и будут стихи твои золотые и серебряные
цикламеновые и зеленые.

Poeta

Широкошумные дубровы там, где
я воровала игрушки в детском саду
и иногда даже в младших классах,
там, где
меня тошнило рождественским глегом;
это когда
мне говорили, что я ничего не стою,
а потом говорили: ты
все неправильно понимаешь,
пошевели мозгами.
Спальный район Таллинна, снегопад,
самый ранний за несколько лет;
я еду в *Viru Keskus* без билета,
пока
идет пара генеративной грамматики
(я
когда-то тоже была умной девочкой
и в тринадцать считала стопы
в своих стихах,
даже рисовала на полях стихотворный
размер:
раз два три раз два три раз).

Стихи не обязаны быть красивыми
слова не обязаны быть красивыми
Женщина не обязана быть красивой

Красота
Не обязана быть красивой

Широкошумные дубровы это
шестая песнь Одиссеи под протекающей
крышей
и стыдливая интонация иностранной
литературы

в русских переводах
(моя милая Рита Райт),
даже в этом стихотворении.
Это место в Турине
где безумие застало Ницше —
мне хочется думать, что это была
Via Po — портики в млечно-густом тумане.

(Интермеццо)

Эти части не разделяет ни но ни или —
только и:
в широкошумные дубровы
я не бегу, они здесь, со мною.

Правило:

тонкая зеркальная пленка
отделяет нас от бывших друзей
от бывших наших друзей
нынешних будущих
бывших нынешних
будущих бывших
от первого значения слов
от охряных быков
и ответа на вопрос
что случится с тобой когда смежишь
лиловые веки

Пример:

и одной из них
кому-то из них
а похоже что и всем сразу
через зеркальную пленку возвращаешь
две икеевские тарелки
в ткани от некрасивых пододеяльников

и думаешь
как бы она не решила что в моем доме
невозможно жить

и думаешь
посмотри на часть меня отнятую им
это увы не фигура речи а семь тире десять кг
что-то среднее между фигурой речи
и чем-то кровавым немислимым
интересно где часть тебя отнятая им
может быть они в одном месте
забыли о нас и заплетают друг другу косы

Для дураков

когда-то правда просочится сквозь
листы бумаги веки и одежду
огромным жирным масляным пятном
и мне вовек его не оттереть
Макбет вовек его не оттереть
и нам вовек не суждено отмыться

подует ветер лето прекратится
мы заживем как городские птицы
оседлые воркующие птицы
как голуби на ледяном пруду
там на пруду пристанционном или
на около-, на призрачном пруду
мы заживем и скажут что мы жили
а я паду в твоих глазах нимфеей
в твои глаза нимфеей упаду

что такое жизнь моя
милосердие бутылок
лысый складчатый затылок
у попутчика с которым
мы пересекаем реку
помогите человеку
плохо человеку стыдно
человеку непонятно
что первично птицы яйца
руки ноги голова
речь язык душа и тело
бытие сознание белый

или в общем белизна
сколько миль еще до сна
где рвалось и рвется время
где скругляется вода
что бывает навсегда
как прожить всю жизнь без песни
спетой и сойти в могилу
(это генри дэвид торо)
что такое жизнь моя
это тело что стремится
породить другое тело
плачет хочет и полниться
страхом радостью молчаньем
кольца никеля и цинка
розовевшие на пальцах
нет чувствительней металла
жизнь не вышивка а пальцы
ах прости меня любимый
что я многих целовала

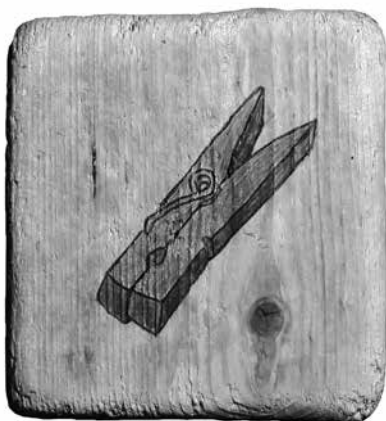
Признания

Легче камень поднять и перекопать землю
с внутренней стороны ветра до внешней,

легче, давая лошади сахар, не отдернуть
руку,
легче освоить язык через поцелуи,
чем писать стихи. Собираясь в дорогу,
я беру с собой города, где была счастливей,
шепот-шорох ночей и оттенки зеленого
цвета,
то, что вдруг осеняет в плацкарте
на верхней полке.
Ничего из того, однако, не пригодится:
отправляясь в дорогу, я с собой обнаружу
лишь с полдюжины слов: «кумирание»,
«ветки»,
«сено», «долго», «трамвай» и еще
почему-то «ноздри».
Выбирай из них, а других не будет. Легче
собирать шалтая-болтая, волю в кулак,
фрагменты
полуразрушенной фрески, чем собирать
из этой
из полдюжины слов настоящее
стихотворение,
об искусстве, любви, одиночестве
или счастье,
о кустах можжевельника и неизбежной
смерти.

Денис Быков

Князь и Белка-Лиса

Маленький Князь сидел в кресле-качалке. Ему только что исполнилось полных семь лет. Это не шутки! Жизнь его текла беспечно, большую часть времени его занимали игры. Карты. Монжонг. Лапта. Сквош. И это далеко не все. Матери он своей никогда не знал, поговаривали, что она ушла с цыганами, когда Князю исполнилось два года. Он жил с нянюшкой и отцом, своенравным, можно даже сказать, злым. Отвратительный человек! Он рубил лес! Был очень скупым! У него не было подбородка и указательного пальца на левой руке. Об этом никто не знал.

Однажды Князь, гуляя по дому, забрел в кабинет отца. Он любил бродить по дому

и открывать разные ящики. Резные, гладкие, огромные, маленькие, совсем крохотные ящички. А также шкафы. Подвалы и погреба. Он любил рыться в чужом белье. Находить драгоценности. Выведывать тайны. Князь был очень любопытным! Но он никогда не был в кабинете отца, это было настрого запрещено. Запасной ключ от кабинета отец хранил в саду. Под небольшим камнем возле ограды. Об этом знали все. Князю не терпелось узнать, что же отец хранит в своем кабинете, что он прячет в своих ящиках. Князь дождался, когда отец отправится на обыкновенную послеобеденную прогулку, и без труда вошел в кабинет. Открыв первый попавшийся ящик он нашел там шестизаряд-

ный револьвер. Больше его уже ничего не могло заинтересовать. Однажды он увидел такой на картине графа де Корсо. Он мечтал иметь револьвер. И это в семь лет! Тогда он написал письмо от имени отца плотнику Рюгеру. Он просил сделать ему муляж. Он описал револьвер с великолепной точностью, он измерил все составляющие. Он умел подделывать почерк! И это в семь лет! Князь был очень талантливым, но скрытным. Никто не знал о его способностях. Револьвер был готов через три дня. И он был деревянным. Князь снова пробрался в кабинет отца, положил в ящик деревянную копию, а себе взял настоящий. Отец был стар и близорук! Он не заметит. Чтобы муляж был тяжелее, Князь просверлил отверстие в дуле и вложил туда свинцовую цилиндрическую палочку.

Князь дни напролет играл со своим револьвером. За этим занятием и застала его Белка-Лиса.

— Милый Князь! Я прошу тебя выслушать мою историю, она развлечет тебя.

Князь отложил в сторону револьвер и стал слушать рассказ Белки-Лисы.

— Род наш, хоть ныне и немногочисленный, в старину насчитывал до тринадцати тысяч семидесяти двух особей...

Князь, полагая, что рассказ может затянуться, велел Белке-Лисе выкладывать все поскорее, иначе он натравит на нее охотничьих догов.

— Слушаюсь, милый Князь, — ответила Белка-Лиса и продолжала так: — Рассказ мой будет короток, как ты просишь, но обещаю, что ты не пошевелишь и пальцем, пока я не закончу. Хорошо. Неделю назад я шла по нашему лесу и увидела куст. А рядом еще один. И на том кусте были ягоды, одна другой лучше. И я не удержалась! Я попробовала одну ягоду! Все закружилось, Князь. Деревья перевернулись корнями к небу, земля поползла под ногами, словно тысяча разъяренных змей. Я не могла стоять на лапках! И я упала без сознания. Очнувшись, я увидела, что лежу у реки, а на берегу сотни... О, нет, наверное, тысячи кустов со странными ягодами! Из веток я сплела две корзинки и начала собирать эти ягоды.

Вдруг услышала шум за спиной. Кто-то шел! Огромный. Это был старый вепрь, самый умный в нашем лесу. И он сказал: «Те ягоды, что ты собираешь, обладают необыкновенным свойством. Они дают возможность предсказывать будущее. Будь осторожна!» Это все, что он сказал. И ушел. Больше я его никогда не видела. Оказалось, что все это правда. Ягоды действительно обладали таким свойством. Я проверяла их на многих зверях. И даже на деревьях! На свежей весенней траве! На речных камнях. И все они были недовольны тем, что я им рассказывала. Судьба их была плачевна. И ты, Князь, имеешь к этому отношение. Я пришла сюда, чтобы отомстить твоему отцу, что рубит наш лес. Собирает все грибы. Убивает животных ради развлечения! А еще он хочет построить огромный нефтеперерабатывающий завод у истока нашей реки. Я все знаю, Князь. Я съела около восьмисот граммов ягод, пока шла к тебе, я все прекрасно вижу, маленький Князь. Сейчас ты очень разозлишься, когда я скажу тебе, что отец твой умрет от горя. А горевать он будет потому, что не сможет застрелиться, потому что ты поменял его револьвер на деревянный муляж. А застрелиться он захочет потому, что очень любит тебя, Князь. Да! Его очень расстроит, что он не сумел предостеречь тебя от раннего увлечения оружием. Как он об этом узнает? Ты уже злишься, Князь. У тебя побагровело лицо. Ты сжимаешь маленькие кулачки. Вот ты встаешь, берешь револьвер и бежишь на Северный Утес. Ты пропал из виду, Князь... Там, на Утесе, ты выстрелишь себе в ногу, опустошишь разом всю обойму. Я уже слышу выстрелы! Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть. Твоя нога превратилась в кашу, ты зовешь на помощь... Однако мне пора уходить.

Так сказала Белка-Лиса и ушла.

Все произошло так, как предсказывала Белка-Лиса. Князь остался без ноги и слег. Врачи обнаружили гангрену и сообщили отцу, что его сын не проживет и недели. Отец, ранее бесчувственный и сухой, теперь рыдал дни напролет. Он скрывал то, как он любит маленького Князя. Теперь

это всем было видно. Он проводил дни и ночи у кровати Князя, омывая его слезами. Князь все время спал и просыпался только на долю секунды, чтобы чихнуть. После чего снова впадал в забытие. Жизнь постепенно покидала его. Кожа стала прозрачной. Уши увеличились. Нос провалился. Отец не мог больше смотреть, как умирает Князь. Он закрылся в своем кабинете, чтобы покончить с собой.

— Сынок, ты скоро умрешь! Я знаю это. И я этого не вынесу. Лучше я буду ждать тебя там.

Так говорил отец. Он запустил руку в ящик, нащупал револьвер и поднес его к своему виску. Он закрыл глаза и нажал на курок. Он принимал эту смерть! Спокойно. Ему больше нечего здесь делать. Но револьвер отказывался стрелять, курок не поддавался. Тогда отец, рассвирепев, стал бить себя револьвером по голове. Один удар. Другой. И так много раз. По лицу его стекала кровь, седые волосы побагровели, но умереть никак не получалось, от усталости сводило челюсть, руки отказывались подниматься. Тогда он, не в силах покончить с собой, уснул. Проснувшись, он позвонил в звонок, чтобы ему принесли ужин. Нянюшка приготовила ему прекрасный айнтопф и поставила возле двери кабинета, как он и просил. Мысли о самоубийстве не покидали его. Доев свой ужин, он снова затосковал. Он проглотил ложку в надежде, что она застрянет в горле и перекроет дыхательные пути. Но она проскочила. Тогда он разбил тарелку и стал есть осколки. Осторожно. По кусочку. Это возымело некоторый эффект. В желудке начались нестерпимые рези. Кровь пошла горлом. Он залил ей все, что только можно. Обои. Мебель. Газеты и документы. Через двенадцать минут он отдал богу душу! Он наконец добился своего.

Вопреки заверениям врачей маленький Князь выздоровел. И довольно скоро. Отца еще не успели похоронить. А точнее, хоронить его было просто некому. Никто его не любил. Он пролежал почти две недели в продуктовом ящике, обложенный льдом. О теле заботилась нянюшка. С тех

пор как умер отец, все обходили дом, словно это был лепрозорий! Подумать только! Но это было справедливо. Князь не очень удивился, узнав о смерти отца. Ведь он заранее был предупрежден. Однако пару раз им овладевала печаль. Ведь он узнал, что его отец — злой, щедедушный и сухой старик — очень его любил! После такого задумаешься. С телом надо было что-то делать, и они с нянюшкой решили похоронить его на возвышении Мелькиаль. Похороны были не такими уж пышными! Со стороны Северного Утеса можно было наблюдать, как две фигуры тащили двухметровый ящик — одна довольно тучная и сгорбленная, вторая, поменьше, опиралась одной рукой на костыль, а другой держала гроб — пересекли плато, а потом стали медленно подниматься в гору. Множество зверей собралось со всех сторон, среди которых была Белка-Лиса. Ей было жаль и Князя, и его отца. Но она не слишком себя винила! Она жила лесом, это был ее дом, и она смогла его защитить. Лесная душа. Ей повезло, вот-вот она станет героем. Она об этом знала. Как знала каждую бороздку своей судьбы, в ее власти было многое относительно своей долгой жизни. Все же она не стала больше прибегать к помощи необыкновенных ягод, свою судьбу она знала. И довольно. На этом следует остановиться. Она больше не хотела распоряжаться чужими судьбами. Это не ее дело! Хватит.

В лесу, после смерти отца, дела пошли в гору. Животные объедались грибами. Всегда была чистая питьевая вода. Про подвиг Белки-Лисы знал весь лес! Бобры-Щелкуны даже организовали культ своей спасительницы. Они выщелкали целую статую Белки-Лисы в человеческий рост! Дикие кошки исцарапали почти половину деревьев наилучшими пожеланиями. Многие признавались ей в любви. Обещали быть верными. Однако Белке-Лисе все это не очень-то нравилось. Она чувствовала вину. Воспоминания преследовали ее неотступно. Она просто извела себя. Почти ничего не ела.

Шли годы, вести из имения Князя были неутешительны. Он полностью замкнулся. Многие отвергли его за уродство. Он очень

много ел и мало двигался, отчего раздался на добрых три локтя вправо и четыре влево. К тому же он был одноногим и полоротым. Остальных он отверг сам. Единственным его развлечением была еда. Он заказывал себе лучшие блюда со всего света ежедневно, а любимейшим блюдом Князя были заварные блины на кефире с кипятком и ананасовой крошкой. Но иногда даже еда ему надоела. Тогда он просто лежал и старался ни о чем не думать.

В таком состоянии и застала его Белка-Лиса. Прошло целых тридцать человеческих лет с момента их первой встречи! И почти сто восемь лисье-белочьих. Белка-Лиса была уже совсем не та! Она не прыгала и не виляла хвостом. Последний отпал на семьдесят третьем году жизни, как и у всех из ее рода. Она была долгожительницей. Князь ее, конечно, не узнал. Она сообщила ему, что приближается конец ее долгой и трудной жизни. Она решила прислуживать ему и потчевать его различными историями. Белка-Лиса хотела скрасить одиночество раздобревшего и близкого к помешательству Князя. Она раскаивалась и хотела таким образом искупить вину! Князь позволил ей остаться и назначил новой нянюшкой, так как предыдущая угодила в медвежий капкан, собирая испанский козалец. Известно еще со времен Амальрика Бенского, что это растение любимейшее лакомство медведей.

Белка-Лиса представилась Князю Тетушкой Зихель. Так он ее и называл. На следующий день, после обеда, она рассказала Князю первую из своих многочисленных историй. Начала она так:

— Род наш, хоть ныне и немногочисленный, в старину насчитывал до тринадцати тысяч семидесяти двух особей... В лучшие времена! Первым в нашем роду был Скиур, сын грозного Вольпа. Он имел большой пушистый хвост! И белое брюшко. Скиур прославился в битве при Желтой Ели. Отныне там большой мемориал, построенный Ухохвостом Четвертым. После себя он оставил трех сыновей и шестнадцать дочерей. Один из трех сыновей является моим прямым предком. Это храбрый Страминей. Однаж-

ды к Страминейу пришел Рогатый Фульвип, предсказатель тех далеких лет. Один из первых в лесу! Мастер решета и чудес. И сказал Страминейу, что род его на нем и закончится. Страминейу долго горевал по этому поводу, пока не пришла его жена. Она велела прекратить лить слезы. Она была настроена решительно! Она сказала Страминейу, что знает, как продолжить род. Он должен был отправиться на поиски Арктониса Черного и вырвать у него сердце. И съесть его не жарив. И не сварив. Что он и сделал. С тех пор мои предки стали есть сердца исключительно сырыми. Род продолжился. После Страминейу был Деппей, после Деппея Той, добрейшее существо, Той родил Сехура, Сехур родил Фламмифера, Фламмифер родил... и так далее! До самого Пиррхина, моего отца. Его назвали в честь прадеда — Пиррхина Равнинного. Он боялся высоты! Никаких елей. Или скал. Его съели через два дня, после того как он родил Скиурина-Лиса, моего деда. Но об этом потом! Теперь я хочу рассказать тебе первую из моих историй.

Она продолжала:

— Мой отец Пиррхин был слепым, поэтому хозяйничать приходилось мне. Весь наш дом я держала в своих лапках. И вот Пиррхин послал меня на восточный конец леса, где росли замечательные крылоорешники, плоды которых Пиррхин просто обожал. О, это был очень странный край! Но отец ничего об этом не знал. В нем жили самые необыкновенные звери, которых мне приходилось встречать. Все они страдали каким-нибудь недугом. Но эти недуги открывали в них уникальные способности. Они платили за них болью и одиночеством. Порою плата превышала дарованное умение, как, например, у легендарного Змея-Ри. Змей-Ри терял по четыре сантиметра своей тушки всякий раз, когда его целовали самки. А ведь он был очень красивым! Это был самый красивый гад в нашем лесу. Целовали его постоянно. Несмотря на то, что Змей-Ри был просто огромным, умер он через десять часов пятьдесят три минуты после того, как родился. Последним поцеловали кончик носа, который был особенно хорош. И он исчез.

Другим несчастным был мой хороший друг — медвежонок Гастон. Гастон был знаменитым, о чем даже не догадывался. Он напевал себе под нос прекрасные мелодии. Романсы. Ритурнели. Баркарولى. И порой даже целые десятиактные оперы! Затем эти мелодии напевал весь лес. Их до сих пор помнят. За это Гастон платил тем, что он никак не мог вырасти. Вот уже полвека он сидел на куче золы и напевал грустные мелодии. Таким я его и увидела. Это был совсем малыш! Хотя и ростом он превосходил среднего лося, все равно среди медведей считался маленьким. Увидев его, я тут же начала расспрашивать. И он мне все рассказал. Ничего особенного! Многие знали, что пыльца красных колокольчиков способствовала росту. Даже если на тебе лежит проклятие. Любое. Самое сильное. Так я ему и сказала. Он тут же начал упрашивать меня, чтобы я принесла ему эти колокольчики! На что я ответила, что важно было вдыхать пыльцу только тогда, когда растения находятся в земле. И не просто в земле, а на Краю Света. Вот так. Медвежонок сразу поник. Настоящий лентяй! Полвека он не поднимался со своего пепелища. Наконец, поднявшись, он отряхнулся. Пыль разлетелась на пол-леса. Только через четверть века сажа полностью сошла с ближайших к пепелищу деревьев.

Тетушка Зихель достала из нагрудного кармана арабскую трубку и закурила. Князь закашлялся.

— И тогда мы отправились. Дорога заняла у нас три недели. С многочисленными привалами. И праздным созерцанием окрестностей. Мы не очень торопились! Дорога проходила через всю восточную часть леса, потом мы повернули южнее — к скалам Оо-У-аа. Никто толком и не объяснил, почему они так называются. Но я потом сама догадалась. Перейдя через скалы, мы оказались на берегу озера Аарх-Ур. Нигде и никогда я больше не встречала таких диких названий! Там жили настоящие варвары. Они могли только рычать, мычать или блеять. Оттуда и их названия. Как звери образованные и весьма одаренные, мы не понимали их языка. Еще чего! Мы обходили их стороной,

мы не отвечали на их невразумительные речи. В конце нашего путешествия мы уже не могли смотреть на все эти морды. И рыла. Озеро нам было необходимо переплыть, это был самый короткий путь. Но так как плавать я не умела, пришлось нанять местных аборигенов за банку ежевики. И они смастерили нам плот. Тут их было не превзойти. Лапами они работали явно лучше, чем головой! Отплыв от берега, мы заметили, что среди местных началась война. Из-за банки ягод. Они рвали друг друга в клочья, вырывали куски шерсти. Кусались и выли. Переплыв озеро, мы высадились почти у самого Края Света. До него было рукой подать. Поднялся порывчатый ветер и идти стало сложнее. Из-за сильного ветра дорога от берега озера Аарх-Ур до Края Света заняла у нас десять дней! Нас то и дело приподнимало над землей и отбрасывало назад. В мордочки нам летели камни. Мелкие насекомые набивались в нос и в уши. Огромные птицы безвольно пронеслись мимо, подхваченные непрерывающимся воздушным потоком. Их глаза были до того печальны, что мы с Гастоном даже подумали прекратить наше путешествие. Однако мы наконец дошли. Нам открывался прекрасный вид! За Краем Света начиналась тьма. Уставшие от долгой ходьбы, мы сели на самый Край Света, свесив лапы в темноту. И тут мы заметили! Да. Это были они. Красные колокольчики. Они росли на уступе, который выдавался из Края Света. Он разрезал ровную отделяющую линию. Уступ же находился в добрых ста метрах под нами. Нас прямо подкосило на месте. Мы распростерлись на земле в изнеможении. Мы так устали! Ужасно. Но Гастон оказался на редкость упрямым. Через минуту он вскочил и затопал обратно. Идти было уже не так трудно, так как ветер все время дул только в одну сторону. А именно в сторону нашего леса. О, мы даже немного пролетели! Медвежонок Гастон сказал мне, когда мы уже плыли на плоту, что он возвращается замлестницей. Мудрое решение. Из паруса мы сшили два мешка — один побольше, а другой поменьше. И набрали в них ветра. Под завязку. Этот ветер помог сократить время обратного пути,

то и дело подгоняя нас. Мы двигались даже во время сна. Вернувшись в лес, мы тут же заказали огромную веревочную лестницу. Бобры-Щелкуны выщелкали нам прекрасные жердочки. Маленькие Крявки соединили их прочными волокнами из хлебного дерева и сухожилиями морского слона. Лестница была готова, и мы снова двинулись. Дойдя до озера Аарх-Ур мы обнаружили, что наш плот сожгли. Но у нас еще оставалось немного ветра в мешках. И мы перелетели озеро. На берегу мы решили перекусить, так как не ели уже несколько недель. Мы были истощены! У Гастона лезла шерсть. Он был почти лысым. У меня брюшко впало настолько, что можно было различить очертания всех органов. Мы постелили на землю мешки, разложили пищу и стали неторопливо есть. Однако мы не спускали глаз с Края Света! Мы все время косились на него. Наевшись, медвежонок затянул одну из своих мелодий. Знаменитых. И легендарных. Я так заслушалась, что совсем забыла, где я и зачем. Мелодия была такой грустной и прекрасной, что на Край Света я уже не обращала внимания. Что он такое? Сушная ерунда по сравнению с даром Гастона. Но сам Гастон был начеку. Он пел и наблюдал. Вдруг мелодия прекратилась. Я тут же очнулась. И я спросила Гастона, почему он замолчал. Он смотрел на Край Света и плакал. За Краем Света что-то вспыхивало! Волны света накатывали и исчезали. Одна за другой. Потом все утихло, даже ветер перестал дуть. Мы уже не надеялись их увидеть. Эти колокольчики! Подойдя к Краю Света мы посмотрели на уступ. Какое несчастье! Колокольчики превратились в сморчки! Они жутко пахли и выделяли зеленоватую слизь. Но Гастона было не остановить. Ему нечего терять. Он развернул лестницу и стал спускаться на уступ. Я же осталась наверху и кричала ему вниз. Я его отговаривала от этой глупой затеи. Он хотел съесть сморчки и посмотреть, что из этого выйдет. Он не желал меня слушать. Ладно. Я сделала все, что могла. Это уже не мое дело! Медвежонок Гастон добрался до уступа и опустился на колени перед сморчком, чтобы как следует его рассмотреть. Но глаза

застыли слезы. Отвратительный запах. Тогда он зажал ноздри и съел первый сморчок. Потом второй. Он очистил весь уступ. Вылизал всю слизь. И упал без чувств. Я побежала звать на помощь и вернулась, когда уже смеркалось. Я привела дюжину докторов, полсотни спасателей. Я нашла бабушку Гастона! Она была такой старой, что в ее шкуре можно было отыскать окаменевших аммонитов. Мы подошли к Краю Света и посмотрели на уступ. Как же мы удивились тогда! Медвежонок Гастон исчез. А на том месте, где он лежал, выросли два красных колокольчика.

Такой была первая история Белки-Лисы. У Князя уже слипались глаза, он начал зевать. И Белка-Лиса решила отложить дрягую свою историю до следующего дня.

Проснувшись, Князь обнаружил себя сидящим за кофейным столиком и играющим в домино с тетушкой Зихель и еще одним, неизвестным ему существом. Князь был возмущен. Ведь часы показывали только восемь утра! За последние десять лет он лишь однажды проснулся раньше обеда.

— Вы кто? — обратился Князь к незнакомцу.

Но тетушка Зихель пригрозила ему своим лохматым пальчиком. Князь еще больше возмутился, но решил промолчать.

— Князь! — заговорила тетушка Зихель, стряхивая пепел со своей португальской папиросы, — знаете ли вы, кто сегодня вас навестил? М? Не знаете. Это сам Арктонис Черный... Да-да, тот самый! Если помните, Князь, мой дальний предок Страминей вырвал и съел его сердце, чтобы продолжить наш род. И слава Богу. Но Арктонис Черный не умер, потому что был и знал, что его предки давным-давно научились заменять один орган другим. Ведь внутренние органы мужских особей его рода считались настоящим лакомством среди зверей Малой Северной-Большой Южной Равнины. Женские особи были хороши только снаружи. И Арктонис заменил сердце селезенкой, отчего стал часто лить слезы без особой на то причины. А еще он слеп, нем и глух как пень. Однако Арктонис Черный знает слишком

много историй, чтобы молчать. О, он еще тот болтун! Для того, чтобы рассказывать свои истории, он обучил певчих Голубых и Желтых Вертишеек произносить гласные и согласные. Каждой Вертишейке по букве. Всего, Князь, Арктонис обучил двадцать две Голубые Вертишейки и пятьдесят семь Желтых. Чтобы обозначать точки, он выписал с окраин Саут-Готорна двух умных грачей, для восклицательного и вопросительного знаков скворца необыкновенного и трясогузку восхитительную, для запятой клушу, для двоеточия крякву, кавычками Арктонис назначил двух пеночек — теньковку и трещотку, многоточие обозначают подорлики, а тире — сипуха. И скоро они все будут здесь! И тогда Арктонис сможет рассказать нам одну из его историй. А пока, милый Князь, выпей вот это.

Тетушка Зихель протянула Князю стакан, наполненный розоватой жидкостью. Князь опустил в стакан указательный палец, достал его и облизнул. По телу пробежала дрожь. Он поднял перед собой стакан, чтобы лучше его рассмотреть. На нем проступали и исчезали символы... Появлялись странные слова и предложения. Роо Раа ааа... Шы-ши, пи-пи! Ничего не понятно. Ооо лю-лю аааа уууу ди дю... Князь хотел было спросить что все это значит, но ни тетушки Зихель, ни загадочного гостя уже не было. Они куда-то пропали. Князь сидел на небольшом оранжевом коврик среди холмов, напомнимших ему холмы, описанные нянюшкой в рассказах о Сорочьей Пустоши. Во рту у него была трубка из волчьей кости. Он нащупал в кармане стакан. Вновь осмотрел его. Ничего особенного! Никаких уур дю-дю и прочего. Князь подумал, что он до сих пор спит, ослабил и стал ждать, пока кто-нибудь его не разбудит. Прошло немало времени, прежде чем Князю наскучил его сон, и он решил выбраться из него самостоятельно. К тому же становилось холодно, а костер Князь разводить не умел. О, лакомка! О, белоручка! Он был высоких кровей! Он выплюнул трубку и огляделся. Позади него возвышался дымный столб. Князь покряхтел, поднялся и, хромя, зашагал в сторону дымка.

— Заходите, милый Князь! Ачу-чу! Мы уже заждались.

Князь вошел в теплую пещеру, где его встретили два хихикающих карлика. Они явно были навеселе. Они тут не скучали! О, конечно. Их лица были раскрашены голубым углем, а волосы заплетены в сотни крохотных косичек. Ачу-чу! Князь так устал и замерз, он был так голоден, что ему было совершенно наплевать. Полная ерунда. Пусть ему дадут поесть, а потом он уже разберется, в чем здесь дело.

— Раздевайтесь, Князь. У нас здесь тепло и прекрасно! Чау-чачау! Вы здесь отдохнете и найдете все что угодно. Мы знали, что вы скоро придете, ведь у вас есть то, что нам нужно. Позвольте мне снять с вас штаны и обыскать ваши карманы.

Князь не сопротивлялся, он лег на теплый камень поближе к костру и позволил карликам стянуть с себя штаны. В конце концов, наплевать. Он потом все поймет! Пусть все идет своим чередом, а там уж видно будет. Муа-чача!

Карлики были в восторге. Они наконец добрались до стакана, который тетушка Зихель дала Князю. Он был всем и он был везде. И он был большим в малом и малым в большом. Они жили и знали это наверняка.

— Чичуа-чачаи! — закричал один карлик.

— Ачаичи-ччу! — поддержал его другой.

Князь покончил со второй порцией мичакадо и почувствовал себя намного лучше. Тогда он приступил к третьей, запивая ее крепчайшей чучей. Замечательно! И тогда он попросил карликов рассказать о стакане.

Один из них начал так:

— Если ты желаешь, Князь, знать о Стаканчике, то мы тебе расскажем. Если ты хочешь большего, чем есть, то ты услышишь. Если тебе наплевать, то ты выше и радостней, чем кто-либо. Если ты печален, то дух твой — серебряная змея, уснувшая миллион лет назад на могучем облаке, и ты — Бог. Первое, что тебе следует знать о Стаканчике, это... Послушай! Если Стаканчик существует, он существует с необходимостью. Второе. Если Стаканчик не существует с не-

обходимостью, тогда сам этот факт имеет место с необходимостью...

— Учча-чу... — заворковал второй карлик.

— Третье. Внимательно! Если необходимо ненеобходимое существование Стаканчика, значит, необходимо его несуществование. Четвертое, что тебе следует знать о Стаканчике, Князь, это то, что Стаканчик или необходимо существует, или необходимо не существует. Пятое. Нет никакой необходимости в несуществовании Стаканчика. Таким образом, Стаканчик существует с необходимостью.

— Откровенно говоря, — начал вдруг, нахмурившись, второй карлик, — рассуждение твое больше похоже на софистический набор хитростей, чем на доказательство в строгом смысле. При этом самым слабым местом выглядит пятое допущение — о том, что нет необходимости в несуществовании Стаканчика. С таким же успехом мы могли бы заявить, чиа-чи, что в его существовании нет никакой необходимости. И тогда из четвертого и пятого допущения получили бы заключение, что Стаканчик с необходимостью не существует.

Князь заерзал на камне. Он все еще мало что понимал, но было ясно, что карлики вот-вот поссорятся. И он, Князь, был тому причиной! Так ему казалось. Первый карлик принял боевой вид:

— Учча-чачара! Пожалуйста, расскажи нам с Князем свою версию существования Стаканчика, если ты велик и ты можешь! Мы тебя слушаем.

И карлик сел на камень рядом с Князем, сжимая в руке острый каменный дротик.

— Ачаи-чуаи... Хорошо, я попытаюсь формализовать твое рассуждение. Я здесь, и я знаю как. Первое. Послушайте. Найдется возможный мир, в котором Стаканчик имеет место. Второе. Необходимо, что Стаканчик является настоящим, только если он обладает Розовой Водичкой. Затем, необходимо, что Стаканчик обладает Розовой Водичкой в каждом мире, только если он обладает всезнанием, всемогуществом и моральной безупречностью в каждом мире...

— Так.

— Чичи-ча! Не перебивай! Дальше. Высказывание «Не существует всемогущего, всезнающего и морально безупречного Стаканчика» является невозможным по крайней мере в одном возможном мире.

«Полная ерунда, — подумал Князь. — Наплевать».

— Пятое. — продолжал второй карлик. — То, что невозможно в одном мире, невозможно в каждом мире. Шестое. Высказывание «Не существует всемогущего, всезнающего и морально безупречного...»

Не успел второй карлик договорить, как в его голове оказался каменный дротик первого карлика. Князь вскочил, попытался выбежать из пещеры, но споткнулся об лежащий на земле томагавк и упал прямо на первого карлика. Бедный! Он задохнулся через пару минут, погребенный под тучным телом Князя. Оно так и осталось лежать в пещере, тогда как другое очнулось и увидело все тот же кофейный столик. На него смотрела и улыбалась тетушка Зихель.

— С возвращением, Князь! Мне пришлось усыпить тебя, Князь, чтобы ты не заскучал в ожидании рассказа Арктониса Черного. Но то, что с тобой там произошло, произошло не просто так... О, будь уверен! Я тебе потом все объясню! А теперь смотри, летят птицы Арктониса! Сейчас мы послушаем его рассказ.

Арктонис взял в руки две палочки и стал ими размахивать. Птицы взметнулись, словно старики на остановке, увидевшие долгожданный уютный автобус. Казалось, что он дергает за невидимые нити, привязанные к каждой птице. Тетушка Зихель плюнула на ковер.

Арктонис начал так:

— Когда я был ребенком... меня определили в специальную Третью Высшую Лесную школу М. М. Всем известно, что М. означает «Маленьких», а М — «Магов». Мои родители, Ферус и Минутка, были потомственными магами и предсказателями. Однако в то неблагоприятное время, время правления Элагруса Второго, им приходилось скрываться. Папа Ферус валил лес, а Минутка вела

подсчеты затрат и прибыли на шишечном производстве дяди Джужгуна. Джужгун состоял в тайном сообществе, под чьим покровительством и была построена Третья Высшая Лесная школа М. М. Как вы уже поняли, школа М. М. была единственной в своем роде, а порядковый третий номер ей был присвоен для конспирации. Дядя Джужгун однажды подошел ко мне и сообщил, обдав парами напитка из перебродивших шишек, что я не просто какой-то там Арктонис, а самый настоящий Арктонис Черный! И что я потомственный чародей. И что я буду отправлен в особенную школу для подобных мне. И что меня научат тому, чему следует. И что отныне я должен держать рот на замке. Затем дядя Джужгун приложился к огромной железной фляжке и, сопя, опорожнил ее. Я был в замешательстве! Кто? Маг? Ну ладно, посмотрим. На следующий день меня разбудили слуги дяди Джужгуна — Парвиз и Учпедгиз, дали мне пощечину, завернули в матрац и увезли в школу. Прекрасно! В школе я быстро освоился и нашел друзей. Одного из них звали Обтус Инфлатус Коричневый, его прозвали Анчоусом за характерный запах. Анчоус был невзрачным зверьком с огромной душой и кривыми зубами. Его родители не были магами в полном смысле этого слова, так, совсем немножко. Но и этого хватило, чтобы малыша Обтуса тоже взяли в Ш. М. М. Он был лучшим и самым верным из моих друзей. Он был отвратителен.

Тетушка Зихель вытерла бархатным рукавом пот со лба Князя. Князь зевнул.

— Шел три тысячи семьдесят второй год. Элагрус уже десять месяцев воевал с народной армией Дю Картюса, который так же, как и мой дядя Джужгун, состоял в Обществе Семнадцати Лилий. До нас донесся слух, что Дю Картюса захватили в плен в ходе битвы за Чертову Канавку и посадили в Лоно Медведицы. Так называлась самая известная в то время тюрьма для врагов режима Элагруса Второго. Без Дю Картюса народная армия начала сдавать позиции, Элагрус выигрывал битву за битвой и толстые феодалы вновь стали радоваться в своих феодах, пить кедровое пиво и насиловать бледных

кухарок. И тогда мы, я и малыш Обтус, решили освободить Дю Картюса из Лоно Медведицы, о чем мы и сообщили магистру Жюльгреви. Магистр приподнял бровь, высморкался и благословил нас. После чего мы отправились к дяде Джужгуну, чтобы он принял нас в Общество Семнадцати Лилий. Нас встретил Учпедгиз и добродушно надавал пощечин, сказав, что дядя Джужгун вернется только вечером и нам придется подождать. А пока он нам покажет знаменитые смердящие склепы и откроет тайну, которую они скрывают. Мы спустились под землю, Учпедгиз зажег касторовую лампу и осветил стены склепа, на которых были нарисованы различные непристойности. Он выдал нам пробковые затычки для наших мокрых носиков, чтобы наши глаза не застилала слезы, потому что смердящие склепы действительно смердели. Учпедгиз наступил на уснувшую лягушку и начал так:

— История смердящих склепов темна, словно шкура гориллы, и загадочна, как помыслы этрусского медведя, собирающегося полакомиться мамонтом. Вы, наверное, слышали про Филя Пютана, сына прекрасной волшебницы? Еще бы! Более двух с половиной веков назад, в 2815 году, Филь Пютан построил первый склеп. В нем мы сейчас и находимся. Посмотрите направо, и вы увидите замечательное панно, изображающее зачатие Филя Пютана. Это его мать в окружении пяти выдающихся магов. До сих пор ведутся споры, кто именно из них был отцом Филя. Итак, Филь Пютан родился на четвертый год осады Ру-Крукру озерными братьями розового овала, то есть в 2783 году. Детство его было паршивым, юность отвратительной, а молодость гадкой, как и полагается у всех приличных обитателей восточной части нашего леса. Однако невзгоды сделали его крепким, а воздух, веющий с озера Кихихю, сделал его мнительным и осторожным. Тогда Филь Пютан съел банан и нанял архитектора, который и спроектировал эти склепы. Работа была долгой и трудной! Склепы росли под рукой мастера, резцы и надфили сверкали в каменной пыли... Филь Пютан, бросивший на пол огрызок яблока и при-

севший отдохнуть, решил создать тайное общество, чтобы управлять всем миром из смердящего склепа. Филь Пютан подзвал архитектора, выбивающего в стенах склепа грандиозные и невиданные фигуры, и сообщил ему, что он будет назначен Вторым Главным Магистром Общества Семнадцати Лилий. Архитектор, по просьбе Филья, встал на одно колено, приложил грязный башмак к своей груди, поцеловал в живот Первого Главного Магистра и громко выругался. Так было основано тайное и загадочное Общество Семнадцати Лилий. Посмотрите налево, и вы увидите герб, на котором изображена жаба. Во рту у нее пук лилий, а из пупка наполовину показывается башмак, что означает ее всеведение и ее первичность. Ее глаза, глядящие на вас словно солнца, покинувшие свои привычные небесные координаты и пустившиеся в оголтелый пляс за пределами вселенной, означают великий навет и гадкие козни, направленные на своих врагов. Филь стал разрабатывать план, согласно которому Общество Семнадцати Лилий должно было растянуть сети своих тайных помыслов по всему лесу и тем самым подчинить всех его обитателей своей воле. Но, сидя в склепе и дописывая таинственный план, Филь Пютан был убит внезапно свалившимся с потолка склепа сталактитом. Его забальзамировали именно в том положении, склонившегося над рукописями. Скоро мы его увидим. После смерти Филья Пютана Общество возглавил архитектор, которого звали Ауритус Ди Каритис, дальний родственник нашего Дю Картюса. Утром он спустился в склеп, жуя бутерброд, и обнаружил, что Первый Главный Магистр мертв. Ауритус пожал плечами и продолжил свою работу. Два десятилетия ушло у него на то, чтобы закончить строительство смердящих склепов и еще пять на любование своей работой. Налюбовавшись вдоволь, Ауритус решил заглянуть в склеп, где лежал бездыханный Филь Пютан. Приподняв его голову, из которой торчал обломок сталактита, Ауритус заметил рукописи, в которых был начертан план. Ауритус присвистнул и почесал затылок. План заинтересовал Ауритуса

и он решил довести его до конца. Дописав последнюю страницу плана и чихнув, Ауритус вышел на поверхность, чтобы вербовать достойных и хохотать над ничтожными. Общество стало расти, нити заговора и впрямь стали опутывать лес. Именно тогда к власти пришел Элагрус Первый. Обитатели смердящих склепов насторожились. Зрела новая война... Ру-Крукру был захвачен братьями розового овала, ранее независимая восточная часть леса перешла во власть розовых феодалов и их короля Элагруса. Тогда Ауритус Ди Каритис собрал первую народную армию. Она состояла из очень мудрых, но далеко не молодых воинов. Розовые, смеясь, называли их дряхлыми цветочниками, седыми лютиками, бородатыми фиалками и так далее. Однако этим старичкам все же удалось добиться некоторого успеха. Спустя шесть месяцев ожесточенных боев они отвоевали у розовых крепость Кия-Куру и захватили в плен четырех важных феодалов, которые впоследствии выпили чашечку кофе и стали почетными членами и хранителями тайн Общества Семнадцати Лилий. Правда, скоро удача их оставила, и им пришлось вернуться в смердящие склепы, где они и сидели до тех пор, пока к ним не спустился Дю Картюс и не вывел их подышать свежим воздухом.

— Когда мы рассматривали сидящего под стеклянным колпаком Первого Главного Магистра, в склеп спустился дядя Джузгун. Он икнул и поприветствовал нас секретным жестом, значения которого мы тогда еще не знали. Дядя Джузгун поблагодарил своего слугу и отправил его наверх, объяснив нам, что сейчас совершится таинство посвящения. Он протянул нам фляжку и велел сделать по три глотка. У моего Обтуса тут же закружилась голова, и он присел на каменный пол. Дядя велел мне сесть рядом и скрестить ноги за головой. Как следует насмеявшись, наблюдая за моими попытками закинуть ноги себе за голову, дядя сел напротив нас и влил в себя остатки из фляжки. Икнув и погладив себя по колену, дядя начал бормотать про себя какие-то заклинания и делать такие движения лап, словно

он ловил мух. Затем он велел нам встать на одно колено и поцеловать друг друга в живот, громко при этом ругаясь. Прodelав несложную процедуру, мы сняли башмаки и прижали их к ушам. Дядя был доволен. Тогда он велел нам повторять за ним. Он говорил: пипи-пупу. Он говорил: пю-пи-пю-па. И мы повторяли за ним. На стенах начали проступать новые, невидимые до этого рисунки. Храбрый воин жевал жвачку, пронзая рыжую лань. Маги бешено кружились вокруг жертвенника, достигая в своем хороводе немыслимых скоростей, и срывались с земли, схлопывая за собой пространства. Великий Магистр надувал мыльные пузыри и подпрыгивал на одной ноге, разрушая законы и смеясь над логикой мира. Дядя даровал нам должность Привратников и велел свято чтить тайны и устав Общества. Он велел нам гордиться смердящими склепами и восторгаться их противными жабами. Мы поблагодарили его и отправились вызволять Дю Картюса из Лона Медведицы.

Князь тихонько застонал и попросил перенести рассказ на завтра, так как он очень хотел спать. Тетушка Зихель строго на него посмотрела, и пепел с ее парагвайской сигары слетел на ковер. Арктонис был глух и слеп, поэтому просьба Князя осталась незамеченной, и он продолжил:

— Знаменитая тюрьма располагалась неподалеку от поселения Хи, чьи жители были известны всему лесу своим умением находить нужные травы и синтезировать из них различные вещества. Они знали так много всего, что самый мудрый обитатель любой другой части леса вызывал у них хохот, как только открывал рот. Мы с Обтусом решили обойти поселение Хи стороной, ведь мы были еще очень глупы и не хотели, чтобы над нами смеялись. Никто не охранял Лона Медведицы, потому что тюрьма была спроектирована так, что пробраться в нее было практически невозможно. Она представляла собой высокую арку, в верхней точке которой располагалась камера для заключенных. Их поместили туда с помощью прекрасных грузовых орлов, стоящих на вооружении войск Элагруса Второго. Вни-

зу, между сводами арки, росло небольшое деревце, которое через триста лет должно было достичь вершины арки и по которому могли бы спуститься заключенные. Однако времени у нас было не так много, и мы решили попросить помощи у жителей поселения Хи. Встретили они нас, как и ожидалось, насмешками. Но узнав, что мы хотим освободить Дю Картюса, они нахмурили свои лохматые лбы и скрестили на груди маленькие лапки. И стали размышлять. От толпы отделился толстый зверек и велел нам следовать за ним. Мы дошли до просторного жилища, вырезанного в тысячелетнем дереве. Зверек приложил хвост к железной пластине, прибитой сбоку от двери, и мы оказались внутри. На стенах дупла были вырезаны знакомые нам символы — лилии, жабы и ботинки. Зверек, заметив наш интерес к рисункам, приложил палец к губам и закурил вонючую папиросу, которую он скатал на наших глазах из каких-то разноцветных трав. Он скатал и нам по одной. И уже через пятнадцать минут дупло заволоч густой дым и фигуры начали расплываться. Малыш Обтус произносил легкие, упругие слова, состоящие из чистой любви к прозрачному ручейку и преклонения перед древней пылинкой, понимающей все. Они слетали с его языка словно серебряные струйки священного сока, вытекающие из вымени тысячи белоснежных козлиц. Он говорил: писю. Он говорил: хи. И мы повторяли за ним. И всякое мышление, не знающее этих слов, и всякий ум, не пузырящийся, словно сладкая слюна во рту мотылька, вождедующего весь мир, не были достойны быть в этом дупле с нами и жить так, как они хотят, и никуда не идти. Мы легли на красный ковер, и нас тут же поглотили желтые линии его лабиринта. Мы блуждали по ним тысячи лет. Мы свистели в глубокие отверстия, образовавшиеся от упавших на ковер угольков, и эхо отвечало нам. Мы дули в рожок, запутавшись в причудливых узорах, разделивших нас на миллион прошлых и будущих и отразившихся в самих себе так, как если бы брошенные с небоскреба осколки зеркал, зафиксировав все, что в них когда-либо отражалось, со-

брались бы вновь и прошептали какую-нибудь ерунду на неведомом языке, которого еще не было и никогда не будет. Мы узнали что-то важное, и толстый зверек передал нам густой отвар из муравьиного ноготка. Он объяснил нам, что отвар нужно втирать в то, что необходимо увеличить, желательно во что-нибудь живое и красивое. Мы поблагодарили его и вышли из дупла, которое все еще наполнял дым. И толстый зверек помахал нам вслед новой папиросой. Вернувшись к Лону Медведицы, мы с Обтусом легли под куст и уснули, чтобы смотреть сны, диктуемые нам чудесным дымком. Я проснулся от ужасного крика, это кричал мой Обтус, размахивая огромной лапой. Он открыл банку с отваром и зачерпнул немного. Через несколько минут его лапа стала размером с тыкву. Я отправил его обратно в Хи, ис-кать отвар, уменьшающий все глупое и гла-

живающий нелепое, а сам, надев на лапы башмаки, стал натирать ствол деревца. Оно увеличивалось на глазах, почки распускались в одно мгновение, листья тут же желтели и опадали и появлялись новые почки. Ветви быстро росли, и на одну из них я забрался, продолжая натирать ствол. Через пару часов макушка дерева вошла в Лоно Медведицы, и худые заключенные, захохотав и сбросив с себя ветхую одежду, спустились на землю. Дю Картюс похлопал меня по плечу и предложил стать его легатом. Я тут же согласился, хотя и не знал, что это значит, потому что для меня было огромной честью поспособствовать свержению Элагруса. Так я вступил в народную армию Дю Картюса.

Тетушка Зихель, пользуясь языком прикосновений, попросила Арктониса прервать свой рассказ и немного передохнуть, завтра он сможет его продолжить.

Андрей Торопов

Миндаль

Ангелы летят над Бродвеем,
Ангелы летят над Уралом,
Но мы больше их не жалеем,
Не глядим на них даже даром.

На их место пришли другие,
Покрасивее, помоложе,
Что сегодня для нас мессии,
Но они постареют тоже.

Но и те помогли кому-то,
А сейчас в небесах летают,
И мы стали добрей как будто,
Значит, ангелы не умирают.

Стих выскочит из ниоткуда,
Когда его совсем не ждешь,
Как будто маленькое чудо,
Как будто маленькая вошь.

Запишешь или не запишешь,
Доносишь в сердце до конца,
Ты иногда себя не слышишь,
Не видишь третьего лица.

Он — это ты, одна порода,
И снова ты, а дальше он.
Так непонятная природа
Тебе диктует свой закон.

Как будто вылетает птичка,
Удобней фото и кино,
Сидит в невидимых кавычках
Твое мгновение одно.

И каждый вечер так и хочется
Свернуть и заново начать,
Но можно лишь сосредоточиться
И запрещается кричать.

Йота

1.

Потеплело, однако,
хорошо, если так.
На помойке собака —
нападет или как?

Прохожу сквозь помойку —
запах родины злой,
удивительно стойкий,
остается со мной.

2.

Это сладкие речи,
только логики нет,
человек мне навстречу
ходит несколько лет.

Мы прервемся на йоту
и не встретимся тут,
если я на работу
поменяю маршрут.

3.

Паразитные «если»,
ежедневный поход,
я какой-нибудь Эшли,
благородный, как кот.

Меня дочка назвала
этим утром котом.
Что ж, и это немало —
написать о таком.

4.

Сел в рабочее место
и компьютер включил,
записал то, что честно
по дороге сложил.

Так легко и коряво,
без претензий и чувств,
если я — часть оравы
бесполезных искусств.

Мы переехали из Абердина,
Полные брюки и трубы трубят,
Ариведерчи, отель Сан-Мартино,
Счастье свое мы нашли вне тебя.

Так ли оно составляется, счастье,
И в нем замешан какой-то отель?
Мы стали целого нужные части —
Квентин и Дорвард срединных земель.

Были нам лужею воды италий,
Стали приемлемы наши плевки,
Мы заржавели дамасскою сталью,
Мы перешли со стишков на смешки.

Утром проснулся — отель Сан-Мартино,
Скачи на скакалке под песню «Кар-Мэн»,
На тренировке боксерской — трясина,
Скачем и скачем под вой перемен.

Бой безнадежный с загадочной тенью
Мы проиграли, но счастье нашли,
Ариведерчи, скакалка смятения,
Дикие вепри заморской земли.

Миндаль

1.

Она честно жила,
а потом умерла.

И мы тоже умрем,
но пока поживем.

Ларошфуко, Паскаль,
добрый Андрюха Баль,
может, и мне начать
афоризмы писать?

2.

Я поверил в себя,
стал писать для себя,
иногда для тебя,
никому не грубя.

Меня стали хвалить,
и немножко любить,
потому что не им
быть красивым таким.

3.

Это мое распоряжение —
больше не искать расположения.
Больше ничего не искать,
чтобы никого не терять.

Посадить и долго растить,
подарить и сразу забыть.
Хоть одну иргу посажу,
если доживу — развяжу.

4.

Надеваю утром свой крест,
может быть, потом надоест,
а пока его я ношу.
Вечером в кровати лежу,

собираю этот миндаль.
Что Ларошфуко и Паскаль?
Вот еще сто орешков в мешок,
вот еще один унылый стишок.

5.

Начинается новый год,
будет он такой же, как тот,

что закончился только вот.
В детстве я смотрел «Турандот».

Пожелайте в новом году —
съездить, например, в Катманду,
или же опять в Ленинград,
но с детьми — и я буду рад.

«Товарищ, я вахту не в силах стоять», —
Сказал он Уильяму Блаю,
«Ты мне не товарищ, ты русская блай», —
Ответил Миклухе-Маклаю,

На берег Маклая сошел наш Маклай,
Остался-таки человеком,
А зверь и паскуда — отъявленный Блай
Не станет никак человеком.

И что крестоносцы приносят лишь зло,
Сказал Гумилев, тот, что младший,
Уильяму Блаю подали весло,
Сказали — гребки-ка подальше.

И Лоутон с Хопкинсом больше нигде,
А правда во всем виновата,
Она загуляла, ушла по воде
На маленький остров, ребята.

Она там живет, варит свой самогон
И ездит на классном пикапе,
Кларк Гейбл с Мел Гибсон издали закон
О выборах нового Папы.

Иудейская война,
Ты ни в чем не виновата...
У тебя одна жена,
У тебя одна зарплата.

Здесь не пустят на порог,
Там решат самоотводом...

Дядя Флавий, как ты мог
Перед собственным народом?

Кто же это сочинил —
Автор, кесарь или Дарвин?..
Не поможет даже СНИЛС
Избежать подобной травли.

Уезжают из страны,
От себя не убегают...
«Лишь бы не было войны», —
Нас пророки призывают.

Почему у нас нельзя
Без испуга и обмана?..
Проживаем проскользья
На зарплату от тирана.

И мне было по-настоящему плохо,
Я запомнил горе свое стихами,
А теперь мне вроде не так уж плохо,
В горьком мире сером под облаками.

Иногда летаю на самолете,
И бываю, значит, над облаками,
Как вы, люди добрые, здесь живете,
Непонятно мне, но бываю с вами.

Я бываю с вами и облаками,
И живу покамест, и помню горе,
И могу об этом сказать стихами
В небольшом заоблачном разговоре.

Утехи и дни Александра Баранова

Александр Баранов — культовый персонаж пермского литературного андеграунда семидесятых годов прошлого века. Художник, писатель, поэт, бард. В 1973–74 годах учился на филологическом факультете Пермского университета, откуда был отчислен. Входил в дружеские круги Нины Горлановой, Вячеслава Букура и Виталия Кальпиди. После своего ухода в армию, в конце 1970-х, исчез из Перми. С тех пор о его местонахождении ничего не известно. Долгое время судьба его рукописей тоже оставалась неизвестной. Пока год назад издатель Борис Эренбург не нашел в своем архиве папку с текстами Александра Баранова. Выцветшая папка называлась «16 тактов на блюзовую тему. Три сказки». На самом деле сказка была одна — «Лето», остальные две вещи — рассказ «Лопух в ресторане «Бес» и повесть «Остров Трупинского». Рукописи датированы 1978 годом. В двух текстах встречаются сквозные персонажи. Стилистически проза Александра Баранова наследует традиции абсурда и экспрессивной прозы двадцатых годов.

Редакция расшифровала и перевела машинопись в электронный вид. И попросила написать Нину Горланову очерк о жизни и творчестве потаенного героя пермского андеграунда.

Редакция

Предисловие Нины Горлановой

Баранов был ужасен. Баранов был прекрасен. Как электрон, он колебался между этими двумя смыслами...

Мы познакомились в общежитии. Я была еще не замужем. Значит, это 1972 или 1973 год. Сначала я была очарована... даже его внешностью! Это как бы Боярский в светлом варианте. Но... он был пьяница и наркоман. Да, в общем, какая-то изломанность изначально ему была присуща. Я не знаю, откуда приехал он — говорил, что из Кирова. Может, все врало. Проверить было нельзя. Но он очень влиял на меня, потому что рисовал, пел, сочинял — все это делал легко. Не то что как другие — важно. Он все создавал так, между рюмками. И все это было на уровне гениальности. Он писал роман в стиле примитивизма. Больше так никто и не писал. Ну, конечно, там немножко и влияние Сэлинджер в переводе Райт-Ковалевой, но все-таки это был свой роман. Он у меня был в рукописном варианте. Я его дала когда-то перепечатать Юле Грузберг, и вот Борис Эренбург недавно его нашел...

Баранов был необыкновенно остроумный. Вот Кальпиди, Слава Букур, Баранов — они могли фонтанировать сутками. Это были история за историей — саги про каких-то рыцарей, которые как-то попали в современность, и как все это пошло в ЦК, и там было связано с политикой, и какие-то предсказания, которые потом, после Чернобыля, сбылись — что атомная катастрофа произошла, куры мадам Кузьяевой набросились на хозяйку и выклевали ей полноги... Баранов всем этим фонтанировал в 73–74-м году.

Когда исключили его из университета, я ходила к ректору, за него просила. Он учился на романо-германском, а потом, вроде, на русский перевелся... Я уже забыла. Ну вот, он что-нибудь да вытворял в общежитии: то драка, то попытка самоубийства... Я ходила к ректору, и ректор сказал: «Мы наркоманов не держим, даже не просите».

Тогда как раз у меня прошла передача об Акчипе по Всесоюзному радио, которую передавали, повторяли два раза. Настолько кому-то наверху понравилось, что приехало Центральное телевидение снимать Акчим. Был такой со мной момент удачный связан, и ректор мог бы пойти мне навстречу, но не пошел.

Но все равно Баранов долго еще к нам приезжал, из армии он мне писал, после армии приезжал. Вот этот портрет, где моя щека зеленая — она была красная... Портрет был, конечно, гениальный. Карандашом он все делал... Вот, на нем, я приколола звезду и лечу... Еще в то время я не взяла приемную дочь, еще только с Барановым одним возилась. А уже он меня видел какой-то вот такой, высокой. Нарисовал красную щеку — и я тут же обожглась, порезалась, кровь льется. Я говорю: «Закрашивай щеку в зеленый, серый цвет». Он кричал: «Губительница шедевров! Напиши расписку, что после твоей смерти я ее могу обратно перекрасить в малиновый цвет!» Ну, в общем, в любом случае Баранов был невероятно одарен.

Сюжеты рассказов продавал мне просто за бутылку — вот «Золотой ключик», например. Жил он у нас месяцами. И все это было здорово, но однажды мы со Славой уехали в отпуск, к маме, оставили ему ключи... (...) он исчез, т. е. больше мы его никогда не видели. И когда я теперь проезжаю мимо Кирова, я смотрю тщательно в окно, и любой мужик, продающий там какие-то лапти, кировские, вятские игрушки дымковские... Мне кажется: наверно, это Баранов. Вот, сбрил усы — наверно, это Баранов. Тут же роется бомж в ящике на платформе — может, это Баранов. Тут же выходит из машины богатый новый русский с какой-то девочкой, сажает ее в поезд — может, это Баранов. Любой может быть Барановым.

Но все-таки если бы он стал писателем или художником, мы бы о нем услышали. Во время перестройки услышали ведь обо всех. Поклонник мой, читатель, прислал письмо из Кирова — и я попросила его найти Баранова. И он мне написал, что всех Барановых в Кирове нашел — «ни по возрасту, ни по отчеству вашего нет». Если жив, то так, что не видно, не слышно.

А если не жив, то не жив. Я не знаю.

Кальпиди одно время просил его поискать, сам по своим каналам искал — тоже не нашел.

Но иногда мне Баранов снится, что-то говорит во сне. До сих пор я его помню. Ни на одной фотографии даже его, по-моему, нет. Ну, какой он был — вот как Боярский, только блондин. Невероятной красоты улыбка. И вечно он кончал с собой. Слава его стаскивал с подоконника сколько раз — все нервы, все непросто это, конечно.

Да, судьбы ломались, ему бы тогда какую-то поддержку, выставку, книжку издать. Я уверена, это человек был таких потенциалов!

Но в то же время в понятие гения входит и понятие характера, силы воли. Испытания достались всем, у кого их не было? У Цветаевой, у Ахматовой, у Ван Гога — пострашнее, чем барановские. Они же выдержали, состоялись. Т.е. все-таки — не хватило характера.

Ну, вот говорят, что Довлатов воровал у друзей перед отъездом в Америку — и книжки продавал, и все. Но потом он этим друзьям все вернул, подарки высылал.

Ну, ты приедь, ты вернись, хоть через десять лет: «Ребята, жить без вас не могу, хотел вот увидиться с вами, какие вы стали, какой я, показаться». Ничего этого мы не увидели. Какой-то трагический, безысходный шаг. Очень жалко, потому что, в самом деле, у Кати Соколовской есть портрет, у меня, еще на кухне есть барановский портрет Славы. А у Кати Соколовской на портрете глаза — я в мировой живописи больше не видела таких глаз — как какие-то бриллианты, которые огранены, зрачок голубой в виде камня, но это не портит глаза, они человеческие. До того невероятный портрет, просто гениальный. Шедевр настоящий. Сколько я знаю его картин — все выдающиеся. Ну, конечно, у меня Агния спрашивает: «Почему у папы все кирпичом выложено вокруг фигуры?» Я говорю: «Потому что Баранов мечтал, чтобы его желудок был выложен огнеупорным кирпичом». У него болел иногда желудок с похмелья.

Однажды... Был у нас большой скандал. Он считал, что за то, что он нам рассказывает и рисует, мы должны его кормить бесконечно. Допустим, живет уже три месяца. А деньги — где брать их? Ну, погостил, давай, Саша, уезжай, потом через полгода приезжай, мы еще накопим денег. «Так я же вам что-то рассказываю, я же вас развлекаю!» — «Так мы тебе тоже что-то рассказываем!» Он думал, что это продается. А мы думали, что в дружбе это обмен равный на равное, дружба обменивается на дружбу. А не так, что дружба обменивалась на нашу еду. В общем, как-то это нас поразило.

Настолько, видимо, он считал себя выше, он думал, что он одаривает нас. Он путал нас с меценатами. А какие же мы меценаты? Мы такие же творческие люди, так же пишем, так же рисуем, так же мало зарабатываем, так же не умеем жить.

Как-то он себя так высоко ставил, что не считал нас ровней. Но в то же время, допустим — это показательно для него — скажет, как моей подружке однажды: «Сейчас я тебя удивлю». Ну, имея в виду, что споет что-то новое. Но он же алкоголик, если не рассчитает — быстро уже под столом. А утром она ему: «А ведь ты обещал меня удивить». Он говорит: «Так разве я тебя не удивил?» Выходил из положения все время.

Его очень любили женщины. И Чудинова, и Гордеева — в общем, пол-общезития его любило. И, конечно, все готовы были бы и замуж выйти, да, видно, не сватался. Он, наверное, не считал, что путь семьи — его путь. Но он был невероятного обаяния человек, которого любили все: простые люди, интеллектуалы, мы с Катей, мои соседи, Власенко, пьющие, непьющие.

Когда запевал — у него голос был такой, как у БГ, с дрожалочкой, в стиле кантри — невероятное ощущение счастья налетало на нас. Это, конечно, было украшение наших тогдашних вечеринок, и картины его тоже всем нравились.

Есть художники, которых долго не признают. А вот Баранова всем надо было: и песни, и стихи, и картины, и голос, и гитара — все, и внешность. И как бездарно, если все это пропало, как это жалко.

Александр Баранов «Портрет Нины Горлановой» (1976), «Портрет Вячеслава Букура» (1976).

Но на меня он повлиял. Вот только два человека — Комина и Баранов — ждали от меня каких-то свершений, какого-то духовного развития, а все остальные относились ко мне обыкновенно. Ну, дружили мы с Королевым, Юзефовичем — они меня потом, когда я стала писать, даже поддерживали. Но Баранов меня ценил, даже когда я ничего не писала, а просто вела дневник и вела с ним разговоры о живописи. Он считал, что я настолько вот тонкая какая-то, вся создана для... то ли я буду книгу о художниках писать, то ли я буду искусствоведом, то ли знаменитым журналистом — вот как-то он от меня все ожидал чего-то такого: «Ну, когда ты, мать, прославишься и напишешь свою книгу о Сальвадоре Дали, помяни меня там в своих молитвах, купи мне там того, сего, бутылочку краски» и прочее.

В общем, как-то он меня всегда выделял, и это меня поддерживало. А теперь куда деваться? Нет Баранова нигде, мы его не видим. Мы написали о нем повесть, которую тоже никто не берет. Называется «Повесть о герое Василии, подвижнице Серафиме». Ну, никто ее еще ни разу не напечатал. «Урал» брал — не напечатал, в Кургане брали — тоже не напечатали. Ну, значит, так надо — но там Баранов прямо под своей фамилией. Он у меня часто мелькает: и в «Квасире» под своей фамилией: «Видел я Баранова, Баранова не пьяного, Баранова не пьяного, значит, не Баранова»...

Как-то повелось, что Баранов, вроде, не обижается, его можно было под его фамилией еще тогда, в молодости.

Он писал мне необыкновенные письма из армии — в каждом письме было нарисовано или яблоко, или целый кулек яблок, потому что я любила яблоки. Это было всем известно, но из армии он не мог мне послать яблоки — но рисунок... Он писал такую прозу, необыкновенной энергии, тонкую, где все тоже высмеивалось. И так смешно, но у него смех Хармса, смесь прозы Селлинджера и примитива — и нежность, и чудо — это был просто необыкновенный человек. Бог дал ему все. И куда он все это дел, я не знаю. Мне Господь ничего этого не дал, я приехала, не зная ни Хемингуэя, не имея никакого таланта. И из первых плохих рассказов начала по миллиметру расти, расти, и дорожу этим безумно. Я так дорожу тем, что есть. А ему Господь дал все, и куда он это все дел, я не знаю.

Нина Горланова

Лопух в ресторане «Бес»

(Рассказ)

Глава 1

Солнце наконец-то решилось заглянуть и в это окно. Сначала оно парило вдоль напудренных стен, забавляясь проказами маляров (Лопуху пришлось им даже переплатить рублей сорок — такие попались хитрецы). А это вот что? А... Это старое пианино... Играет ли на нем Лопух? Нет. И это уже давно, потому что ревматизм музыке вредит.

Потом солнце удивилось опрятности и чистоте этой обычно неряшливой комнаты. Оно с удовольствием поскользнулось на старом, а сегодня чистом паркете; ах, что это я не заглянуло сюда пораньше? У старухи Жидовой и то сегодня не так чисто...

Проснулся и Лопух.

Если вы его знаете, то можно удивиться: ведь и вчера, и позавчера, и всегда его лицо выражало, ну, в лучшем случае усталость, если не злость, а в особенности утром...

Он растер руками свое старое лицо с явным намерением придать себе бодрость. Его походка от дивана до туалета была игривой.

— Налей, на-лей бокалы полней! — пел Лопух, и еще нечто вообще уже странное, вроде «дует, дует ветерок...»

Из туалета вместе с грохотом унитаза вырвался веселый лопуховский смех. Может быть, это похмелье? Лопух пьет. Однако вчера он не пил, хотя забрал в банке Ляхова все свои деньги.

Это нельзя было назвать капиталом. Так... Но Ляхов был удивлен.

Теперь Лопух стоял в туалете перед зеркалом, облокотившись об умывальник.

— Я не побрит, и я не был в бане... Нет, сначала я пойду в баню, в очень дорогую... А потом уж в парикмахерскую...

Он вдруг засмеялся:

— Тоже в самую дорогую!

Завтрак Лопуха не был самым дорогим, но зато было ясно, что ужинать Лопух будет в ресторане; только в ресторане!

Например, он мог пойти в «Прикамье». Он мог пойти и в «Золотую Жабу» или «Бес». А сейчас он съел одно сырое яйцо.

Но, может быть, это потому, что у него на кухне и было-то всего одно яйцо. Воды он пить не стал: хотелось пива.

Это прекрасно! Особенно после бани, и особенно с таранкой, что он купит у спекулянтши на углу.

Он и пошел с этой мыслью. Одет он был просто, но отутюжен. На улице он с удовольствием стал дышать. От этого захотелось прокашляться — он с удовольствием начал кашлять.

Он уже не вернется домой.

Он взял с собой все деньги, и еще какой-то предмет, завернутый в бархатную тряпку, и альбом с фотографиями.

Лопуху захотелось было выкинуть ключ от квартиры, да стало жалко ключа: он привык носить ключ в кармане. И еще ключом было удобно открывать пивные бутылки. Только сегодня это не понадобится.

Но все равно жалко.

— Вы не пробовали розовую ванную?! Это одна из самых дорогих. И после нее тело — пальчики оближешь! А если хотите, принесут и вина, и горячего мяса, там и музыка есть... И если хотите, придет девочка и будет вас, а-ха-ха, мы-ы-ть!

— Я хочу и мяса и вина, а девочка... Не надо мне, чтобы она стала меня мыть, — Лопуха немного рассердило глупое поведение заведующего баней.

Он купил билет. Это был гладенький, словно из него делают деньги, кусочек бумаги. Там была изображена бочка и высовывающийся из нее до пупа очень довольный человек.

Верно, и Лопух после ванной высунется так же вот и радостно, и до пупа...

Глава 2

...Мы плыли в лодке по маленькому озеру... Помнишь, Маргарита?

И ты не должна забыть тех черных и белых лебедей, что мы кормили печеньем.

Я их очень хорошо помню...

Один был какой-то боязливый и не решился приблизиться к лодке. От этого ему и печенья не досталось. Только потом, когда я кинул далеко-далеко, он смог полакомиться.

А служитель сказал, что этот лебедь потерял свою пару, вот и заболел. Но мы его быстро забыли... Что и говорить! Показался островок, и не было места лучше, чтобы распить нашу бутылку шампанского...

Чтобы ласкать друг друга... Что?

— Ваша очередь, господин Лопух!

Лопух поудобнее уселся в кресле. В зеркале отразилось его мечтательное, в легкой щетине, лицо. Парикмахер улыбался, устраивал Лопуху саван из белой простыни. А у мертвых растет борода и, говорят, ногти...

Лопух вздрогнул, но парикмахер засмеялся и сказал:

— У вас не вырастет!

Почему он так сказал?...

...Ты, Маргарита, не представляешь, какой шикарный костюм из черного бостона я заказал в ателье. Сейчас вот пойду и получу... А на свиданья к тебе я все ходил в чугом... Наверное, и ты ходила в чугом...

Из парикмахерской Лопух направился в ателье по улице Жабова. Было прохладно. Самое лучшее время осени.

Кленовые красивые листья еще не кружили целыми стаями, но некоторые уже устали и валялись теперь на скамейках и асфальте.

Кто-то, кажется, Бродяга, знакомый Лопуху по работе на винном складе, жег траву. Он то ли грелся, то ли курил дым своим духам, но был околдован собственным заклятием и кому-то кивал, глядя на костер.

...Не в юности... Жаль, что лишь сегодня у меня такой модный костюм. Это целая «тройка». Лопух повертелся перед зеркалом. Он усмехнулся и погладил себя руками...

Не мнется! Черный, как ворона! Только придется таскать свой старый костюм

под мышкой. А можно и выкинуть... Конечно, выкинуть...

Была осень. Бродяга продолжал свое колдовство. Он не заметил элегантного Лопуха, когда тот проходил мимо, по направлению к дому старухи Жидовой.

Зато Лопух Бродягу заметил.

Не лучше ли подарить свой старый костюм ему? Не лучше ли увидеть улыбку благодарности и даже почувствовать маленькую запоздалую власть?

— Костюм? Да, да... Спасибо тебе, Лопух, только я... Оплакиваю смерть моего сына, — он заплакал, но тотчас вытер слезы черным платком и посмотрел прямо в глаза Лопуху.

...Если ты даришь мне костюм, можно, я брошу его в огонь, можно, я pošлю его моему сыну?

— Да, да! Конечно... Ты подаришь его сыну...

— А твой... Тоже умер?

— Кто?!

Бродяга расправил в руках старый костюм бездетного Лопуха, и Лопух с ужасом увидел, что никогда не смог бы носить такой костюм: он был ему просто мал!

— Не бойся, Лопух! Я помолюсь и за твоего сына. Или даже вот: моему — пиджак (он бросил в огонь пиджак), а твоему — брюки, — он бросил в огонь брюки. — Спи спокойно, дети... Да будет вашей страной страна весны, тишины, любви...

Он перешел на непонятный шепот и снова кивал кому-то, глядя на костер.

Лопух медленно и все оглядываясь отошел от костра.

И хотя была осень, и кленовые листья еще не кружили целыми стаями, надо было идти к старухе Жидовой.

Глава 3

Старуха Жидова занимала прекрасную квартиру на втором этаже. Она была старуха, и потому в ее комнатах царил тишина, приятная Лопуху.

Из одной комнаты раздавались человеческие голоса:

— Две конфеты. Обе они в красивых, блестящих обертках. Но в какой из них шоколад, а в какой — испражнения?

— Не знаю... А ведь если мы развернем — появится содержание?

— В том-то и дело, что вы не умеете разворачивать, — кто-то тяжело вздохнул.

Жидова насторожилась. Она тоже слушала разговор, многозначительно поглядывая на Лопуха.

— А кто он? — спросил Лопух.

— Глазной врач, сейчас разговаривает с клиентом.

Он появился. Он выскочил сразу и, видимо, комната была для него темна — замурился.

Завыл ветер, ворвался в окно вместе с тучами птиц: воробьев и голубей. Они, словно мотыльки на лампочку, кричали вокруг юноши — глазного врача. Некоторые упали на пол и кувыркались у его ног.

— Веник! — Жидова подметала воробьев. Она бросила их в окно — что было!

Воробьи кинулись врассыпную и уж раскричались на весь квартал.

— Вы Лопух? Прекрасно. Жидова, шампанского!

...Я, Маргарита, не струсил. Правда, я делаю это лишь теперь, теперь, а не в день убийства твоего друга...

Мы пили крепкий чай...

Твой друг любил Мунка...

Ты любила меня...

Мы все мыли руки перед тем, как смотреть альбомы. Мы все обмывали твоего друга...

— Запомнили? Он будет в ресторане «Бес» ровно в десять. Как у вас со зрением?

— Плохо... Но я решил стрелять в упор.

— Это правильно. Позвольте осмотреть ваше оружие!

Лопух развернул бархатную тряпку.

— Не для вас. Я вас не понимаю. Я делаю это ради воспоминаний...

— И ради Маргариты?

— Да, хотя мне кажется, что она сама виновата в том, что ей не повезло.

— Ничего себе «не повезло»! Да, если бы не Бродяга, она бы никогда не появилась у нас!

Лопух удивился:

— У вас? Бродяга? Он же был ребенком, когда это произошло! Как мог он помочь Маргарите?

Глазной врач весело рассмеялся. Бокал прыгал в его светлой руке.

— Знаете ли, сколько вам лет, господин Лопух? Ровно столько, сколько осталось до происшествия в ресторане «Бес». А именно: менее двенадцати часов. Вы новорожденный! Бродяга же переступил эту черту неизвестно когда; он, верно, постарше меня...

— Значит, я — ребенок?!

— Все мы дети...

Когда Лопух выходил из квартиры, он передал старухе Жидовой альбом с фотографиями.

— Утром, обычно утром, он жжет костер на улице Жабова. И ты отдашь ему альбом, пусть пошлет мне.

Он достал всего одну фотографию (Маргариты) и спрятал у себя на груди.

Глава 4

Солнце, как и во все времена, к вечеру остыло и не любило уже город...

Ты была тогда в черном...

Кто вот, например, та, что сидит теперь на твоем месте? Она молода и красива и справляет свой день рождения с друзьями из витражной мастерской. Юная. Она красивее Маргариты, но она в белом...

Что я заказал?

Прежде всего — это шампанское; потом я люблю «Бенедиктин» (я люблю его с водкой — я становлюсь от него пьяный)...

Как жаль, что все не выпить за один вечер и не съесть... стерлядь... кажется, икра (ее надо со специальными булочками из тонкой муки). Я ничего не понимаю в тонком... Это и хорошо, и томно это, и бывает неприятно...

Двуслойный табачный дым: внизу тяжелый от мужских папирос, и легкий выше — дамы любят сигаретки... Смеются они... Так устало выходят в вестибюль, так нехотя

(а хочется!) падают в кресло... просят воздуха: дядь Миша, открой дверь, пожалста!)...

Дядя Миша выпил — смотрит ласково на недоступную оранжерею — и выбрал бы вот эту (у-у-у! как она спрятала вынырнувший бюстгальтер!)...

Лопух пригубил рюмку.

Вино попало меж зубов; так сладко загломило в деснах... Ты любила «Старый замок»... Однажды ночью я из-под земли достал бутылку, и мы забрались на чердак общежития для безумств...

...да, Маргарита, да... Сегодня я мог бы заказать музыкантам все песни, что тебе нравились, все мелодии, что участливыми губами дуют на увлажненное алкоголем бобо...

А на улице выпал снег. На крыше зашевелились кошки, и он посыпался оттуда — розовый, голубой и бледный. Он побледнел от холода... нет, он был бесцветный, просто, когда он летел с крыши, его освещали розовые, голубые и бледные окна ресторана «Бес».

Подруга витражных мастеров изрядно нахлесталась. Она посматривала: чего бы такое выкинуть?

Ее внимание привлек Лопух. Что ж! Она отправилась к Лопуху.

— Вы танцуете?

— Я?

— Да.

Она стала танцевать. И именинница была несколько озадачена легкостью Лопуха. Она забыла, что хотела подшутить над ним.

Раз... Раз-два-три...

Маргарита любила вальс...

Лопух любит «Бенедиктин»...

Птицы любят глазного врача...

И пробило десять...

... знает Симона Изжигаяева?

Его бережно вытаскивали из автомобиля. Раззолоченная женщина терпеливо ждала, когда спина Симона просунется в дверцу. Она зря этого ждала: три акробата выхватили ее из другой дверцы.

Директор ресторана метался вдоль банкетного стола:

— Горчицы, горчицы нет, сволочи!

Он попрыгал на Изжигаяевском кресле:

— Жестковато, а? И свет, вроде... он розовый ведь любит, а?..

Директор бросился к балкону и наполовину свесился к музыкантам:

— Не забыли? «Дует, дует...» не забыли?!

Он хрипло пропел:

— Дует, дует ветерок... Ага! Ага, — это когда он горячее съест! И вроде бы невзначай!

— Салют! Боже мой! Мишка, беги к пиротехникам!

Мишка, забыв про недоступную оранжерею, неся в подвал к пиротехникам.

Его бакенбарды седыми крыльями веяли над вспотевшей ливреей...

Глава 5

...дважды подходил к Изжигаяеву. Первый раз Лопуху почудилось, что акробат слева что-то заподозрил. Второй раз — что сам Изжигаяев глянул на него злобно и с умешкой.

— Симон — прелесть! Когда меня привели к нему, я ожидала ни больше ни меньше как смерти. А он, веселый такой, подает мне стакан вина и говорит: «Выпей вина и пойдись к нему, и скажи, до чего они тебя довели... Скажи и не верь больше: брехня все!» Тут я и расплакалась...

Лопух посмотрел на часы. Уже тридцать минут он безуспешно кружил вокруг Изжигаяева.

Оркестр, подпрыгивая, свистел «Дует, дует ветерок». Пусть дует. Вот если подойти сзади, откуда выпрыгивают официанты, чего-то и выйдет. А?

...за тем официантом. Он толстый, и меня он закроет полностью...

Алиса ломала слюду халвы...

— Знаете, она недоразвитая. Когда была выставка, она подошла к «Саду желаний» и поставила двойку!

— Но ведь Симон приказал переправить на тройку?!

— Сплетни! Я сам видел, как мазилы валяются у нее в ногах!

— А ноги! Господа! Какие у нее ноги! Когда была коронация, меньше смотрели на Симона, а все на ее ноги!

Лопух не смотрел на ноги Изжигаевой Алисы. Оставалось шага три. Он взвел курок...

— Что вам?! — крикнул Изжигаев. Он повернулся к Лопуху вместе со своей тарелкой.

— А вот тебе!

Лопух выстрелил! Нет, он бы выстрелил, если бы его не схватили за руку.

— На! — заорал Лопух; свободной рукой он выхватил у Изжигалева вилку и всадил ему прямо в сердце.

Лопух замахнулся еще раз, но тут его самого ударили — и он упал под стол.

Последнее — это он увидел бьющиеся, агонизирующие ноги Изжигалева, и они пинали другие, изысканные ноги, и царапали, и рвали на них чулки фирмы «Коти»...

— Эгей! Дима! Хватит вам целоваться! Тебе посылка.

— От кого?

— Бродяга прислал брюки. А мне пиджачок. Ничего, да?

— Ничего... но я ума не приложу, от кого бы это? И что, разве теперь осень?

— Ага!..

Да, действительно, была осень. Старуха Жидова нашла Бродягу на прежнем месте.

Она молча протянула ему альбом с фотографиями...

Бродяга вздохнул. Погладил мягкие кофточки. Но что же? — отправил в костер.

Спите, дети.

*Да будет вашей страной страна
Весны, тишины и любви.*

Июль — август 1978 г.

Остров Трупинского

(Повесть)

Глава 1

За Димой гналась собака. Это была бешеная собака, потому что изо рта у нее брызгала пена. Как страшно!

— Догонит! Разорвет меня!

Упал...

— Позвольте?!

— Нет! — Дима снова бежал. Сильнее, чем собачья пена, из его глаз брызнули слезы: всю-то жизнь!..

Он родился в женском туалете. Хлором пахнет: мать вынесла его, завернутого в туалетную бумагу.

...Стой! Остановись! К черту пустая беготня? Пятнадцатый квартал. И возле магазина «Цветы» есть телефонная будка... И на улице Кабова... Дурак...

...вечер поэзии люсипристов. Читали волшебное, читали Непочатова, потом Ларису Шлакону — все звездное. И, видно, так читали, что у Димы от восторга повысилась температура. Бутылка «Вермута» перегрелась в кармане его пиджака... Тра-рах!! Бутылка взорвалась!

— Мое платье! О-о-о! О-о-о!

— Ухо! Ухо!

Кавалеры начали давать Диме в морду. Тецц кричал со сцены и умолял прекратить звериное движение...

Собака выла. Собака и Дима неслись, споткнулись, отдышались и опять бежали к площади глупых Желаний.

Первый снежок... Базилио равнодушно глянул на них с карниза над окном ресторана «Бос». Он зевнул. Снежок упал на его развратный язычок. Зима? Как летит время!..

Дима с ходу влетел в телефонную будку. Было темно. Он изо всех сил держал дверь. Да здравствуют хулиганы! Они выбили все будкины стекла, и теперь вместо стекол — толстые фанерные листы.

Что-то Диме мешало. Что-то, вроде, и шевелилось еще в телефонной будке. Оно было ниже ростом. Кажись, оно тоже дрожало от страха.

А на улице! Собака прямо кричала. Но бешенство достигло невиданных высот. Она бросалась на будку, чуть не выпрыгивая из себя. Порой она даже умоляла. Это пахло чем-то больше голода...

Да чего там! Собака уже грызла будку. Дима заорал от неестественности этого прогрызания.

— Конец! — орал Дима.

И тр-рахх! Нет, не собака, а это слишком громко зазвонил телефон. Впервые он зазвонил в телефонной будке самостоятельно. Дима сорвал трубку и сообщил про собаку, про то, как страшно, про...

— Что?! Какое «страшно»? Вы готовы к старту?

Диму парализовало.

— Старту? Я не хочу! Я не умею!

— Прекрасно! Даю пуск: четыре, три, два, один — счастливо!

Будка лопнула! Вернее, она была цела, но так показалось. Дико взвыла обозленная собака; вытье ее сделалось где-то там-там, где-то внизу...

Будка летела.

Впрочем, она летела довольно спокойно.

О, если бы все на свете было спокойно так, как летящая телефонная будка!..

Интересно бы узнать, с кем это Дима летает? Что представляет из себя то, что было пониже ростом и визжало от страха?

Во-первых, оно источало запах «Пиковой дамы». Во-вторых, оно по-женски всхлипывало, но Дима не мог этого слышать, потому что его голова была зажата чьими-то коленями как раз по линии ушей.

Довольно сильные руки вытолкнули Димину голову.

— Кто вы такой? Кто вы такой?

— Кто я такой...

Кто я такой? Это... Дима уперся ногами в дверь — дверь открылась. Ветер шумно бросился в будку, но до того она тесна — заматерился и высочил наружу.

— Я Дима! — сказал Дима.

— Я Света! — сказала девушка.

Дима поправил на ней задранное платье.

— Ты што?!

— Я тебе платье поправил, — испуганно сказал Дима.

— Сон! Это, наверное, сон! — крикнула девушка и ущипнула себя за толстую ножку.

— Ни фиги не сон, — пробормотал Базилио, поглаживая на своем карнизе генеральскую кошку. — Вот как врежетесь!

Кар-р-р! Будка протаранила ворону. К левой щеке Димы прилип кусок отличного голландского сыру.

— Хочешь?

Она, конечно, хотела. Она и съела все с большим аппетитом...

— А я вот не люблю сыр... Все кажется, что это расфасованные части из паноптикума восковых фигур... Там, в паноптикуме, стоят они: Бегемот, фрау Грубах, Лопух... И приходит человек в красной накидке... И фасует, и ест...

— А-ха-ха! — девушка заплакала. — Какой смешной сон! И вчера я на работу опоздала (Сашка утром не отпускал), и сегодня... Сегодня-то што? Седьмое? Гертруда Виолетовна точно пистон вставит...

— А мне... кажется, что ничего тебе никуда не вставят! Потому что, мне кажется... Тебе, Света, не кажется?

«Кажется!»! Чему там казаться — будка падала! Небо сделалось меньше. Вокруг свистело.

— Света! Мы падаем! А, Света?!

Они падали. Действительно и быстро, и — в море, такое синее, фиолетовое, а значит, глубокое.

— Я плавать умею! — кричала Света. Она скинула платье и делала резкие движения — она разминалась.

— А я не умею, — прошептал Дима и застегнулся на все пуговицы.

Тр-ра-хх!

Будка шлепнулась!

Будка шлепнулась не в море — в какой-то песок. Все фанерки отпали, а дверь вообще оторвалась и вылетела к чертовой матери, да не одна: за нее, как за родную, уцепился Дима, а Света осталась в будке: Света выпучила глаза и сидела по-татарски в одном белье. Добро пожаловать!

— Ур-ра-а! Прилетели! Добро пожаловать на наш остров! — кричал молодой атлетический человек, который бежал к Диме изо всех сил.

— А где женщина? Ага! Выходи, выходи, красавица! Ишь, бельишко у тебя...

Он почему-то открыл Светкин рот и внимательно осмотрел зубы. Он ткнул Диму в живот, Дима чуть не заорал.

— Легонький! Это хорошо, это по мне. И мордой недурен! Это по мне... Ну, лады! Сейчас и расправлюсь с двумя пораженцами, а там уж и познакомимся как следует — вспрыснем прибытие на наш замечательный...

Недалеко от упавшей будки торчала еще одна, точно такая же, но, видимо, та упала много раньше. Она вся проржавела, особенно где ее погрызла собака. А и собака была тут же! Та самая, страшная, собака. Дима пошатнулся, представив, как она раскроила бы ему живот, хотя он и не японец.

Возле той будки стояли двое: он и она. Оба плакали и твердили:

— Все равно нет, нет, нет!

— За что их?! — воскликнул Дима.

Трупинский (молодого атлета звали Трупинский) обернулся к едва сдерживающейся собаке:

— Ну-ка, Флора, изменников искусства — фас!

Собака Флора бешено бросилась на несчастных. Те кричали, спасая друг друга...

— Вот так будет со всеми пораженцами! Но вы-то не такие! Могу ли я положиться на вас, друзья? Могу ли я быть уверен в том, что пьеса Трупинского-старшего (он едва сдержал слезы) будет сыграна с блеском, какого она заслуживает?

Он уже не сдержался, заплакал и показал рукой:

— Вон его памятник... Там лежит мой гениальный брат...

В центре острова торчал омерзительный железный монумент в образе голого человека. Железный человек мочился на такую же аляповатую железную книгу, открытую там, где были вылиты изречения видных драматургов.

— А вон там, — Трупинский-младший протянул руки к берегу, где вылезло серое железобетонное строение. — Там, друзья, Театр! И во имя этого все мы здесь — на острове Трупинского!

Глава 2.

На острове было утро. Из театра слышался храп Трупинского. Флора бегала по берегу и жрала дохлую рыбу. Солнца еще не было, но для него на небе уже образовалась дыра. Вокруг дыры кружили чайки и облака.

Между ними существовали какие-то свои небесные отношения: облака застенчиво краснели...

А ветерок хлопал покрытием навеса и будил спящих: Диму, Свету, Черного Ворона. Это обыкновенный человек, Черный Ворон. Зовут его Аркаша. Просто в пьесе он играет роль ворона — вот его так и прозвали.

Правда, жизнь его на острове была несколько отличной от остальных: Аркаша жил (исключая время, отведенное для репетиций) в клетке. Это чтобы Флоре было легче за ним следить.

Аркаша все время хотел есть: а кто бы не хотел, если Трупинский посадил его на полную месячную диету (одна вода).

А это — чтобы Аркаша умел летать. Ему приделали оригинальные крылья: всего утыкали перьями. Он было пустился на уловку: как я научусь летать, если все время в клетке?

Глупый! Мы-то знаем, куда бы он полетел: за рыбкой. Пусть летает на репетициях...

...почесывала ноги. Левую и правую... Обе красивые... Весело было вчера! Сильно так напудрились и танцевали все, танцева... Да! Трупинский выглядел так: на голове страшные рыжие волосы длиной в полметра и все торчат. Он бы походил на солнце, если бы не лицо, отдающее стрихнином...

Света тоскливо перепрыгнула взглядом Диму; смотрела на ракушки и на волны, что бросали на берег все новые партии дохлых морских звезд...

Дима тоже проснулся.

И надо же было так напиться вчера! Напился. Упал. А такой был вечер! Светку словно заколдовал кто-то. С моря ли такое, с вина ли... А Дима взял и упал...

— Хочу жрать! — Аркаша просунул сквозь клетку крыло и ткнул Свету.

— Жрать хочу, слышишь, нет?

— Нельзя тебе...

— А хочется! — он испуганно покосился на Флору. — Знаете, не рыбы — хотя бы морской капусты с маргарином... Живот болит...

Вчера производился тренировочный полет. Аркаша несколько раз прыгал с крыши театра. Дима, конечно, не мог бы удержать его в случае падения. Дима страховал внизу; он бегал согласно виражам Аркаши, перетаскивая надувной матрац и банку с йодом. И потому Трупинский поддерживал нового Икара при помощи стальной проволоки, приделанной к Аркашиной спине.

Теперь все лицо Аркаши было намазано йодом. Зеленый идол прилип к железным прутьям; принялся жадно, покаркивая на Светку — повариху...

— Поняли?!

Трупинский оторвался от текста и злобно всех осмотрел:

— Аркаша, как называется пьеса?

— «Соломенный бычок».

— Ка-акой бычок! Где твоя память, Аркаша? Пьеса называется «Дима и Света, или Буриданов Осел»! И про солому ни фразы! Ну, ничего... Начинай свою роль!

Аркаша беспомощно оглянулся, хотел что-то сказать, но вместо него собственный Аркашин живот проурчал:

— Толченые ракушки на машинном масле — вкусная, питательная пища, не уступающая по калорийности...

Трупинский схватился за голову:

— Я повторяю вам, что в действии участвуют трое: Дима, Света, Господин Черный ворон. Действие происходит на маленьком

острове. Дима любит Свету, но она мертвая... Вот послушайте:

«На острове жили Дима и Света. Остров был маленький. Тихий и теплый. Потому что всегда было лето».

Света лежала ногами к зрительному залу. Вся вымазанная желтым порошком (мертвая), она безразлично водила пальцем по сцене.

«Света была мертвая. Каждое утро Дима чистил ее от песка или назойливых крабов. И говорил: «Любимая!»

И вот сейчас на остров прилетел Черный ворон. Он просит Диму:

— Уважаемый Дима! Продайте мне Свету. У вас будет много денег. И даже останется Лето!..

— Ты почему, Аркаша, валяешься? Что, ноги не держат? — Трупинский в бешенстве ухватил стальную проволоку, приделанную к Аркаше, и перекинул ее через блок так, чтобы можно было Аркашу подтягивать. Ворон, как чучело, повис между Димой и Светой.

— Ты, верно, Аркаша объелся сегодня! Но не думай, я не отступлюсь! Я приделаю к тебе столько проволоки, сколько надо для твоих действий на сцене, и даже для полета! У меня силы хватит! Слушайте дальше:

«Дима не соглашается продать Свету, и между ним и Вороном начинается драка».

— Деритесь!

Дима осторожно толкнул Ворона. Аркаша с неожиданной злобой ударил Диму крылом прямо по носу и сбил с ног.

— Сто-о-п! Ты что это, Дима?! Читаем пьесу:

«Дима почти побеждает, и только в последний момент (Слышите? В последний!) Аркаша наносит ему смертельный удар, но и сам падает в изнеможении».

— Это конец первого акта; потом начинается второй — Буриданов Осел, потому что Ворон начинает сомневаться: кого съесть первым... Но это потом... Драку сначала!

...фейерверк... Дима опять не заметил, как Ворон стукнул его по носу...

— Я не умею драться!

Трупинский взвыл:

— А я умею! Я умею приделывать стальные проволоки к бездарным актерам! Вы у меня запляшете! Флора, проволоки! Да чтоб на обоих хватило!

...равнодушно поливал изречения видных драматургов. В его струю попадали светлячки, и тогда он убивал их, бросая на железные страницы. Потухающие трупы составляли многоточия после каждой фразы...

Дима удивленно смотрел на голую Свету. Луна отражалась в ее прохладном животе; луна высветила эстетический ореол вокруг Светиноного пупка. Женская Светкина грудь указывала своими помятыми ворсинками на созвездие Скорпиона...

Скорпион сонно жалил вселенную. Капли его яда трагически летели в море.

Это были падающие звезды...

Это были падающие желания...

Глава 3.

— Мы поедем на фестиваль. Мы обязаны вырвать Золотой Приз!

Трупинский-младший

Репетиция второго акта.

Буриданов Осел.

На сцене два трупа: Дима и Света. Ворон устал. Он сидит посередине в размышлении.

— *Редко везет так, как сегодня!*

Целых два трупа:

Дима и Света.

Это подарок господний!

Но так я устал

И солнце так ярко...

Пожалуй что лучше немного вздремнуть

В предвкушении подарка...

Ворон храпит. Ветер шевелит его перья и делает английские проборы.

Ворон чихает и просыпается.

— *Боже мой! Кажется, я простыл*

Я болен, я голоден

Хотелось бы подкрепиться

Или бы надо чаю с вареньем

Или перцовочки...

Как хочется напиться! Потому что всю ночь был дождь; он тушил твои сигареты, а ты говорила, что это я плохо даю тебе прикурить... Как могла ты так говорить? Ты меня, видно, совсем не любила...

Света сделала из ладоней бинокль и посмотрела на Диму так, что он сделался маленький...

— *Если так:*

Света давненько померла

И потом она — Света!

Но какой же дурак начинает с десерта!

Отсюда

Следует простейший вывод —

Съем-ка я Диму!

Ворон принюхивается к Диме. Запах не нравится, Ворон с отвращением ворчит:

— *Что за ерунда!*

Этот Дима и не думал разлагаться

Может статься

И завтра такая же ситуация

Будь все проклято!..

Аркаша мучился запором. Это он сошел с ума, и ему примерещилось, что он объелся толченых ракушек.

— Вот сука! — кричал Аркаша. — Да ну жо, ы-ы-ы!

Он всплакнул. Ракушки с фантастическим упорством не покидали прямую кишку. Аркаша пытался помочь пальцем, но произошло несчастье: кишечник схватил палец и стал засасывать внутрь.

— Отдай! Отдай! — вопил Аркаша.

— На-а!! — гаркнуло что-то на весь остров...

— *Придется отведать...*

Но как я продрог

и нету сил оторвать ни кусочка

Быть может, до завтра?

Пригреет солнышко —

Все будет мягкое...

Наступила холодная ночь, а потом утро. Ворон снова засомневался:

— *Какая жара!
Пожалуй, что Дима стал интересней.
Что может быть прелестней...
Правда, вот нет
Сил, чтоб доползти до Димы.
Но ради такого наслаждения
Я поползу...*

...развевал его волосы... Если взять павлина, облить соляркой и поджечь — точно выйдет башка Трупинского. Волосы трещали от электричества. Было ясно, что прикоснуться к ним нельзя: убьет! Трупинский подставил рожу водяной струе. Однако же он с явной насмешкой посмотрел на своего железного братца:

— Скоро... мы посмотрим, чего все это стоит!..

Вдруг он прищурился и спросил:

— А потом? Или коль скоро мы получим Золотой Приз, дети получают его нескоро?

А из черного воздуха совсем запросто вышла Света. Она молча уселась на корточке перед Трупинским.

Дима даже не удивился, когда она, словно виноватая, поцеловала руку своего божества...

— *Проклятье!
Совсем позабыто,
Что я проклянул Диме голову
Все
Жидкости вытекли!
Он весь иссох...
Нечего есть... какая сволочь
Посоветовала мне ползти к Диме...*

Ворон заплакал. У него выпали все перья. Отвратительно голый и худой, он пытался ползти к Свете. Все бесполезно. Ворон бьется в предсмертной агонии.

— *Где человечность?
Где логика? Все
Ложь и коварство!
Спасите! На помощь!
Я задыхаюсь...
Ужасным сомнением давит и гложет
И губит мне грудь...*

*Все...
Мне не страшно
Ни Димы... ни Светы...
Ни теплоты,
Ни хотя бы полтрупика
Кар-р-р, не вернусь!*

— Шампанского!

Трупинский швырнул бокал о голову Флоры...

Ах! Радостная минутка:

Дима вспомнил, как хорошо было у ЦУМа. Там по-настоящему хорошо! Иноземцы продают цветы. Запах цветов летит к витринам, и манекены тянутся к нему сквозь стекло. Внутри ЦУМа прохладно. Красивые продавщицы. А напротив — сквер. Дима сидит на лавочке и пьет бархатное пиво. А солнце... Оно пересчитывает грани пивной кружки — это единственно приятная математика... Неужели мы поедем на Фестиваль?

...шваркнул бокал о голову Флоры.

— Друзья! Настал долгожданный и памятный для нас день. Я с удовольствием сообщаю вам, что сегодня же мы отправляемся на Фестиваль. Нет слов, чтобы выразить мою признательность и благодарность всем тем, кто на благо Искусства отдал совершенно все свои силы и разум. Да здравствует искусство! Ура!

— Смотри-ка, летит! — Базилио прищурил свои антиворобьиные глаза...

Летели две телефонные будки.

В одной поместился Трупинский, Света и стальная проволока.

В другой — Дима, Ворон и декорации.

Флора, как всегда, перемещалась каким-то своим непонятным способом.

Ура!

Глава 4.

Город. Вечер. Квартира Вани (он когда-то пьянствовал с Димой). Ваня щелкал зажигалкой. Он хотел зажечь плитку. Плитка не зажигалась. Наверное, зажигалка испортилась. Ваня открыл шкафчик над умывальником и достал оттуда отвертку. Он развинтил за-

жигалку и посмотрел — отчего она не работает? Ваня поставил новый кремь и пошел к плите. Тут он вспомнил, что не собрал зажигалку. К несчастью, он забыл, что ее разбирали.

Ваня опечалился и сел на табуретку. По стене полз таракан. Ване захотелось его убить.

Жена Вани мыла пол. В комнате плакал сын Вани. Он так плакал, потому что хотел есть или у него снова опрело за ушками. Жену Вани звали Катя.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Ваня (он вспомнил, что сегодня еще ни разу не смеялся).

Его смех напомнил Кате, что у нее в 1978 году будет день рождения, и она тоже рассмеялась:

— Ха-ха-ха!

Ваня подумал, что это он ее развеселил, и засмеялся от радости:

— Ха-ха-ха!

Жена решила поддержать Ваню:

— Ха!

Ваня обрадовался, что Катя поддержала его, вышел из кухни, подошел к Кате, заглянул ей в лицо и засмеялся:

— Ха-ха-ха!

Ребенок тоже захотел посмеяться, растянул рожу, но у него очень зачесалось за ушками, и он заплакал...

Тяжело дышал... он задыхался... Все вышло совершенно случайно; не так, как было задумано... Первая телефонная будка приземлилась удачно — прямо возле гостиницы. А вот вторая, где летели Черный ворон и Дима, врезалась в дом на улице Жабова.

Ворон-то спланировал! А Дима перелетел от удара через крышу и шлепнулся в какой-то газон...

Первым спохватился Трупинский:

— Измена! Великое дело в опасности!

— А ты где был? Вот тебе! Вот, вот, вот! —

Трупинский как следует отколотил Аркашу.

Флора все поняла. Ей не надо было приказывать. Она учуяла след и бросилась в погоню...

Дима удрал!

А куда он удрал и куда он бежит?

К Ване. Потому что Ваня — его лучший друг.

Ваня шарил в холодильнике. Он искал водки, выпил рюмку и стал смотреть в окно.

Там был город. Вечер. Кошки только просыпались. Уставшие от дождя водосточные трубы замерзли, как исполинские пиявки на теле домов. Птицы проклинали свою голодную свободу. Один воробей обнаружил себя (проклятый Базилио!) без хвоста. Он приделал фантик от конфеты «Кис-кис».

Пиявки с цинковой невозмутимостью смотрели на его кондитерский полет... Ваня прослезился. Ему стало жаль Кати. Он открыл дверь в ванную и нежно позвал жену. Катя оторвалась от стирки и повернула к Ване свое потное и злое лицо.

Ваня отшатнулся. Он опять пошел на кухню, выпил водки, сел на табуретку и опять начал смотреть в окно...

Просыпались кошки. Удивленный Базилио обнаружил себя в постели уборщицы — Муськи. У нее, пожалуй, и опохмелиться-то нечем!

Он с сожалением вспомнил свой холодильник, где еще с прошлого Фестиваля хранилась бутылочка валерианки. Конечно, все кошки бредят несравненным Базилио! А как он поет! Особенно котировалось его потрясающее танго из фильма ужасов «Собачья пасть»...

...постирала все белье, посмотрела на себя в зеркало, улыбнулась печально и подумала:

— Наверное, Ваня сидит сейчас на кухне и смотрит в окно. А я зайду так тихонько, обниму и поцелую...

Катя пошла на кухню. Ваня сидел и смотрел в окно. Катя хотела поцеловать Ваню, но он грубо оттолкнул ее и опять стал смотреть в окно.

Катя заплакала.

Наконец-то они обнялись! Так хотелось прошлого, хорошего! Да что там, хотелось в ресторан!

— А что, и пойдем! — воскликнул Ваня.

— И пойдем! — вскрикнула Катя.

— Возьмем и пойдем! — подзадоривал Ваня.

— И деньги пропьем! — кричала Катя.
И так они раскричались, что ребенок тоже закричал. Тс-сс-с!
— Нельзя! — прошептала Катя и показала на сыночка.
— Завтра ходим! — прошептал Ваня. Он знал, что теща дала Кате на Пасху самогону, а то бы, может, он и пошел в ресторан.
— Только уж если, Катя, сегодня у нас так по-человечески, давай-ка выпьем самогону!
— Давай! — обрадовалась Катя.
Как она обрадовалась! Как она обра... Проклятье! И надо же было кому-то, совершенно некстати, именно в эту радостную минуту, позвонить в их квартиру!
— Твою мать! — заорал Ваня. — Кого это принесло?
— Дзи-и-инь! — Дима позвонил еще раз.
— Что за наглость! И бывают же такие люди! Видят, что им не открывают, так нет, надо специально звонить и звонить... Я уверен, что это кто-нибудь из твоей родни! Они все у тебя там такие!
— Дзи-и-инь!
— Нет, я точно сейчас... Ну кто это может быть?
— А ты, Ваня, не открывай!
— Тс-сс!.. не откроем!..
— Не откроем!..
И они не открыли...

Шел дождь. Дима стоял в подъезде и громко кашлял. От этого из одной двери выскочил неврастеник. Он разорался, что ему мешают работать (он топил в ванной котят) и пригрозил вызвать полицию...

...холодно так было... На улице Кабова потух фонарь: старая лампочка треснула от одиночества.

Уже нельзя было различить афиши, что приглашали на творческий вечер поэта Вани. Все знают его знаменитое стихотворение «Слепой, среди помоев я прежде» и поэму «Дети папы Карло».

На газоне умирала старая кошка.

От старости сморщились мозги — там сделалось много извилин; она умирала, упиваясь гениальностью. Она монотонно твердила:

— ...весна, тишина... весна, тишина...

Базилио закрыл ей глаза.

— Вот... Так вот... Лучшие кошки уходят от нас...

Дима сидел на лавочке в сквере. Хотелось есть. Сквер-то сквер, а воздух был совсем не свежий: что-то горело.

Разочарованный художник сжигал свои картины. Он больше не станет рисовать. Его пригласили работать грузчиком в рыбный магазин.

Художник вялил свои картины. Они беспомощно хлопали жабрами и трещали обуглившейся чешуей.

Ужасное утро!

По аллее совершенно спокойно шли два полицейских. Они уставились на Диму. Они стояли возле скамейки и курили.

Дима заплакал:

— Ну что же? Я арестован?

Полицейские перемигнулись и ничего не отвечали. Так же тихо и спокойно позади лавочки сидела Флора.

Художник вялил свою рыбу...

Подъехал автомобиль.

Из автомобиля вышел Трупинский.

Глава 5.

Фестиваль.

Театр Ляхова. Фойе.

— Я всегда говорила, что искусство — это красота, это...

— Какая? Какая красота? Я трубочист, я часто видел красивое оттуда, с крыши... где ветер...

— Где воздушные отпечатки старых листьев, и мертвенного дыма, и осени... Я так и думала!

— И я плакал...; я понимаю толк в трубах, но я...

Трубочиста дернули за руку:

— В трубах? Господа! — оратор зарыдал; он упал на плечо трубочиста.

— Вот для кого... Вот... Я завтра же нарисую вам отличную трубу! Позвольте вас расцеловать!

...сидел в оркестровой. Невроз дал ему жару — от жару вспотело все лицо.

Трупинский обмахивался веером; все его рыло сделалось в пуху...

— Искусство — это когда вот этак поднатужишься, подпружишься; вот-вот лопнет, вот-вот...

— Дайте ему туалетной бумаги!

— А я была вчера в баллоне, так все плакала! И так я плакала... И домой пришла вся заплаканная; легла спать и снова всплакнула...

— Ха-ха! Потому что лисюпристы пользуются красками на чесноке!

— Пошляк!

— Верую! Верую!

Началась потасовка.

Трах! Бах! Изодранная дама накинула бюстгальтер на головы двух снобов, застегнула, дала пинка — кувыркайтесь! Женские оплеухи перепутались в мужских рылах.

Хр-рясь! — съездили по зубам литературному критику. Он бросился в туалет с воплями: «Обнаружено! Обнаружено!»

— Что?! Кусаться! — Базилио вцепился в чью-то рожу.

— Полундр-ра!!

Один испанец натравил быка. Испанский бык рванулся к филологам, но не тут-то было! Навстречу ему выскочила Глокая Куздра и уж так его будланула, что и карамбы не осталось!

...перебирал стальные проволочки. Он проверил, насколько покорны ему Черный Ворон и Дима. Дима послушно двигал руками и ногами в зависимости от того, какую проволоку дергал Трупинский. Ворон угрюмо чистил перья, странно поглядывая на Свету. До начала оставалось две минуты...

— Господа! Третий звонок!..

Бархат занавеса полетел влево и вправо. Трупинский, как дирижер, как паук, взмахнул руками — Дима жалобно запричитал:

— На острове жили Дима и Света.

Дима видел мокрое лицо Трупинского, и там, позади его лица, полный зал дерущейся публики. Одно лишь авторитетное жюри не дралось — оно ограничивалось легким шипением и тычками...

— Остров был маленький. Тихий и теплый. Потому что всегда было лето...

Драка продолжалась.

Молоденький талант скрутил фигу, показывая ее всем по очереди, выкрикивая:

— Опа! Оп-па!

Ему дали в глаз. Он перестал кричать «Опа!», да если бы он и продолжал кричать, все равно бы его не услышали, потому что громче всех на этот раз кричал Дима.

Дима кричал от ужаса.

Трупинского парализовало: совсем не по сценарию и совсем незаметно появился Черный Ворон. Трупинский пытался остановить его, но проволока лишь визжала, а Ворон с тупой устремленностью приближался к Диме и Свете; вернее, прямо к Свете.

Он бормотал что-то про соусы и приправы, страшно тряс головой... не ел я... месяц не кушал... все быстрее и быстрее приближался он к Свете своими грязными ногами...

— Назад! Назад-ад. Сволочь! — орал Трупинский. Он из последних сил ухватился за проволоку и почти уже готов был зарыдать.

— Флора! Флора! Помоги-и!! — из его глаз брызнули слезы.

Флора в бешенстве металась вокруг театра. Испуганные пожарники отгоняли ее баграми и палками. Ну что же она могла поделать!?

Аркаша страшно каркнул, взмахнул огромными крыльями и бросился на Свету. Та заорала: он вцепился ей в горло. Публика вопила:

— Bravo! Bravo! Bravo!!!

Член жюри Матвей обернулся к Шлаковой и восторженно прошептал:

— Какая дрессура!

— Кому же достался Золотой Приз?

— Не знаю. Во всяком случае, не трупинцам. Но они получили приз зрителей!

— Кто — «они»?

— Ну, Черный Ворон, Света... Правда, Ворон долго не мог отъесться. Еще он трижды ходил в больницу к Свете, даже с цветами!

— А что Дима?

— Исчез... Его никто не видел после спектакля.

— А Трупинский?

— А что с ним делается?..

Лето 1977 — Лето 1978

Лето

Сказка, ее рассказал Бродяга

Первое

«Посетителям больницы №13 категорически воспрещается:

А) приходить в больницу до времени, не указанного расписанием

Б) находиться в палатах без спецодежды (халатов)

В) приносить алкогольные напитки, продукты, не соответствующие диете и т.д.

Г) особенно категорически воспрещается приносить цветы».

Пункт «Г» поразил Диму. Как ни был он болен, и все-таки сразу спросил у санитаров:

— Почему цветы? Зима же ведь, и так понятно, если принесут розы, или фиалки... А?..

Санитары испуганно переглянулись, зашикали, заморгали и замахали руками.

— Что ты! Что ты! Услышал бы Главный Врач — враз бы выгнал, и лечить бы не стал. Что ты!

— Да температура у него! — прорычала неопрятная, жирная медсестра.

— В бокс его!

И Диму тотчас поместили в бокс. Собственно, бокс представлял собой угол в коридоре. Этот угол был отгорожен ширмой, а она как раз вся была сплошь цветастая. Тут и розы, и фиалки... Тут и дыра — в дыре Дима увидел женское лицо. Оно посмотрело на Диму весьма участливо и пропало.

Дима стал болеть. Хотелось плакать, потому что никто не приходил и ничего не приносил. Пахло спиртом, таблетками и жареной картошкой. Из дальнего конца раздавались ужасные вопли, и, вроде, что-то отпиливали.

Одному принесли мандарины — тот обрадовался и начал их есть. Он ел их вместе с кожурой. У Димы потекли слюны, да на-

прасно: тот был жадный, а Диме не принесли, потому что он сирота...

Напрасно! Напрасно Дима так думает! Помните, он тогда... он сквозь ширму увидел женское лицо? И оно на Диму смотрело весьма участливо? Так вот, это была девушка, конечно, очень красивая, вот больная...

Ее звали Света... она любит цветы, а Дима не знал, что она совсем при смерти, но все равно ходит к этой ширме, чтобы посмотреть на фиалки и розы...

— У тебя хорошая болезнь, и ты будешь долго жить... Ты не обращай внимания на уколы.

На живот!

— Зачем на живот? Я хочу мандаринку!

— На живот! — приказала еще раз жирная медсестра. Диме показалось, что это вовсе даже мужик, до того были толсты и корявы ее руки. Там сверкал потрясающий шприц. Из его буратиного носа капало черное, как мазут; оно пугающе воняло... она ухватила Диму за трусы... от ее когтей остались царапины... он в ужасе прикрыл зад ладонями...

— Тсс-с... Тише, тише, мальчик! Ты что, без премии меня хочешь оставить?

Она сунула ему за щеку кусок сахара.

— На вот! На... На...

Ее жирный кулак тыкал Диму в затылок...

— Ты не обращай внимания на уколы. У тебя такое хорошее место! У тебя такая чудесная ширма! Наверное, ее сделали летом...

Дима вытянул к девушке лицо, а что говорить, не знал. А что-то надо было... А девушка медленно моргала глазами, и она прислонилась лицом к ширме, словно хотела унести на щеках отпечаток фиалок и роз. Нет, ей было просто трудно стоять...

— Я принесла тебе мандарин! — ее рука пролезла в дыру. Да... Конечно... Дима

схватил Девушкину ладонь и начал есть с руки, как дрессированный зверь. Она трогала пальцами его подбородок.

— У-у-ах-х!! А-а-а-а!! — раздался страшный вопль из палаты смертников. Умиравший уставился на живых и зарыдал от злобы. Глаза его были уже стеклянные, а слезы живые... Света зажмурилась, как если бы ей ткнули в шею иголкой... лето... лето... я проклинал пробуждение: оно как профессиональный убийца появлялось из-за угла под руку с не тем солнцем... я помню тебя...

Все теплое, тихое...

Все забыто-прекрасное...

Все запах помады возлюбленной школьницы... сонная оранжерея... сад... сад...

Света зажмурилась, как если бы ей ткнули в шею иголкой...

Наверное, это началось, когда Дима ходил на кварц. По ошибке он залетел не в ту кабину, а там лежала девушка, и глаза ее были закрыты черным. Лучи кварца ползали по ее худому телу. Вся она была неестественно живая, и Дима с удовольствием смотрел на это. Это была она...

Или же тогда, помните, у пивной! Она стояла с трехлитровой банкой в очереди среди алкоголиков... Ей стыдно... Ее отец тоже алкоголик... Он бил ее мать. Но так ведь нельзя! Нет, нет... Это была не Света...

Она просто сидела напротив в электричке. Окно открыто. Ветер забросил шальную бабочку в Светины волосы. Света смеется и освобождает пленницу, а потом эту бабочку поймал натуралист и долго удивлялся, что от насекомого пахнет девчонкой...

*На острове жили Дима и Света
Остров был маленький
Тихий и теплый
Потому что всегда было лето...*

Лета не было. Наступил май, а улица вся была в снегу. В палатах усиленно брызгали хвойным экстрактом, как приказал главврач (сам он ходил в костюме Деда Мороза), от этого возвращался Новый год.

Везде повесили объявления «У нас не пьют» и «К нам цветы не приносят».

Дима же извернулся. Он понастряпал бумажных фиалок и тайком от персонала пробирался к Свете. Было много радости... Только вот стала она совсем сухой, и все вздыхала, что если бы достать живых цветов, то стало бы лучше. А Дима и так это видел. Но больница строго охранялась, да еще главврач приказал обыскивать посетителей.

Даже на водку смотрели сквозь пальцы, но чтоб живые цветы...

Знаешь, Дима! Я помню лето. Оно ведь прекрасное, правда? Мне кажется, что мы уже там были... И вроде, на поляне мы играли знаешь во что? В теннис! И ты был в костюмчике цвета индиго. Неподалеку был дом. Оттуда пахло вареной курицей — это готовила моя мама. А еще мы с ней садились вечером на диван. Работал телевизор — просто так, чтобы уютно... Ты курил вкусные папиросы...

...как смеется любимая...

...как смотрит любимая...

...как в темный подъезд сквозь нее летит солнце, когда она открывает дверь...

— Вот, пожалуйста! Я взял сок незабудок, яблоч, все это размешал в шампанском и получилось великолепно!

— Дай-ка я пивну!

— Что ты, это же краски! Я ими буду писать твой портрет!

— Зачем?

— Для красоты. Ты очень красивая!

— Да, красивая, — сказал Бродяга. Он подошел к Диме и Свете. В руках у Бродяги было крылышко стрекозы. И бокал шампанского. Он угостил и Диму, и Свету, и они все троим пошли на Весеннюю Поляну.

Там было много людей. Они показывали друг другу картины. Одни картины люди хвалили, а другие ругали.

— Эта картина мне нравится! Вот на ней женщина, а вокруг летают какие-то, и у них в руках звезды. Правда, красиво, а?

— Как уродливо! — думал Главный Врач. (Он едва опомнился после того, как летел по воздуху и еле выплюнул изо рта лепестки. Один лепесток так и остался под языком.

Лепесток был вкусным и таял, словно бы леденец, и Главный Врач не выплевывал его.)

— А я нарисовал алкоголиков. Они в луже. Посмотрите, как я хорошо нарисовал лужу, и калоши я хорошо нарисовал!

— Верно, верно! Твои калоши голубые и холодные; будто мороженые сливы, а вот пьяниц ты изобразил плохо, потому что у них не такие глаза; у них глаза, как у кроликов!

— Кто это тебе сказал?

— Мой новый друг. Его зовут Александр, и он появился у нас в 1921 году.

...моя картина пахнет ромашками. Посмотрите на мои ромашки... Если на них гадать, то всегда получится «любит»...

Лета не было. Потом ночью кто-то спокойно и страшно позвал Диму. Забегал персонал, а Дима схватился за сердце и все боялся встать.

И он понял: на нем вместо одеяла был халат Светы, и, вроде, в крови...

— Нет! — закричал Дима...

— Не-ет! — закричал Дима...

Он плясал и плакал на месте и ничего не делал... Света... Страшной ли, мертвой ли, ты всегда в стране весны... и там куча не мертвых цветов... и там ничего не отнимут... и там целая оранжерея... сад... сад...

*На острове жили Дима и Света
Остров был маленький
Тихий и теплый
Потому что всегда было лето...*

Только теперь Дима понял, что если хоть завтра не достанет живых цветов — Света совсем умрет.

Ему необходимо удрать и достать живых цветов!

Второе

Вся больница №13 шумела и кричала, будто началась война. Посередине коридора между объявлениями «У нас не пьют» и «К нам цветы не приносят» приклеили еще одно:

«Молния! Молния! Больной Дима совершил злокачественный побег! Кроме того, больной напрочь ободрал нашего рентгенолога Васю (украден штаны). Всем, кто может предположить местонахождение злодея, просьба и даже приказ тотчас сообщить администрации!»

А Дима действительно удрал. Теперь он прятался за углом аптеки на улице Жабова и внимательно присматривался к витрине магазина напротив.

Тот магазин весь сверкал и кривлялся, а более всего вывеской «Цветы». Немаловажным украшением его был и полицейский, что расхаживал вдоль витрины.

Дело табак...

И еще хуже: неожиданно и гадко Дима почувствовал какое-то прикосновение к своему исколотому заду. Это бугай вдвое больше полицейского тыкал коленом в Димин зад.

Маньяк!.. Теперь уж точно хана...

Бугай, не проявляя особой агрессии, взял Диму за шиворот и поволол в подворотню.

— Что, пацан, от Кровавого?

— Какого Кровавого?!

— Не шали! Захотели все цветочки заграбастать! На ювелирном накололи, дак теперь и тут хотите парис отгрызть? Не-е... Придется в долю!

Дима перепугался. Походило на то, что его приняли за члена конкурирующей банды.

И походило на то, что его могут даже резать. А что делать?

Коли рядом был бы Бродяга, он наверняка посоветовал бы что-нибудь. Ну, например, можно прикинуться и в действительности членом конкурирующей банды. Всплакнуть, перепугаться, наврать...

Иначе ни цветов, ни вообще ничего...

Решено — вперед! Вскоре собралась вся шайка. Главарем ее оказался тощий мелкий старикашка с огромным наганом в полевой сумке.

Ребята сунулись в одну из квартир, чьи окна выходили на «Цветы».

— Итак! Глист и Кислый Бэдо заходят с левой стороны, только держатся ближе к садику. Шпала и Альфред — к черному ходу; остальные со мной. Как только щенок подойдет к фараону — сигнал!

Щенком главарь назвал Диму. А задача была такая: подойти к полицейскому с печальной рожей и заявить, что меня, мол, обокрали и стоят в подворотне, вещички примеряют.

Предстояло идти нагишом.

Дали выпить. Печально было снимать штаны, так удачно украденные у рентгенолога Васи.

Бандиты стеной (все в черных плащах) окружили голого Диму, и он стоял среди них, как больная, одинокая креветка, брошенная на дно чугунного котла...

*Раз, два, три, четыре, пять.
Вышла банда погулять.*

Дима чуть не отморозил ухо, когда стоял в подворотне и ждал условного пинка под зад. От слабости он прислонился лицом к стене. Ухо решило, что нет никакой разницы, где торчать — на этой стене или на голове Димы. Ухо примерзло к стене.

Из чувства жалости Кислый Бэдо (он следил за Димой) помочился направленной струей на злосчастное ухо.

Дима с благодарностью обернул к Бэдо свою улыбку, и как раз тут получил пинок поразительной точности и силы.

Он вылетел прямо к Фараону.

— Дяденька! Родной! Меня обокрали... Там вон... Вон там... Примеряют!

Полицейский недоверчиво окинул голову пацана злым взглядом. Дима приплясывал перед ним. Его жалкие па подтверждали ограбление.

— Меня обокрали! Да! Да! Спасите!

Полицейский медленно направился к служебному телефону.

Как только он поднял трубку, на его темечко упал рюкзак с кирпичами, брошенный с крыши меткой рукой Кислого Бэдо. Вот последние слова честного фараона:

— Алло! А...

Из подворотни на бешеной скорости вылетел грузовик и прямо въехал в магазин «Цветы». Дима ничего не понимал. Такого в планах не было. Началась стрельба.

Кровавый (а это появился Кровавый) палил из четырех револьверов, продвигаясь

вдоль прилавков. Его ребята хватали букеты цветов и швыряли в кузов автомобиля.

Главарь прежней шайки беспомощно метался в этой заварухе. Он орал:

— Кончай стрельбу! Кровавый! Грузи все, а там поделим! Слышишь, Крова...

Его убили. Стало страшно.

Со всех сторон поналетели фараоны. Что тут было! Взорвалась бомба, да так здорово, что Диму забросило в кузов грузовика.

...машина летела со страшным визгом. Кровавый был ранен, почти убит, но как-то еще управлял. В кузове среди цветов кувыркался Дима.

Полиция давно отстала. Город пропал и превратился в лес, а машина ползла по какому-то болоту, и вскоре почти на брюхе влезла в небольшую и крайне заросшую пещеру.

Дима вывалился из кузова на песчаный пол.

Его примеру последовал труп Кровавого.

Была ночь. Болото замерзло и уж не было таким трясиным и страшным.

А коряги! Они, модницы, нацепили ожерелья из гнилушек да еще припудрились снежком — вот и красиво! Кривляются в свете луны...

Гермафродит — луна (она слишком была влюблена в месяц — вот Сильный и сделал из них нечто унитарное), словно продавщица лотерейных билетов, навязала всем свою продукцию + серебро, печаль, тайна, серебро...

Впрочем, Дима ничего этого не видит.

Он как вывалился из кузова, так и не встает. Он лежит на песочке и спит.

Последнее

Это было похоже на утро. Это могло быть и вечером, но по своему содержанию это было утро.

Дима открыл глаза и ужаснулся: грузовика не было. Кровавого тоже, а вся пещера заросла цветами, светилась и благоухала. И потом это была уже не пещера, а что-то совсем другое — вроде тоннеля, и он в своем конце ужасно светился.

У Димы тряслись ноги. Он испуганно направился туда, где светился тоннель.

Это был выход на чудесную бесконечную поляну. Она, вся покрытая травой и всевозможными узорами из фиалок и роз, служила игровой площадкой для двух теннисистов.

Позади корта виднелся великолепный дом дачного типа. Оттуда вкусно пахло бульоном — видно, игроков кто-то ждал к обеду.

А вокруг, и даже несомненно, было Лето! Да, да! Лето! С его лелеющим воздухом, ветром, солнцем! Бабочки там летали...

Мяч изящно вояжировал от одного игрока к другому. Одним из игроков была красивая девушка.

Диме показалось... Нет, точно! Он вынул глаза: это была Света. Такой красивой он ее не мог бы представить.

Дима робко шагнул к ней — и ему снова пришлось пучить глаза: вторым игроком был Главный Врач больницы №13. Точно он! Только не такой злой, как на обходах, и в костюмчике цвета индиго.

Света сама увидела Диму. Незамеченный мяч упал возле ее левой ноги. Естественно, Главный тоже уставился, но в его взгляде не было удивления, а что, мол, за назойливость? Кто такой?

— Кто вы такой?

Дима бормотал нечто вроде «да я», «да вот»... Ах! Да ведь я голый! И грязный! Конечно, меня не узнать! Дима виновато прикрылся руками.

— Света! Ты выздоровела! Загорела! Красавица! Я так рад за тебя!

Главный Врач громко захохотал. Он ловко перепрыгнул через сетку, обнял Свету и показывал на Диму пальцем.

Света слегка отстранилась. Она непонимающе улыбнулась Диме.

— Видите ли... Я вас не знаю. Потом, я никогда не болела! Разве что в детстве, и то, кажется, ветрянкой...

— А посмотри, какой он грязный! — орал Главный. — А рожка! Рожка! А-ха-ха!!

Дима дрожал. Солнце не грело его. Он не ощущал запаха цветов. Он судорожно и как можно более прилично сдирал с себя гнилые листья одной рукой, и все равно зарыдал, как маленький, и смотрел жалобно в лица обоим: кто пожалеет?

— Было... было же ведь... и мы мечтали о Лете... и я нашел для тебя цветы... я нашел их для тебя...

Из великолепного дома сквозь запах вареной курицы раздался крик: «Идите обе-дать!»

— Это было! — заорал Дима...

Главный Врач крепко обнял Свету и угрожающе сказал:

— Вот что, парень. Если тебе нужны цветы, бери сколько угодно, а потом дуй отсюда, чтоб я тебя не видел!

Они подняли мяч и пошли к дому. Они пошли... Света через плечо Главного оглянулась на Диму, как оглядываются на собаку, раздавленную автобусом...

— Нет... нет... — шептал Дима, все пятясь и пятясь спиной, все не отрывая взгляда от уходящих...

И так он все пятился и на кого-то наткнулся. Дима вскрикнул и обернулся, как юла. Перед ним стоял Бродяга. Он устало вытирал пот со лба — видно, спешил и боялся опоздать.

— Что это? Что же это? — кричал Дима и тряс Бродягу за плечи.

— Успокойся. Я тебя люблю, ты же знаешь. И я не опоздал...

Бродяга достал часы и маленький колокольчик. Секундная стрелка добежала до нужного места.

Бродяга печально улыбнулся.

— Закрой глаза. Я сейчас позвоню, а ты закрой глаза...

... лето... лето...

Все теплое, тихое...

Все забыто-прекрасное...

Все запах помады возлюбленной школьницы... как смеется любимая...

...как смотрит любимая...

*...почему ее взгляд поцеловать нельзя, хотя
глаза ее можно целовать бесконечно...
...как она не умеет вести себя в ресторане...
...как становится грустной при виде
голодных птиц...
О чем вы кричите, журавли?
Или я, парализованный журавлиной осенью,
поверил в смерть?*

Из морга ушли все живые люди.

Дима лежал на каменном, в форме неглубокого корыта, столе. Капельки формалина таяли на его мертвом лице. Он открыл глаза. Левой рукой потрогал совершенно пустой живот и грудную клетку. Не было даже сердца.

В голове было пусто. Наверное, там не было мозгов. Впрочем, отсутствие некоторых органов нисколько не сказывалось на самочувствии мертвецов.

Их было немного в морге. Все потихоньку начали шевелиться.

Здесь была молодая супружеская чета со своим первенцем. Они все задохнулись от газа. Мать кормила ребенка грудью. Ему, верно, не нравился привкус формалина, и он морщил свое зеленое лицо. Молодой отец, инженер по профессии, прикидывал оригинальную конструкцию семейного гроба.

— Вот возьму и убегу! — говорила зарезанная продавщица из магазина «Рассвет». Тогда ее сосед по столу, пожилой алкоголик, осуждающе смотрел на нее, и она снова принималась за свою парфюмерию. Она ужасно нарисовала ресницы, а теперь гримировала трупные пятна под родинки.

Дима поднял правую руку. В ней расцвела роза. Дима улыбнулся.

— Милая! Так любил я тебя, что даже теперь сохранил цветок!

Он посмотрел направо. Он совсем не зря посмотрел туда: на соседнем столе лежала Света.

Дима подумал, что если все мертвые шевелятся, то вряд ли он исключение.

И он действительно встал, подошел к Свете, потрогал ее рукой — он потрогал ее с прежним чувством восхищения. Тогда он положил ей на грудь цветок.

И Света открыла глаза.

Все мертвые тепло и участливо смотрели на них. Алкоголик решил выпить с Димой полпузырька спирта, что он стянул у студентов. Молодой отец прикидывал для них гроб, а продавщица из магазина «Рассвет» пришла к выводу, что стоит поделиться со Светой косметикой (правда, помаду выбрала дешевле).

Все было именно так. И они взяли друг друга за руки, как тогда, в больнице, в начале любви.

Мертвецы удивленными ангелами разместились вокруг них. Они с большим наслаждением открывали для них то, чего в жизни не было у них совсем, или было отчасти. Они догадались о чем-то и ждали...

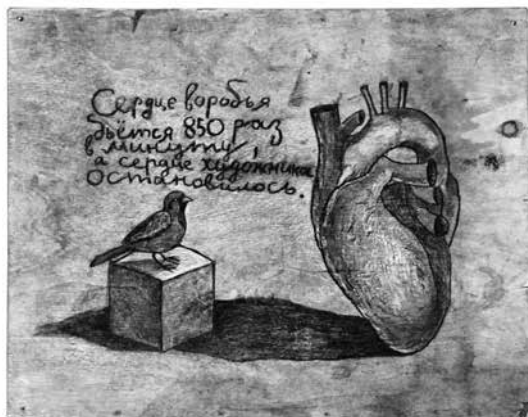
И то ли цветок сделался мертвым, то ли мертвые совершенно иными — но все они, по-неземному заплаканные, светились кристаллами формалина... Ах, нет! Это на окне морга, во весь изящный рост, в совершенно сумасшедшей (облокотившись на форточку) позе стояло и улыбалось

Лето!

Август 1978

Валерия Якушина

Весть из всех судов

Часть первая: курьер

10 ноября 2016

Мой первый рабочий день в должности курьера Федеральной почтовой службы несколько часов назад был завершен. Из неприятного только то, что я не успела пообещать и стоял не соответствующий ноябрю морозец. В самом начале рабочего дня появилось бешенство на наш город: автобусы вечность стоят в пробках, а мы платим за эту вечность немереную сумму — 20 рублей! Хотя, конечно, вечность стоит дороже. И взбесила политика градостроения Перми:

улица Малкова до безумия хаотично застроена за последние годы — дом 28/1 в одном конце улицы, а 28-ой в середине, еще и скрытый заборами-лабиринтами. Будто эти дома, опьянев от мороза, шатаясь, скачут из одного места в другое. Возможно, за ночь на Малкова все снова поменяется.

Пообщалась с вахтерами и алкоголиками с улицы Академика Вавилова, помогавшими найти квартиру нужного мне адресата. Удивительно сейчас живут люди: некоторые адресаты прописаны у своих бывших жен, при этом их никто уже давно не видел, часть пребывает в бессрочных командировках, а одного и вовсе не знали квартиранты, проживающие в его квартире. В конце дня

на предпоследнем письме меня даже пригласили зайти в квартиру и присесть на табурет, пока распишутся в уведомлении о получении письма. Пригласила девушка моего возраста, довольно милая. Получала она письма по доверенности за своего супруга, а супруг при этом был в квартире и годился ей в отцы. Весь день по дворам, которым шла я, шли такие же курьеры, расклейщики объявлений, уборщицы подъездов, вахтеры, дворники и прочие, молодые и старые, бодро шагающие и еле ползущие, цветущие и затухающие — все те, кого сейчас принято брать на должность «без опыта работы». Правда, удивительно сейчас живут люди!

P.S. Апогеем стало общежитие на Малкова, где жильцы последних по коридору комнат придумали устроить что-то вроде беседки, огороженной от остальных жильцов решеткой от пола до потолка, в этом же общем коридоре. Кстати, жилец одной из этих комнат, в бархатном халате с тесьмой, не знал номера своего жилища.

13 ноября 2016

Второй день в роли курьера окончен. А я все-таки устала! Устала конски, как устают рабочие люди. Это логично, потому что в России курьеров причисляют к рабочему классу. Домой еле шла. Хватило сил закурить сигарету и держать ее во рту, как настоящий работяга. Мне кажется, что меня качало из стороны в сторону, словно тощее дерево на ветру. Но шла я с чистой совестью и чувством выполненного долга. У 37 россиян испорчен пятничный вечер: всем этим людям я засунула в ящик письма либо уведомления от приставов. Сегодня была исключительно корреспонденция от приставов. При этом, конечно, пара граждан, как положено в современной действительности, находится в пространстве «х.. знает кто и где». Соседи про одних таких жильцов сказали, что они есть, выходят, вроде бы, из дома, но этот момент трудно застать, и они никому не открывают двери. При этом дверь у этих таинственных людей была

вполне себе приличная и крепкая. В одной из пятиэтажек по улице Рабочей, постучавшись в дверь, услышав шаги, я сообщила, что это почта, а в ответ раздался оглушительный вопль: «Мы заперты!», если судить по голосу, то это был голос бабки. Ну, я не стала выяснять подробности и спустилась к почтовым ящикам, чтобы написать извещение. Пока спускалась вниз, бабка все еще продолжала орать что-то невнятное. Побывала в квартире мужчины с бородой, у которого были обложка паспорта и футболка с надписями «Я — русский!». Я — русская, и поэтому я с дипломом культуролога работаю почтальоном. Я — русская, и поэтому я — неведомая дурачина! Еще сегодня я успела побывать в общежитии на Рабочей улице, где не существует комнат, в которых живут адресаты — это последствия лихого передела комнат общежитий под квартиры десятилетней давности или когда там стали скупать общаги. Думаю, что не в 90-е, так как в это время общежития превратились в анклав пьянства, наркомании, насилия над кем только можно и ужаса из дружного и веселого сообщества молодых семей и начинающих специалистов. В этом же общежитии на первом этаже расположен участок полиции, а на счетчике у ящиков висел православный календарь с ликом Христа. На фоне этого лика Христа робко расхаживал мент с пустой пластиковой канистрой в руках, абсолютно не уяснив свое задание — принести воды. В итоге он собрался с мужеством и спросил о том, что ему делать с этой канистрой. Менты дружно засмеялись, послали на х.., потом послали за водой на второй этаж и стали с хохотом обсуждать то, как будут праздновать эту пятницу. На этом мент обиженно и вяло побрел с канистрой на второй этаж.

Из одной квартиры на меня пыталась выпрыгнуть шипящая черная кошка, но ее сдержал хозяин. В этом же доме в подъезде между стекол кто-то вставил живой цветок. Может, от радости, может, от несчастья, а может, от глупости. Возможно, по этим же причинам и кошка хотела на меня прыгнуть. Она же тоже русская.

14 ноября 2016

В новостях на Первом канале объявили о том, что на Урал пришли аномальные для последнего месяца осени морозы. А я поставила свой личный рекорд по длительности нахождения на морозной улице — 6 часов. Но за эти 6 часов ничего интересного не произошло: люди с работы или учебы бегом бежали в свои квартиры, ну, также и я старалась быстрее разнести письма и уведомления, чтобы поскорее оказаться дома.

Побывала вновь в своем любимом общежитии в конце Рабочей улицы. Узнала, что в комнате, ближайшей к счетчику с православным календарем, живет «по-русски не понимающий», то есть эмигрант. Бог иронизирует. Этажами выше женщины общежития ходили мыться и готовили еду на общей кухне, горланя матерные шутки. Очень боялась постучаться не в комнату, а в туалет, так как табличек с номерами у комнат не было и быть не должно! Так таинственнее жить!

Впустила в подъезд по улице Рабочая, 3 рыжего кота, который, видимо, и проживал в данном подъезде. Кот был жирным, но все-таки его жир не спас от холода, и усы успели покрыться легкой изморозью. Наверное, он не слушал сегодняшний прогноз погоды. Пошел гулять и сильно удивился сегодняшним климатическим условиям. Завтра будет еще холоднее. Завтра я еще быстрее буду бегать по улицам.

18 ноября 2016

Могу сказать, что позавчерашний и вчерашний дни были концом, как мне казалось, того, что я могу выдержать. Больше минус двадцати с утра и сто одно письмо в сумке плюс куча повесток (маленькие бумажки от приставов с суммами неоплаченных штрафов, которые направлены практически в каждый дом на районе) — испытание на мою выносливость. Все эти два дня мои восемь переломов изнывали тянущей мерзкой болью, а в минуты упадка и усталости — горячей и резкой. Сдаться было стыдно.

Не покидала мысль, что я доставляю корреспонденцию не в ноябре 2016 года в Перми, а пробираюсь сквозь разруху зимнего Петрограда времен Революции и Первой Мировой войны с якобы важной корреспонденцией, которая уже через полгода превратится в ничего не значащую бумажку.

В общем, из-за всего вышеописанного уже не помню что-либо интересное, так как усталость стерла память. разве что могу вспомнить однодневные фирмы, располагающиеся по несуществующим адресам и людей с фамилиями вроде Ухмандаева и т. п., живущих на четной стороне улицы Рабочей, которой нет. Там, где должна была быть четная сторона Рабочей, — гаражи и железная дорога. Наверное, такие люди, якобы живущие в гаражах, обладают безграничной выносливостью и силой, так как про них можно слагать мифы двадцать первого века. Ну, в конце концов, киргизов, которые стали предками ныне современных жителей Киргизии, воспитала олениха. А у узбеков даже была целая порода небесных коней, которые потели исключительно кровавым потом. И что им русский гараж? А что им 32 дня в месяц и 25 часов в сутки работать дворником на улице в любую погоду или в грязной шавермочной, пропитанной запахами дохлых собак и дешевого подсолнечного масла? Это все так, легкая проверка на шивость! Я тоже хотела бы стать гаражным богочеловеком, трудящимся, наполнившись сил от Бога, неба и прекрасного, а не быть русской сопливой энтузиасткой, воодушевленной собственным стыдом перед невыполненным долгом. Да, я хочу найти и в этом макулатурном труде нечто более, чем бесполовую разноску практически во всех случаях зря потраченной бумаги. Вот пример, пришла к человеку с фамилией Бондаренко, у которого была самая разбитая дверь во всем подъезде. Открыл дверь только потому, что к нему спустился из квартиры сверху сосед в майке, стал долбиться в дверь со всей дури и орать «Открывай!», чтобы покурить с Бондаренко. Этот Бондаренко и ему не с первого раза открыл, видимо, потому что еле дошел до своей двери. Судя по

всему, он спал, а мы его разбудили, на ногах он еле стоял и качался в разные стороны весь в татуировках на помятой коже. И непонятно, сколько ему лет — то ли мой ровесник, то ли старше лет на пятнадцать. Письма он получать отказался, покачав головой и пробурчав что-то вроде — «мне не надо», махнул одобряюще рукой на мое предложение написать извещения и положить их в почтовый ящик. Ясно, что он не будет получать эти письма. Ну, и зачем на него надо было тратить бумагу? Будто, проснувшись, в два часа дня он сразу же поймет, который сейчас час, какой сегодня день, какой за окном месяц, какой на календаре год? Вот бы стренько наденет свой пахнущий перегаром хобо-костюм и побежит платить штрафы приставам, а не покупать себе перцовку или «Охоту» крепкую? И кто в итоге глуп? Бондаренко, которого глубоко ничего не задевает в этом мире или государство, которое потратило бумагу и электричество на работу принтера как минимум? Но в обоих случаях абсолютно ничего прекрасного нет.

Может быть, прекрасное заключено в этом труде на всю стену в подъезде на улице Рабочей? Либо я культуролог в глубине души и из-за этого усомнилась в смысле своего физического, а не умственного труда. В любом случае данная работа на стене подъезда в разы лучше, чем «шикарные» подъезды комплекса новых домов «Пермские медведи» на Рабочей. «Пермские медведи» — верх человеческой глупости и тщеславия: такое неудобное и захолустное местоположение для элитного жилья, что лучше бы поставили вагончики для Ухмандаевых. Три дома из этого комплекса называются «Полярный медведь», «Гризли» и «Панда», а в Пермском крае, видимо, теперь водятся и такие представители рода медведь. Дома, наверное, построены для панд, гризли и полярных медведей. Вот, в зеркальных лифтах ездят панды и гризли, потом выходят и здороваются с истинными хозяйками домов — вахтершами. Вахтерши в этих домах крайне важны и наглы. Глядят на простого смертного вроде курьера, электрика или просто не туда зашедшего, как

на бомжа, который вошел погреться и прикоснуться к «прекрасной» медвежьей берлоге. Вывод однозначен, как мне кажется сегодня: тяжел, не прекрасен и бессмыслен мой сегодняшний труд. Завтра, может быть, что-то изменится.

20 ноября 2016

А сегодня у Федеральной почтовой службы день рождения! Не запомнила, сколько лет ей исполнилось. Всех курьеров угощали конфетами, а для офисных сотрудников — корпоратив вечером. Все утро в главном штабе звучала музыка: почему-то Линда, Тату и Любовь Успенская исключительно. Возможно, музыку включали по желанию начальницы — молодой, задорной, активной и несколько нагловатой женщины, чья молодость пришлось на начало 2000-х. Успенскую, видимо, поставили для старшего поколения курьеров.

Хочу поведать об этом месте, куда стекаются бумаги в большинстве случаев, управляющие жизнь и настроение простых смертных. Что собой представляет главный штаб данной организации? Это примерно 100 квадратных метров, отданных под столы для тех, кто проверяет работу курьеров, для тех, кто распределяет письма по районам и ищет адресатов в случае, если их не так уж легко найти курьеру. Ну, и есть склад с корреспонденцией. Хотя все эти 100 квадратных метров тоже завалены коробками с письмами. Секретариат, операторы и прочие молодые сотрудники за компьютерами пришли к данным должностям, начиная с курьеров. Сейчас курьеры в основном — предпенсионного возраста мужчины и женщины и непосредственно сами пенсионеры. Они — надежный тыл Почтовой службы, потому что к работе подходят более ответственно, чем молодежь. Молодежь часто увольняется после первых недель работы, постоянно совершает ошибки в заполнении бланков, теряет письма, а адресатов, которых не могут найти, причисляет к умершим, выкидывает корреспонденцию, которую лень до-

ставлять. В общем, творит много глупостей. Есть, кстати, довольно странные особи среди курьеров, например, одно бесполое молодое существо в очках, которое одновременно похоже на юривую девушку и такого же юношу, бабушка-карлица с очень писклявым голосом, девушка, которая одевается а-ля «Белоруссия — 1979 год». Самый эпичный курьер — это высокий мужик лет 50, который громким и хриплым голосом ругается часто матом и носит жилет ДПС, светящийся в темноте, чтобы по вечерам видели, кто в подъезд заходит, наверное. Много «маленьких» людей с надломом и печалью в глазах. Потому что на такую работу может пойти человек, который не очень высоко себя ценит вследствие какой-либо потери в жизни: прежней высокооплачиваемой работы, мужа-кормильца или переживший проблемы со здоровьем, которые лишили частичной дееспособности для других видов деятельности. Например, есть в штабе курьеров довольно интеллигентный мужчина лет 50, который попал под увольнение. Работал инженером в «Газпроме» почти всю жизнь, а теперь пришлось пойти в почталыоны.

Могу сказать, что труд курьера довольно тяжел и не по всей этой тяжести оценивается и оплачивается. Есть у такой работы одно большое преимущество — простое общение с людьми. На самом деле очень много добрых людей живет в России, которые готовы объяснить, где расположен такой-то дом или квартира, усадить в своей квартире на табурет, пока заполняют бланки, открыть дверь подъезда без лишних вопросов, даже предложить печенье и конфеты. Дети, подростки и эмигранты со мной часто здороваются. А пенсионеры и старше 50 лет любят поговорить о курьерской деятельности и о работе государственных служб. Пенсионеры, конечно, достают своим «сованием своего носа» в мою работу: в прямом смысле лезут смотреть в бланк полученной корреспонденции, если по стечению обстоятельств я кладу в почтовый ящик письмо, а в это время проходит мимо бабушка или дедушка, при этом даже ничего не спрашивают, так как ничего и не понимают. Ну, их надо уважать, как

уважают меня. Одной бабушке, вот, помогла донести сумку до 4 этажа. Вообще, нужно делать добро и помогать людям, хотя бы подержать дверь для мамы с коляской, входящей или выходящей из подъезда, а эта мама укажет, на каком этаже находится та или иная квартира. Верю в то, что добро обязательно возвращается по кругу обратно к тому, кто начал цепь добрых дел. Может быть, это звучит небескорыстно, но душа моя чуть не иссохла от человеческого зла и равнодушия.

21 ноября 2016

Понедельник — день тяжелый! На самом деле муторно и лень после выходных и празднования дня рождения друга, половину которого ты несколько сомнительно помнишь, работать хоть курьером, хоть директором «Пермавтодора». В Федеральной почтовой службе трудящимся тоже было не очень весело, а курьер в жилете, светящемся в темноте, крайне жестоко и зло отнесся к очередным повесткам: мат стоял более чем «трехэтажный». В общем, ничего запоминающегося сегодня не случилось. Разве что пришла отдавать письмо в военкомат на улице Академика Вавилова, а там единственный человек, который вправе получать письма, — ушел. Посоветовали ему позвонить и уточнить, когда вернется, предупредив, что он практически ничего не слышит. Меня охватило раздражение по поводу того, зачем глухой Иванченко Александр Иванович вообще кем-то работает, тем более в военкомате. От военных оркестров он оглох? Не стала я ему звонить и дожидаться его прихода. У меня свой график рабочего дня, а у него свой — я не буду подстраиваться под глухих!

Из всех, кого я сегодня видела, был весел только старый муж молодой милой девушки. Острил и рассказывал шутки, которые я не запомнила. А что ему не радоваться-то? Ему приходит более четырех писем из судов за день. При таком раскладе дел я бы тоже всегда оставалась в более чем ровном настроении, сидя на нейролептиках или антидепрессантах.

Еще, оказывается, в Перми есть организация под названием «Пермподводстрой». Она чинит корабли и, видимо, подводные суда. Но ее я не нашла по заявленному на письме адресу.

«Он не открыл! Он там не открыл! И здесь не открыл! А я за мясом поехала! А он не открыл!» — удивленно кричала бабушка на весь автобус, когда водитель не открыл задние двери на двух остановках возле Центрального рынка и провез ее до Универсама. Все-таки понедельник — день тяжелый!

22 ноября 2016

Сегодня ходила в «Спартак» в поисках некоего председателя ликвидационного помещения Туранского! Да, да, бывают и такие должности. Этого Туранского уже более 10 лет никто не видел в «Спартаке». Его знал только очень старый тренер, одетый в советский свитер со спортивной эмблемой, который более 20 минут рассказывал мне про этого Туранского. Из рассказа тренера можно сделать вывод, что Туранский стоял у истоков «Спартака», работая юристом, при этом сам занимался спортом, проводя свои тренировки в гараже в районе улицы Рабочей (гаражи Рабочей — целая вселенная!). В начале 2000-х у «Спартака» был один юридический статус, а позже стал другим (во все эти подробности не вникала): со старым статусом исчез и Туранский. Теперь его разыскивают суды и приставы за то, что каким-то образом он умудрился присвоить себе незаконно крупную сумму денег и купить на эти деньги жилье — ну, может быть, из финансирования «Спартака» брал деньги на строительство квартиры. Несмотря на то, что Туранский, возможно, вор, старый тренер был очень хорошего и доброго мнения о юристе из спорткомплекса и даже хотел бы повидать его вновь. В самом деле, может быть, и правда, Туранский был достойным человеком.

От старого тренера я побрела вниз через коридор, где располагался спортивный зал, возле дверей которого стояли крохот-

ные мальчишеские ботинки и толпились мамы, подглядывая в щель двери спортзала. Наверное, происходило какое-то важное мероприятие среди маленьких боксеров. В тот момент я подумала, что их там могут научить воровать, применяя свои боксерско-юридические умения, а не терпению, выносливости, честности и волевому характеру. Но через несколько часов я решила, что если даже ты вор, но, как человек, как мужчина можешь помочь чужой женщине занести в автобус сани с ребенком, то абсолютно плевать на то, что ты ворешь. Воровство — тоже труд и тоже тяжелый. Даже будучи вором, можно оставаться человеком. Наверное, даже есть категория убийц, которые остаются людьми.

Собственно, мое мнение поменялось, потому что молодой и крепкий полицейский, ехавший в 42-ом автобусе, не стал помогать девушке заносить санки с ребенком в автобус, хотя стоял рядом со входом. Помогла женщина лет 45. И ведь этот полицейский будет наказывать и отчитывать каких-нибудь дураков, которые выносят из магазина водку или шоколад, но при этом никогда не вмешается в то, что пьяный муж бьет жену и своего ребенка, а самое главное — он не вмешается в то, если кто-то будет воровать в особо крупных размерах. Из всего этого пока складывается то, что Богу должно быть легче простить воровство, чем то, когда человек своими собственными каждодневными мелкими и гадкими поступками втаптыкает свое же достоинство в грязь большую, чем свалка миллионного города.

24 ноября 2016

Каждое утро я выхожу из офиса Федеральной почтовой службы, пройдя несколько дворов по улицам в районе «Пермской ярмарки» и остановки Ушинского, дохожу до своего укромного места, чтобы покурить. Укромное место состоит из непонятного ЖКХ-помещения и булыжников. На булыжники ставлю порой довольно тяжелую сумку с письмами, ну, и курю, составляя план

своего рабочего маршрута. Я всегда любила курить в уединении и не на ходу, потому что так получается поймать больше кайфа в этой никчемной жизни. Сегодня мое укромное место оказалось абсолютно неукромным: откуда-то метрах в шести от меня взялась бабушка с лыжными палками, занимавшаяся финской ходьбой. И вот, на расстоянии этих шести метров она стала спрашивать, зачем я здесь курю. Я ответила ей правду, крикнув: «Хочу здесь курить! Я же вам не мешаю!» Это было ошибкой. Она продолжала что-то орать в духе, что, мол, нечего здесь курить. «Послушайте, у меня тяжелая сумка, а здесь практически никто не ходит, я никому не мешаю и ничего не нарушаю», — я думала, что она адекватно воспримет мои слова и пойдет дальше заниматься финской ходьбой. Место-то действительно более чем укромное. Бабушка не отставала, она стала требовать назвать место, где я учусь. Я усмехнулась. На что она наконец-то решила подойти чуть ближе, упорно пытаясь выяснить место моей учебы, телефон и имя ректора. Я сказала, что моего ректора зовут Георгий Максимович и назвала телефон своей матери. Сигарета уже потухала, но я не уходила, пытаюсь доказать, что мы правда в заднице вселенной и мало кому здесь мешает сигаретный дым, наверное, потому что завтра мне снова там захочется посто- ять в одиночестве, не наживая врагов. И тут бабушка побежала на меня с угрозой, что сей- час ударит меня лыжной палкой. Я в первый раз в жизни удивилась так, что у меня от- крылся рот. Опешив, я не могла сдвинуться с места с этой тяжелой сумкой. Через секунду мне в переломанную и без того ногу вонзилась лыжная палка. Раздался дикий скрежет, я почувствовала резкую боль и по- думала, что у меня теперь нет зимних боти- нок. Последних зимних ботинок. Дальше я ушла в забытие на пару секунд и очнулась от собственного басового рыка: «Я нигде не учусь! Я работаю на холоде, потому что я дипломированный культуролог, потому что полгода назад я родила сына от неког- да любимого мужа в ужасной больнице, по- этому мой муж нам не помогает! А я и мой

сын хотим жить полноценной жизнью, а не ограничивать себя в чем-либо! Почему я не имею права курить за этим сараем за все то, что со мной было? Конечно, я бы пред- почла курить в своей квартире, а не здесь! Что тебе от меня нужно, ненормальная?» Бабушка, испугавшись, выкатила на меня свои глаза, а с ее лица не сходила искаженная улыбка затаившегося психбольного чело- века. На этом, устав, я кинула окурочку рядом и, хромя в ботинке со следом от острия лыжной палки, пошла пить чай в какое-то кавказское заведение на Ушинского, возле которого я могла свободно закурить среди тусовки нерусских таксистов, которым пле- вать с высокой башни мечети на то, кто и где курит. А бабушка там так и осталась стоять и что-то непонятное бубнить самой себе. Злая то ли на мир, то ли на бабушку, то ли на мужа, то ли на саму себя, что докатилась до кон- фликтов с пенсионерками, дожидая до кон- ца рабочего дня и увидела живьем глухого Иванченко из военкомата, вернувшегося из сборного пункта с Докучаева. Он, правда, глух не на жизнь, а на смерть.

P.S. Сегодня проходила через новое ис- пытание курьера — очень тяжелая сумка: были письма, состоящие, видимо, из судеб- ных дел формата А4, каждое из которых страниц на 100–200. Прошла испытание, останавливаясь возле каждой лавки, камня и прочего, на что можно сумку поставить. Хотела уже привязать веревкой за ручку и волоочь по снегу или пинать ногой.

Лучше б ехать на поезде куда-нибудь.

1 декабря 2016

Рабочая неделя близится к концу, как и сама работа в Федеральной почтовой служ- бе. А я ухожу из этой конторы, потому что, пока я разносила письма, меня позвали на должность администратора в травматоло- го-ортопедическое отделение поликлиники №1. Завела связи в бухгалтерии и отделе кадров сей больницы, когда вручала корре- спонденцию их секретарям. Вчера прошла медкомиссию для работы администратора

с очень веселой женщиной-фельдшером, которая запиховала мое тельце во все нужные кабинеты с врачами, а к невропатологу мне даже не потребовалось заходить. Меня оставили стоять у кабинета, невропатолог громко спросил: «Припадки есть?», фельдшер с хохотом ответила, что нет, и все дружно продолжили ржать, как кони, а я — робко стоять в коридоре. Мне отказались делать ЭКГ без записи и указали на то, что фельдшер сама может провести данную процедуру. Фельдшер, матеря кардиологов, как последних собак, и моля Бога, чтобы аппарат, стоявший в ее кабинете, заработал, сделала мне ЭКГ. Не знаю, насколько правильно получились результаты, так как в момент снятия кардиограммы фельдшер от радости, что аппарат начал подавать признаки моей жизнедеятельности, запретила мне дышать, а я начала смеяться. Поэтому у меня теперь аритмия, хотя всю жизнь была тахикардия.

В понедельник сумка была такая тяжелая, что меня тошнило весь день от надсады.

Во вторник произошло то, что молодая мамочка ударила в плечо и вылила поток мата на меня за то, что я позвонила в единственный звонок на все четыре квартиры, скрытые одной дверью, и якобы разбудила ее ребенка. Мои извинения не были ею приняты. Мамочка в безумии оторвала голыми руками звонок под напряжением, долго бегала по площадке, как бешеная обезьяна в клетке. На фразе: «У тебя мозг, б...ь, есть?» — я обматерила мамочку в ответ, так как терпение лопнуло, указав на то, что нормальные дети, как мой сын, от звонков в дверь не просыпаются. За что и получила удар в плечо. В конце нашей беседы выяснилось, что я — высохшее чмо, а она — жирная корова. Думаю, если бы у меня была такая мать, я бы вообще никогда не спала. Позже я поревела и успокоилась, представив, как в следующий раз на площадку вломятся приставы к тому соседу, которому пришло уже не впервые письмо из ФССП, а мамочка накинется, как безумное животное, на людей, в чьих, иногда увесистых, руках находимся все мы. Придя домой, я первый раз в жизни абсолютно здоровая и не

после бессонной ночи пала спать в семь часов вечера, потому что уже не умела дышать, как обычный человек.

В прошлую пятницу поиграла с вахтершей из дома на Малкова, 26 в разведчиков. Я принесла письма и отдала их вахтерше, чтобы она передала жильцам, а она стала меня допрашивать с прищуренным и пристальным взглядом, как Иосиф Виссарионович допрашивал бы Адольфа Гитлера, уточняя, много ли писем за день у меня было, откуда именно письма, ходила ли я в другие подъезды их дома. Наводящих вопросов было много, а я покорно на них отвечала правду. Вахтерша списала абсолютно всю информацию, имеющуюся на конвертах. В финале задала вопрос: «Какой номер у подъезда перед их подъездом?» Я ответила, что второй, потому что действительно второй. Вахтерша же оказалась абсолютно другого мнения. «Я много раз тебе говорила, что тот подъезд — первый, а какой номер у того подъезда?» — указала вахтерша на подъезд уже другого дома по номеру Малкова, 26/1. Ну, я и ответила, что Малкова, 26/1. Этим правдивым ответом я снова накликала на себя беду. Вахтерша стала грозным голосом объявлять то, что это не так, и показывать листок бумаги, на котором было написано старательно вычерченными крупными буквами «Малкова, 26/1». «Приехали», — пронеслось в моей голове. В общем, мы находились не в первом подъезде по улице Малкова, 26, а в другом доме под номером 26/1, по мнению престарелой вахтерши. Далее вахтерша сообщила мне, что она уже со мной общалась по этому поводу, но я ее видела в первый раз за две недели работы, следовательно, и она меня. Поняв, что я снова имею дело с особью, пораженной маразмом, решила отступить. Но вахтерша решила еще что-то уточнить по поводу, откуда письма. Я что-то пробурчала и крикнула: «Еще от меня что нужно?» — терпение стало сдавать. Вахтерша наконец-таки сказала, что ничего не нужно, отметив, что она передаст письма лично в руки хозяевам. Ну да, ну да. При этом она овладела довольно личной информацией о характере этих писем, списав с них все координаты. Не удивлюсь, если их

вскрывает, прочитает и так же аккуратно положит обратно, склеив конверт.

В один из дней мужчина-куррьер наигранно с досадой кричал, что хочет повеситься из-за того, что взял слишком много писем и просил мыло с запахом сирени, чтобы от его трупца хорошо пахло. А дяденька в светящемся в темноте жилете заплевал всю накладную у оператора, когда перелистывал страницы, так как плевал себе на пальцы довольно смачно. Оператор смущенно просил прекратить это делать, но было бесполезно.

Сегодня нам, курьерам, не дали аванс, который обещают выдать уже несколько дней, поэтому не звучал курьерский черный юмор в офисе, а лица были печальными.

Часть вторая: администратор

8 декабря 2016

Сегодня я провела свои первые семь часов в жизни в больнице в качестве сотрудника, а не пациента. Оказывается, администратор поликлиники — младший медицинский персонал. Честно сказать, принципы своей работы я не поняла вообще: то ли потому что я медленно думаю, то ли потому что старшая администраторша работает в регистратуре травматологии семь лет и не считает нужным объяснять столь простые для нее вещи, вроде кто приносит в регистратуру карты после приема пациентов врачами. Ну, я все-таки завела и нашла пару медицинских карт.

Привели бабушку, которая упала на швейную иглу щекой: щека синяя, опухшая и с дыркой от иглы.

Сейчас я изучаю основы и принципы медицинской деонтологии, потому что утром пришла женщина, которая постоянно кричала, что у нее бабушка умирает, и взволнованно просила карту. Я карту не могла найти, так как искала ее на полках с «пенсионерами». К моим поискам присоединилась старшая администраторша, но и она не добилась успеха в этом деле. Потому что выяснилось, что карту надо было не умирающей бабушке,

а этой женщине, которая 1963 года рождения и следовательно, не пенсионерка. Женщина эта успела меня унижить, истерично крича, что я не умею читать. Хотелось просто закрыть окно регистрации перед ее ртом и спокойно продолжить поиски. Я не понимаю, зачем женщина 1963 года рождения привела с собой умирающую бабушку (не понимаю, как бабушка вообще до сих пор жива и способна ходить). Может быть, бабушка должна была подтвердить факт того, что женщине 1963 года рождения в августе плохо вылечили вывихнутый палец.

Перелом челюсти, перелом левой ключицы, оскольчатый перелом пяточной кости со смещением, перелом шейки левого бедра, перелом колена, перелом лонной кости слева с разрывом подвздошно-крестцового сочленения, перелом лонной и седалищной костей справа — мою карту со всеми этими переломами потеряли в регистратуре моей больницы через год после ее заведения и ничего, я живу и не вякаю.

9 декабря 2016

Сегодня на весь коридор травматологии два часа играла исключительно одна и та же песня — «Сектор Газа — Водка». Ее включал пьяный Хасанов, иногда засыпающий на скамье у кабинета дежурного врача, а иногда хватаящий за различные части тела проходящих мимо людей. Хасанов пришел с опозданием на месяц к травматологу на прием. К нему под конец присоединился люмпен (ну, вид у него был довольно асоциальный) с грязной огромной сумкой, в заношенном спортивном костюме, старом тулупе и в коростах по всему лицу, которого укусила собака. Последний всячески поддерживал Хасанова и присоединился к возмущениям по поводу того, что их не принимают врачи. Санитарка пыталась Хасанова успокоить и добиться того, чтобы он выключил музыку на смартфоне. Когда Хасанова записали на другой день, и он направился к выходу — люмпен стал его обнимать на прощание.

В самом начале своего захода в больницу у меня Хасанов просил расческу, спрашивал, не с Паркового ли я и не являюсь ли я интерном. Я на все отвечала: «Нет», а Хасанов тяжело вздыхал и говорил: «Жаль».

Не знаю, почему Хасанов пришел таким пьяным в поликлинику, может, он так боится врачей. Врачи хохотали все два часа нахождения Хасанова на территории больницы, а я не была столь весела, потому что по-прежнему много чего не понимаю в своей работе. Только в 8 утра совершила благое дело: поддатому мужику с сырым гипсом на ноге отдала свой пакет, чтоб обернул ногу. Мороз все-таки на улице.

13 декабря 2016

У бабки стал гноиться в ноге штырь, потому что в 25 лет она сунула руку в клетку еноту и он ее укусил (травматологическая шутка про сегодняшних пациентов в совокупности). Работая в вечернюю смену, запасаясь едой и книгами, потому что делать нечего. Разве что перечитывать эпикризы Литвиненко из моей любимой ПМКБ.

В роддоме девятой медсанчасти девушке во время кесарева сечения врачи обожгли ногу лампой накаливания, а она ничего не почувствовала, потому что была под обезболивающими. Поняла, что у нее ожог, когда стала чувствовать боль от оперативных родов, которая утраивалась болью от ожога.

Спасибо, что живой, медсанчасть имени Тверье.

15 декабря 2016

Сегодня в травмпункт пришла бомжиха Нина с синим лицом, то ли из-за обморожения, то ли из-за грязи. Но пришла она не по поводу своего лица, а мучили ее боли в ноге. Пришла с мужем. Ей часа два делали что-то вроде мини-операции на ноге, а муж сидел в коридоре. Все эти два часа я и простые смертные травмированные задыхались от запаха, исходящего от мужа Нины. У Нины,

кстати, есть не только муж, но и комната в общежитии на Малкова, 18.

Был еще юрист, которому срочно надо было попасть к врачу. За то, чтобы я все устроила, как надо, он обещал мне коробку конфет. Но врач отказалась его принимать без записи, поэтому я осталась без конфет.

17 декабря 2016

Пятница, вечер. В травмпункте появилась Марина, идя пошатываясь походкой и с тянущимся за ней шлейфом алкогольного аромата. 41 год, серая шуба и шапка а-ля 1999, синие китайские дутики, вязаный шарф салатного цвета, красная сумка из кожзаменителя, паспорт с обложкой в виде флага РФ, живет рядом, в хрущевке на Рабочей. Заводя карту у меня, саркастично обозначала, что медицина без писарей никуда, и встревоженно пыталась у меня узнать, сколько она заплатила за такси. Я направила Марину в кабинет первичного приема, потому что мы не можем отказывать пьяным в помощи. Врачи очень долго накладывали гипс бабушке с вывихнутым плечом. Марину это разгневало, и она стала орать, что если ее не примут сейчас, то б...ь, н...й, она выпнет дверь кабинета первичного приема. Мне пришлось выйти на это заявление, потому что успокаивать травмированных — одна из моих обязанностей. Хотя пьяные периодические женские выкрики, смешанные с истерическим визгом и хохотом, я слышала уже около часа, расставляя карточки в регистратуре. Попросила Марину не орать. На это Марина пообещала меня размазать по стенке. Я предоставила выбор Марине: либо она уходит домой и приходит в другой день трезвая, либо я иду к охране. Марина сказала, что я сука е...я. Я пошла за охранницей. Охранница Марину не успокоила. Марина продолжала обещать искалечить здесь всех присутствующих. Присутствующие же стали смеяться. В этот момент ей кто-то позвонил, она стала рассказывать по телефону, что сейчас к ней подошли в белой (я) и черной (охранница)

одежде люди, которые обещают вызвать кого-то, кто отправит ее в вытрезвитель, и что ее не принимают врачи. Видимо, по телефону спросили, что мы за люди. Марина стала читать с бейджа охранницы информацию: «И. П. Серегин И. А., частное охранное агентство...» и т.п., называя охранницу И. П. Серегин И. А. По телефону Марине посоветовали выйти на улицу, подойти куда-нибудь ближе к ГОЗНАКу и вызвать скорую себе. Охранница почему-то медлила, надеясь на мирный исход. А Марина окончила разговор, уронив телефон на пол, взялась за старые обещания и оскорбления. Мне пришлось принять решение за охранницу и, так скажем, приказать нажать на тревожную кнопку. На что Марина попыталась ударить охранницу, которая стояла рядом, а я продуманно отошла на несколько метров назад, но Марина упала и ползала в шапке набекрень по травмпункту минут семь, так и не избавившись от своих всплесков агрессии. За это время прибыла группа быстрого реагирования, и пока пацаны шли по коридору от центрального входа, Марина, услышав мои переговоры с охранницей о том, что за ней приехали, успела лягушачьим прыжком оказаться у выхода из травмпункта, открыть дверь, упасть с диким грохотом со ступеней и уползти в сторону своего дома. Я позволила ей скрыться, сказав приехавшим охранникам, что не разглядела, куда направилась Марина.

На самом деле мата было в разы больше.

Если бы не медицинская деонтология, то как говорил мой муж: «РОТАЛГУ СВОЮ, Н...Й, ЗАКРОЙ, ПАСТЬ ЗАТКНИ!»

23 декабря 2016

Вчера один из наших травматологов внезапно решил уйти на обед в блинную через дорогу от больницы, чем создал очередь из волнующихся пациентов, пришедших по записи на то время, в которое он отправился есть блины. Пациенты, конечно же, начали его искать, одолевая вопросами персонал травмпункта.

А что, не имеет право человек блинов поесть? Тем более если очень сильно захотелось. А эти волнующиеся могли бы сесть на скамьи да ждать тихонько. Скамей хватило бы на всех.

Долб...ы, б.., все переломанные, ходить не умеют, падают, а потом приходят с наглым видом и заявляют, что, мол, у них нога отсохла после лечения. Дак ты сначала ходить научись, а потом вякай!

27 декабря 2016

В травмпункте зацвели цветы на радость администраторам. Как сказала моя сменщица: «Единственная красота среди этих переломанных придурков».

29 декабря 2016

Чеченцы, чувак под феном, валяющиеся алкаши, пьяные мужики с корпоратива, ушибленные бабушки и дети, жены, врезающие своих мужей с гипсом на инвалидных креслах в стены, доломайте меня!

Хочу загадать, чтобы отходняк от марафона длиною в год был без голосов, истерик, панических атак и параной. Просто от...сь от меня, 2016 год, и дай поспать до 12:00.

30 декабря 2016

Отдам дань моде современной России, которая 30 декабря не только готовилась к Новому году, но и отмечала с размахом день столетия смерти Гришки Депардьё Распутина. Ура!

Снова ура, товарищи православные монархисты хлыстовского толка!

31 декабря 2016

В последний рабочий день в этом году наш травмпункт одолевал Шепотов Дмитрий Евгеньевич, заходя к нам четыре раза

за мою смену все пьянее и пьянее. Первые попытки Шепотова уснуть на скамейке успешно успевала пресечь охранница. В последний раз данный товарищ явился за час до закрытия травмпункта с буханкой хлеба и сразу же лег спать на скамью. Я и охранница не смогли его разбудить, пришлось вызвать ГБР. У ГБР тоже не получилось его привести в чувство, так как Шепотов открыл глаза, но закатил их и не мог пошевелиться, тем более что-то сказать. Позвали травматолога, который смерил Шепотову пульс — Дмитрий был жив. Решили вызвать бригаду скорой помощи. Общими усилиями до приезда машины скорой помощи смогли заставить Шепотова начать говорить и есть, но он решил снять один ботинок. Скорая помощь около получаса пыталась сделать все возможное, чтобы Шепотов покинул травмпункт. Ему предлагали уйти домой или к своим собутыльникам, поехать в токсикологию, в психушку либо в наркодиспансер. Шепотов не желал покидать наше заведение и просил смерить у него уровень сахара в крови, а также вернуть ему буханку хлеба, которая валялась на полу, поэтому ее успели за это время выкинуть в мусорное ведро. Уровень сахара смерили, хлеб

вернули. Шепотов, поняв, что с уровнем сахара у него все нормально и получив свой хлеб обратно, радостно сообщил о том, что желает поехать в наркологию. Дмитрию помогли надеть второй ботинок, который он снял. ГБР и бригада скорой помощи с облегчением направились к выходу, но Шепотов не сдвинулся со скамейки. Сотрудники ГБР были вынуждены вытащить Дмитрия силой. На улице еще долго что-то выясняли Шепотов и скорая помощь, но все-таки он сел в машину. Я и больничная охранница стояли у окна наблюдали за всем происходящим, надеясь на то, что Шепотов не вернется к нам в пятый раз. Когда машина с Дмитрием сдвинулась с места, мы стали чуть ли не обниматься и с улыбками на лице говорить: «Ну, наконец-то! Ура!», потому что истекал наш последний рабочий час в 2016 году и можно было со спокойной совестью отправляться домой, а охранники из ГБР на прощание радостно помахали нам рукой.

Самый заслуженный и старый травматолог, который любит блины, пожелал мне следующее перед тем, как я пошла домой: «Бухать и еще раз бухать в праздники!» Ура!

А у хирургов сегодня в кабинете была ретро-дискотека.

Семен Ваксман

Учитель истории

(подлинное описание одной деревенской драки)

Дожливый апрельский денек 1983 года. С седьмого этажа здания «Пермнефти» видно, как на асфальте морщатся лужи, как ветер беззвучно расплескивает их. Циклон из Атлантики достиг Москвы и идет на нас, на Пермь, северо-восточный угол Европы.

Звонок: пожаловал директор подшефного совхоза «Постаноговский» Нытвенского района Юрий Петрович Абатуров. Нужно ехать на посевную. Он хвалил нашего научного сотрудника Николая Постникова — тот с напарником отремонтировал комбайн СКД-5 и на нем рожь убирал, в конце концов

семью из Перми в деревню перевез. Еще пример: завлаб Юра Фадеев овладел специальностями и механизатора, и помощника комбайнера. Сейчас он, как механик, будет налаживать *ромбы*, то есть семяочистительный комплекс.

У меня в секторе НЛО («Нефтегазоносные Ловушки») девять разгневанных женщин, как их пошлешь: одна больна, у другой дите с «жидким стулом», третья сказала, что у нее реальные проблемы, четвертая заявила, что вообще никуда не поедет, и так далее.

На станции Григорьевская нас встречал ГАЗ-63 с нарощенными бортами, один из которых был покорежен, со скамьями, но без тента. С тентом — это груз-такси, «грусть-тоска». Ждали шофера Митрича.

Кто-то перегнулся через борт. Я удивился:

- Миша? Смородинов? Ты куда?
- В Постановоги, к Возженникову.
- Так поехали с нами!

Мишка влез неловко, студенточки из фарминститута завизжали.

Еще кто-то перегнулся через борт.

— Смородинова среди вас нет? Есть Смородинов?

Я не успел рассмотреть учителя истории, приехавшего на разбитой «Ниве» встречать пермского поэта Смородинова.

Пришел шофер, узловатый палец замотан синей изолентой.

Володя Спасибко спросил:

- Митрич, что с бортом?
- Это самое... Остановили меня у поста двое — приказали везти в Зюкайку. Я говорю: «Надо заправиться маслом». — «Нет, поехали». — Но я остановился у заправки. Сказал одному: «Бери талон, отдай заправщице». Другому: «Возьми у таксиста емкость, заправимся по-быстрому». Тот пошел. Тут я как дал по газам! Где-то о бетонный забор *бзданул*ся.

— Бортоломео!

Спасибко развлекал девочек.

— Товарищи, с нами едут два замечательных писателя — Фадеев (Юрий Иваныч погрозил ему пальцем) и Некрасов, правда, почему-то не Николай Алексеевич, как положено, а Александр Сергеевич.

Про постановоговского учителя истории Валерия Возженникова я кое-что знал. В детстве он жил на Сахалине. В те годы, когда наша партия искала нефть в одной из межгорных впадин Сихоте-Алиня, он рядом служил в ракетных войсках. От «левого до правого плеча России который час лопают самолет», от самых «курильских ного-

ков» — такие стихи не могли не нравиться. Будто про него слова Вершинина из пьесы Чехова «Три сестры»: «Вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния». Это и про сельских учителей тоже.

Проветриваем общагу. Спасибко сказал, что надо вывести дух «казармы Монкадо». Туалет вполне приличный, некогда сработанный нашим другом Анваром Нигматуллинным и Юрием Трутневым — будущим пермским губернатором, а затем министром природных ресурсов России и полпредом Президента по Дальнему Востоку. Храпунчиков оказалось четверо. Их перевели за печку. Действительно, интерференция звуковых волн с их отражениями от шероховатой поверхности печной стены в значительной мере гасила чудовищный храп.

В общагу привезли тележку дров. Фадеев сказал девочатам, что за пять поцелуев наколет дров для бани.

Начальник у нас — молоденькая Алевтина. Учетчица — красивая Галя с железным зубом. Нина Ивановна — завстоловой, тоже важный человек. Бригадир — в кепке из кожзаменителя и в такой же куртке — спокойный, усталый, с крупными морщинами. Каждый день, в любую погоду надо работать. Если он заболит, что маловероятно, то кажется, что все рухнет. Оперативки проходили под открытым небом возле стада тракторов, по большей части *больных*. Если шибко плохая погода, теснились в кузнице.

Меня определили на одноместную селялку — на подкормку озимой ржи белыми шариками мочевины. Когда прогрелась земля, сеяли овес с горохом. Потемневший, сочащийся влагой снег еще лежит по склонам низин. Подснежники кучно жмутся к снежным полосам, им нужна влага. До нас доносится их нежный свежий запах. Там, где земля прогрета, подснежников уже нет. Герман Михайлов — удивительно похожий на Пьера Безухова, гидрогеолог и вообще знаток природы, говорит, что у нас не подснежник, а ветреница дубравная. Высоко

по рельефу по полю идет влажная полоса — мочажина. Гера объяснил: это водоносная линза, с выклиниванием на склонах (иногда проявляется в виде ключей), сверху перекрывается глиной.

В эту-то глину, в эту хурму мы и угодили со своим колесником. Рыжий тракторист Федя сказал, что «на той едучей глине он трактор на хрен поставил». Колесник, как конь, наклоняясь и воя, рывками бросался вперед. Когда выбрались на сухое, канал для зерна был забит лаптями глины. Я прочистил его тряпкой, намотанной на изогнутую проволоку, и зерно, наконец, потекло. Гера показал мне, как идут по водоразделам линейные мобильные зоны, которыми занимался наш сектор НЛО.

Восьмиклассник Шурик на колеснике «Владимирец» возил семена. Шурик в танкистском шлеме, маленький, с плохими зубами. Сорт овса называется «Орел», поэтому Шурика тоже зовут «орлом».

Михайлов жестко заметил:

— На браге зачатый.

Я спросил парнишку о Возженникове — он сейчас не директор школы, а снова учитель истории, права и рисования.

Шурик ответил с гордостью:

— Валерий Леонидович — наш лучший учитель.

Федя к концу дня стал спешить:

— Сколько можно работать, когда-то надо и вино пить.

Поставил подачу зерна на максимум и погнал по полю.

— Зерно течет! — закричал я.

— Ладно, поехали, надо вино пить. Пока коршунье не налетело.

А тут и Абатуров подъехал:

— Докладываю, товарищи. Всего надо посеять 1900 га. План сделан на 12 процентов. Нас сдерживает подготовка почвы. Старики говорят: начинать Большой сев надо не позже шестого мая — на Егория. Лето будет сухое — береза уже пускает лист. Когда на березе лист будет с копейку, сев надо кончать.

Обрадовал: вводится местная валюта — картонные квадраты с печатью и кудрявой подписью — «Абатуров».

Тени сгущались, солнце заваливалось за елки. Мотоцикл с включенными фарами, как мотылек, спускался и поднимался по белеющей дороге, и она казалась сказочной.

1 мая. — Доброе утро!

Но утро не может быть добрым, если оно начинается с натягивания сырых резиновых сапог.

Подвезли подсолнух, горох. После обеда надо было ехать за удобрениями, но шофер Митрич по дороге дернул браги, или кваса, как ее здесь называют.

Алевтина сказала:

— Отдыхай, Митрич.

— А ты не выступай (с вытянутым кулаком).

Пришла наша институтская машина с тентом. Шофер Юра с ходу напился и за удобрениями тоже не поехал.

— На черта нам прислали такого шофера.

Тракторист Коля мечтательно сказал:

— Я тоже такой. Как выпью — сразу надо на трактор и на весь газ! Куда-то мне ехать надо!

Наш тракторист — Володя. Ходит так: левое плечо вперед, потом правое, при этом косолапит. Говорит на чистом мате, понимать его трудно. В разговоре с девушками употребляет выражения вроде «флядский род» — это для него изысканный оборот, а вовсе не ругательство.

Вечером отмечали праздник.

Евгений Ильич Болотов:

— Помню 1952 год, тоже Первомай. Был я на практике в Средней Азии. Денег у меня ни копейки. Рабочие все неграмотные, я им писал автобиографии за пять рублей штука. Поднялись в горы, там тетя Маня на довольствие поставила. Сурьмяное месторождение Турк-Парида, актинолит добывали. Отпалка — успевай рот открывать! В чайхану пришли — там давали ногу барана на двоих. Взяли манти, шарахнули бутылку араки.

Михайлов:

— Что вы, черти, приуныли?

Евгений Ильич:

— Как не загрустишь? Лампочку на сорок ватт в сортире опять сперли.

Михайлов:

— Евгений Ильич, как кто из наших идет до ветру, выдавай лампочку Ильича. Пришел — верни лампочку Ильичу. Лучше я расскажу, как мы со студентами открыли нефтяное месторождение в западной части Соликамской впадины, мало того, что до поискового бурения, но и до проведения на нем сейсморазведочных работ.

— Как же вы его открыли без сейсморазведки?

— Представьте себе большое озеро. Ведь залежь дышит, и дышит она ароматикой — бензолом и толуолом. Это называется вертикальная миграция нефти, отсюда идея прямых поисков. Другое дело, что уровень помех может превысить уровень сигнала. Одни студенты на лодках отбирали пробы воды. Как определить, откуда взяли пробу? Другие ребята стояли с фонариками и компасами по периметру озера. Местоположение пробы — на скрещении лучей трех фонариков. Потом в пробах определяли содержание ароматики. А? Блеск! Месторождение назвали Озерным. А потом, как это часто бывает, о гидрогеологах было забыто.

— Как о батарее капитана Тушина.

— Точно так.

— И о премии было забыто?

— Конечно.

Спасибо:

— Что такое — зеленое, хрустит, но не деньги? — Пятьдесят рублей. — Что такое — не хрустит, незеленое, но деньги.

— Абатуровки! — догадался Михайлов и захохотал.

— Вы знали, вы знали!

Утром проснулись — идет мокрый снег.

— Погода не Фонтенбло.

— У природы нет плохой погоды.

На ключике бабулька набирала воду.

— Баушка, в такую погоду можно сеять?

— Так это не снег, робяты. Это навоз, это говно. Это хорошо. Это вода. Это не снег, это отжимки. Навоз — это говно, это хорошо. Как-то на Троицу пал вот такой снег, а хлебы какие хорошие выросли.

Старенькая, ведра таскает.

— Я сейчас не роблю, пенсию получаю.

— Сколько пенсия-то?

— Да колхозна.

— Сколько же?

— 45 рублей. Мне хватат.

— Что-то Алевтину не видать.

— К Алевтине Степановне жених приехамши.

Событие: появился беглый эзк. Говорили, что ему дали сперва год, потом еще добавляли. Некоторые видели, как он выходил из бани. Студентки напуганы — да еще ночью им ударили из рогатки в окно. Тем не менее они активно кантарят мешки с семенами, навели чистоту. На сусеках вывели фломастером: рожь «Саратовская-29», овес «Стрела», «Орел». Шофера Митрича девушки лечили чистотелом. Говорят: «Митрич нам сказал: «золотые вы мои...» — гордятся!

Алевтина дала в работу маленькое поле овса с подсолнухом. Шофер Иван Федорович взял у Евгения Ильича выражение: «Не гони волну». Он живет в одном доме с Возженниковыми. Жена Ивана Яковлевича преподает в младших классах. Дети, по ее словам, все хуже и хуже — на браге-то.

Приехал Абатуров. Долго хвалил нас, шефов:

— Раньше мы не сдавали хлеба, нынче сдадим четыреста тонн. Без ромбов мы замаялись с семенами, закупили нерайонированные. Строить типовой комплекс на четыре тыщи тонн себе в убыток.

Разволновался:

— Ладно, что вы спроектировали комплекс на тыщу тонн. Исключили лишние механизмы, теперь зерно не травмируется. Первая очередь — просушка и сортировка. Вторая очередь — снова сортировка и калибровка семян. Все это благодаря Фадееву и Некрасову...

— Писатели наши, — заметил Михайлов.
— ...Шефы — это все: сев, уборка, сенокос, корма — сено, силос, зеленые гранулы. Работают...

- ...до белых комаров.
- Что это значит?
- До снега.

Абатуров помолчал, снял фуражку-восьмиклинку. Потом сказал:

- Завтра начинаем сеять *Большую рожь*.
- Лист на березе уже стал с копейку.
- Наполеон как нас учил? Сначала надо ввязаться в драку, в сев то есть, а там видно будет.

Расширенная оперативка возле кузницы по поводу Большого Сева.

Высокий, красивый тракторист, похожий на Жана Марэ. Я заметил — он гайки крутит с удовольствием. Тракторист Афанасий с заячьей губой не расстается с ломиком — все им делает. Его так и зовут — Афоня с ломиком. Жан Марэ сказал Афоне, когда у него полетела масляная трубка:

— Выбрось ее, так, чтобы не видать, куда упала.

— А где, скажи, взять новую?

Рыжие механизаторы Федя и Слава — женатые, живут в новом доме. Оба, похоже, пьют.

— Они все задиристые, — сказал севарь Виктор Яковлевич Горохов, муж Нины Ивановны.

— Колька не задиристый, он наглый.

Главный агроном Виктор Иванович Хомутов, черный, как грач, снял его, бензовоза, с сева.

— Если мы все так будем делать, если все будем так пить, что тогда будет? А? Уходи домой, чтобы я тебя здесь не видел.

Горохов горделиво рассказывал:

— Вчера пришел домой, сходил в столовую, принес теплой воды, вымыл голову яичной шампунью. Сел пиво пить. Колбасы поел. А потом заснуть никак не могу.

Эти необычные для деревни предметы — пиво, шампунь, колбаса, скорее всего, добыла Нина Ивановна.

Начальство определило: на трехрядной сеялке три севаря — один местный и двое нас, «мобилизованных». Мы с Сашей Вагановым из михайловской лаборатории охраны среды и экологии знали, как зовут нашего напарника — Витя Серебров. Он ладный, спортивный, похож на Адика из гедезэровской телевизионной программы «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас». На нас он не обращал внимания, даже не интересовался, как зовут. Наш тракторист — матерщинник Володя.

Слежавшиеся комки удобрений — нитроаммофоски из плотных пластиковых мешков — надо разбивать кувалдой и прочищать засорившиеся каналы изогнутой железякой. Зерно — в мешках из-под кубинского сахара.

Мы сеем по краю поля. Неподалеку работает бригада — Спасибко Володя, Сиринов Володя, могучий сварщик Игорь, варил две нитки трубы Уренгой — Петровск, «Северное сияние». Игорь и в отпуске шабашил. Ставили дом для главного зоотехника. Абатуров сулил 4000 рублей, если построят за месяц. Он высоко ценил «Спасибкострой». Молдавские шабашники — те соединяли брус не шкантом, как спасибковцы, а гвоздями.

Гремит магнитофон «Весна». Володя Спасибко кричит мне:

— Специально для вас, Семигудыч! Мелодии тридцатых годов: «Дым», «Рио-Рита». Учите — архивные записи.

*Моего отца ты
Помнишь молодым,
Музыка тридцатых
Про любовь как дым...*

Новости. Слава пил с беглым в заброшенной бане:

— Глаза у него дикие. В магазине сказал бабке, которая долбила, что никого не пустит без очереди: «Еще раз вякнешь — в окно вылетишь».

Еще событие. Появились кабаны — трактористы видели. Еще видели медведя, он пил из ручья. Шесть волков вышли из лесу — пастухи видели.

Ожидание удобрений. Подошли дети — два брата. Гриня — старший, перешел в третий класс, Сережу прозвали Чайкой. Мама Валя работает на ферме, отец — пастух. Гриня с отцом-то и видел волков — шестеро вышли из леса. Гриня подпаском ходил два месяца, ездил на лошаде.

— Мы вас видели, когда вы сеяли. А вы нас видели?

— Когда?

— Да когда мы на угор шли?

— А, видели.

— Может быть, мы купим телевизор — зовут «Зорька». Как нашу корову.

Я спросил:

— Почему Сережу Чайкой прозвали?

— Он, как проснется, чайку просит: «Чайку, чайку бы».

Они наслаждались игрой с родным языком.

— Вы из птиц кого видели?

— Разных птиц на гнездах. Филина на копне. Видели вяхиря — дикого голубя с цыплятками. Голуби, большие такие, у деревни хомьяка гнали — один сверху, двое с боков, третий сзади.

— В коробочку взяли.

Они засмеялись.

— В коробочку! По дороге прошла машина — спугнула вяхирей-то.

Лошадей по именам знали: Серко, Орлик, Ласточка. Гринина лошадь — Орлик.

Опаловое небо, теплый майский ветер на развороте сеялки рвет на куски мелодию Tee for to, «Чай для двоих». Жизнь прекрасна!

Мы все дальше отъезжали от «Спасибко-стройка». Володю еле слышно.

— Редчайшие-е-е записи-и-и — Юл Бриннер и Алеша Димитриевич...

— Купите бублички, горячи бублички,— еле слышно поет Юл Бриннер. — Сестра гулящая — биять настоящая, а брат мой маленький — кармани вор...

Грачи — стильные птицы. У них ярко блестящие черные перья, белые клювы. Деловитые, как сейчас говорят, деловые, они двигались за тракторами, парили над полем, по-хозяйски расхаживали по свежей пашне. Особо одаренные перелетали вперед и ожидали трактор.

Один грач скакал по-воробьиному. Должно быть, он, из особо одаренных, лишился ноги, сунувшись под плуг или трактор. Мы прозвали его Сильвером. Грачи гнали его, и он тянулся к людям. Нас, пахарей и севарей, кормили бесплатно обедами и ужинами — мы их звали кремлевскими. Сильвер терпеливо ждал, когда привезут бачки с едой.

Репрессированный бензовоз Коля примчался, когда нам накладывали тефтели. В столовой же подавали гуляш.

— А я тефтели хочу, — орал Коля молодой поварихе.

— У меня тефтели по счету.

— А меня это не гребет! Я молодых девок люблю — я должен мясо есть! И чтобы они меня любили! Я бы и тебя полюбил. Но у тебя зубов нету, кусаться не можешь. Я на это дело хрен положил, что я не в списке! Меня кормить некому. У меня жена в больнице. Сегодня отвез.

Один раз нам на поле привезла обед Нина Александровна, жена Жана Марэ. Она на шестом месяце, в спортивном костюме, ластится к мужу.

— Давай разливай быстрее по тарелкам!

— Еще кричит...

Заплакала, ушла за трактор. Второе он положил себе сам. Закурил сигарету «Дымок». Пить чай не стал. Выкурил вторую сигарету, начал третью, но затоптал и пошел к трактору. Как они помирились, не знаю.

От редчайших записей Володи Спасибко мы отъехали далеко. Рядом с полем тракторист Зиновий Дмитриевич отгонял навоз от свинофермы, осуждая крепкий запах

не менее крепкими выражениями. Саша Ваганов прозвал его «навозным жуком». Почасовая оплата — 42 копейки за час.

Витя Серебров ищет хвощи — пистики, палкой разгоняет грачей, будто играет в городки. А Володя сигналит грачам: «Опасность!»

Саша кричит:

— Сильвера не трогать!

Вечером Витя говорит:

— Прощайте, грачи! До завтра.

Он любит жечь костры где попало, бросает их.

Я по-стариковски заметил:

— Не заботишься об экологии.

— Да ее очень много вокруг, этой вашей экологии.

Вечером Витя с Гороховым ловили черно-белого зайца. На ночь поставили в лесу банку под березовый сок.

Хорошая новость. Вчера поймали беглеца — сам вышел из бани. Народ говорит: «За побег добавят три года. Мильта ударил — шесть лет дадут».

В сумерках идем домой. Мелкий дождь. Дорога глинистая — десять минут линет — техника вся встала. Продуло десять минут — опять можно работать. Как говорил Абатуров — главное, ввязаться в бой. Дорога в рисунках шин. Фары освещают край поля. Живописный бородатый дед на лошади. Карманы сильно оттянуты бутылками вермута.

Мост с калиточкой, загон для лошадей. Лошади в полутьме хрумали траву. Туман на ползал. Проселочная дорога светила в темноте. Лошадь, как в фильме Норштейна, местами проступала в тумане, губами трогала ухо мальчика. Подняла голову и пристально посмотрела на меня.

— Здравствуйте! Вы меня помните?

— Конечно, Гриня.

— Это Орлик, — с гордостью сказал Гриня.

Ночью Саша говорил во сне тоненьким хазановским голоском:

— Отъезжай, отъезжай!

Руки гудят. Вытянешь их по одеялу — руки стонут, гудят. Отдает в левую часть груди. Почувствовал: и я могу умереть.

На следующий вечер у общежития пьяные. Основной репертуар — «Машина времени» и Высоцкий. Вышел Вася Сальников, тоже подвыпивший. Потом он из геологии ушел во внутренние органы. Говорили, до капитана дослужился:

— Валите отсюда, спать не даете.

— Афоня с ломиком, у тебя трактор на ходу?

— На ходу.

— Заводи!

Привезли каких-то салаг.

Драка начинается с запугивания:

— За мильта шесть лет дали, за тебя, сука, врежу по черепашке два раза, год дадут, не боле...

Вася, кажется, ударил первым. Но так в деревне нельзя. Пришел гость, какой ни есть, поговори с ним по-хорошему, ведь завтра вместе работать.

Прибежал Володя Сиринов:

— Мужики, Ваську бьют!

Спасибо:

— Игорь, за мной!

У меня в деревенских драках одна проблема — как сохранить лицо в прямом и в переносном смысле. Очки с большими диоптриями ношу с четвертого класса. Ведь один удар и...

Девочки закрылись и дрожат, бедняжки. Надо защищаться. Вышли наши и шофера с Нытвы. У нытвенцев старший Панспортсмен — приказчиье лицо с баками, футболка.

Тракторист держит заводную ручку, у салаг — штакетины.

По косолапой походке я узнал его — это наш Володя-матерщинник.

— Ну что, сколько вас — три, четыре, пять...

Это литературная запись.

— Володя!

По-русски: он утверждал, что вступил в интимные отношения с моей мамой, с моим и своим начальством, наконец, со своим трактором...

Я заорал:

— Кто тебе историю-то преподавал, Володя. Кто?

Он здорово удивлен.

— Ва-ле-рий Лео-ни-до-вич...

— Разве Валерий Леонидович учил тебя... этому?

Драка продолжала развиваться. Она стала разваливаться и расползаться только, когда в дело активно влез Пан-спортсмен.

...Удар по лицу пришел ко мне по касательной. Фонарь под глазом, разбитое стеклышко и оторванная дужка очков.

Наутро Саша Ваганов примотал мне синей изолентой дужку, где-то раздобыл стеклышко, правда, с другими диоптриями. Девушки заклеили фонарь бактерицидным лейкопластырем.

Ждем, когда подвезут мешки с зерном. Витя Серебров разгадывает кроссворд:

— Горохов, это что за трава из твоего семейства, четырнадцать букв?

Слава:

— Читал приказ в конторе на пяти листах. Там меня в трех местах гребут.

Горохов перебивает:

— Если про тебя есть, значит, и про меня.

Мы вместе ведь брагу пили.

— А кто тебя заложил?

— Есть такие товарищи. Но я еще не ознакомлялся с предыдущим протоколом.

— Ты-то от Абатурова отщелкаешься.

Витя Серебров сказал:

— Ты чего это, Славка, пьешь? Я, например, в посевную ни грамма не пью.

— И я не пью, когда пить нечего.

И отправился с Гороховым к нему домой попить заготовкооповского пивка.

Приехал Хомутов:

— Где Горохов?

Витя аж полез под сеялку прочищать канал.

— Где Горохов?

— За сигаретами ушел.

Стихотворение Евтушенко «Кто вам преподавал историю», посвященное Юрию Беликову, впервые напечатано в пермской газете «Звезда» от 27 июня 2011 года.

*Беспамятным во устыжение,
во просветление всех нас
горит звездиночка Возженникова,
который стольких юных спас.
Он был поэтом и учителем,
глазами тепел — не свинцов,
не усмирителем — мирителем
буйноголовых сорванцов.
Всегда поэзия серьезная,
где с Богом спорит ученик,
явление религиозное —
сквозь строки брезжит Божий лик.
Однажды шел по сельской улочке
былой пермяк, не впавший в спесь,
кто помнил то, чему наученный
он был Возженниковым здесь.*

*И вдруг увидел драку мрачную,
как говорят, «навеселе»,
и не прошел он, отворачиваясь, —
ведь все же был в родном селе.
Ему в знакомой сваре уличной,
где финку прячут в рукаве,
припомнился царевич в Угличе
на свежескошенной траве.
Провидя жертв новоопричнины,
дымился набрызг от ножа,
как ожерелие брусничное,
на белом горлышке дрожа.
А после — не мишени баночные,
что из-под печени трески, —
в подвалах выстрелы лубяночные
в затылки чьи-то и виски.*

*Так жизнь преступная ночная вся —
с хмельного зуда в кулаках.*

*Убийцы с драки начинаются
на пустырях и в тупиках.*

*И бывший ученик Возженникова
ворвался в свалку пьяных туш,
надеясь мало на возжжение
уже почти погасших душ.
«Вам кто преподавал историю?» —
вопрос хлестнул, как Божий бич,
и совесть вдруг из всех исторгнула:
«Валерий Леонидович!»*

*Они, наверно, лишку выпили,
не нанеся, по счастью, ран,
и монтаровки сами выпали
в неокровавленный бурьян.
И враз все замерли пристыженно,
разжали даже кулаки,
себе со вздохом не простившие,
какие были дураки.
Ну, слава Богу, что одумались.
А стольким драться невтерпеж,
и злоба пострашнее дурости
тех, кто хватаются за нож.
Как семечки, всех пришлых лузгая,
форсят убийцы напоказ,
и русских убивают русские,
когда и так все меньше нас.*

*Антихристията недостойные,
ужель бессмысленно, как встарь:
«Вам кто преподавал историю?» —
с креста кричать в безликость харь?
Не дай нам, Боже, расставания
с людьми такими на Руси,
чье имя драки останавливало
без мановения руки!*

Юрий Беликов в этом же номере «Звезды» указал, что историю о драке поведал ее «случайный свидетель». Но я был не свидетелем, а участником драки! Евтушенко почему-то считал, что я, «былой пермяк, не впавший в спесь», ученик Возженникова, хотя я старше Валерия на пять лет. В комментарии Юрий указывал, что я — «старый геолог», что правда. Не было финок, «набрызга от ножа», «свалки пьяных туш».

Милый, наивный Евгений Александрович, царствие ему небесное! Когда-то давно, в перестроечные времена, он написал стихи о женщине-азербайджанке, которая в Сумгаите бросила на землю платок, и резня будто бы прекратилась...

Гегель: «Крот истории роет медленно, но роет хорошо». Роет, конечно, но как медленно роет...

Приехал Хомутов:

— Товарищи, наш совхоз может выйти на третье место в Нытвенском районе по севу. Предлагаю сеять всю ночь.

Подошел ко мне.

— Вы с какого года?

— С тридцать шестого.

— Вам скоро «полтинник», значит. Выдержите?

— Постараюсь.

Следом «Нива» подъехала — Возженников меня нашел! Он тоже читал мои стихи в газете «Звезда». Лицо замечательное — открытое, из тех, к которым навсегда прилепляешься душой. Сразу перешли на «ты».

— Сеня, я баньку протопил! Столы накрыты! Поехали!

— Валера, ну как я поеду? На севе всегда «некомплект». Ты меня понимаешь. Мы еще встретимся...

— В шесть часов вечера после войны...

— Мы еще вернемся за подснежниками!

Луна закрыта облаками. Володя, склонив голову, смотрит только на границу вспаханной и неспаханной земли.

— Володя, что ты видишь?

Он с трудом подбирал русские слова.

— Это самое... по-другому... отвечает.

— Володя, ты и планета! Понимаешь? Петь хочется!

Утром приехал Хомутов, подошел ко мне:
 — Еще одну ночь выдержите?
 — Выдержу!
 — Постараетесь или выдержите?
 — Выдержу!

Потерял стекло от очков. Соорудил монокль, но рассчитываю больше на осязание. Все внимание на каналы — зерно и удобрение. Взошли знакомые созвездия. Слышен шелест листьев, что на березе уже с копейку. Рассвет вползал серым кроликом. Звезды таяли. Все!

Я чуть не упал, и упал бы, но Володя удержал. На лице что-то вроде улыбки. Он поехал заделать концы поля. О драке больше не вспоминали.

Нина Ивановна привезла хлеб, котлеты в бачке и водку. Ее разливали в двухсотграммовые граненые стаканы.

И мне поднесли.

— Я не могу. Я хочу спать.

— Как же это вы не выпьете за наши восходы?

Я выпил, и мне снова налили.

— За наши восходы!

— Не могу. Я сильно хочу спать.

Тракторист Постников сказал:

— А я в Перми, бывало, жду — не дождусь уборки. Сяду на комбайн: движок гудит, как труба, подборщик стрекочет, как кузнечик, зерно сыплется в бункер — будто листва шелестит.

Витя Серебров:

— Сеня, пойдём ко мне, банька еще не остыла. Вымоемся с яичной шампунью.

Оказывается, он знает, как меня зовут!

Меня не смогли разбудить. Я проспал больше суток. Наши уехали в Григорьевское. Я ушел напрямиком на станцию Мокино. Там

на бревнах сидел пожилой человек, который внимательно рассматривал проходящие поезда. Он подвинулся, хотя места на бревнах было много.

— Мобилизованный?

— Так точно. А вы?

— Я пенсионер. Грибник. Люблю грибы в начале мая.

Пролетел мимо товарняк.

— Подшипник полетел. Раньше не было подшипников роликовых, были подшипники качения. С поездами ездили масленщики, кондуктора.

— Вы, наверное, железнодорожник.

— Я мечтал стать машинистом.

— А кем стали?

— Токарем.

— Где работали?

— Начинал в Москве.

— В Москве! Я жил в Колокольниковом переулке.

— Это на Сретенке.

— Дом номер восемь. Ближе к Трубной.

— А я работал в Филях. На 22-м авиационном заводе делали истребители. Видел Петлякова, видел Ворошилова. Перед самой войной я купил себе — ну сколько надо на костюм? Три метра? Вот три метра хорошего бостона и купил. Пошил себе костюм бостонный. Называли его почему-то майским. Так и не поносил.

— Бомбили завод?

— О! Бомбоубежищ не хватало — укрывались в траншеях. Как раз на Фили шли самолеты. Москва горела — ночью все страшней кажется. Театр Вахтангова разбили — сцену разбитую видать было с улицы.

А тут и электричка подошла.

— Пошли, москвич.

Мне позвонила Надя Гашева, редактор и подруга моя.

— Валера Возженников у меня. Приезжай.

— Еду.

Он меня обнял. Так и сидели, обнявшись. Когда-то в детстве мы с другом Воликом

так же сидели, хлебали гороховый военный суп — он левой, я правой рукой. Такая дружба была — душа разрывается. Сейчас — я будто провалился сквозь толщу лет.

Будто бы о стихах Валерия писал Иосиф Бродский:

*В деревне Бог живет не по углам,
Как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду,
И честно двери делит пополам...*

И Евгений Евтушенко подметил в стихах Вознесенникова: «Мало кто писал о Боге так нежно, задушевно и запросто, словно о близком родственнике, которого любишь и уважаешь с детства».

Валера вспомнил о нашей первой встрече и прочитал:

*От передней, начальной межи,
Где когда-то, считаю, родился,
Я по этой тропинке во ржи
Вдаль пошел — и назад воротился.
И когда плыл закатный огонь,
Что с душой в этом поле творилось!
От любви задыхалась гармонь
И под голову милой ложилась.
И теперь, хоть молись, хоть греши, —
Все родное пребудет со мною,
Будто я за тропинку во ржи
Заплатил всей дальнейшей тропею.*

И я прочитал стихи, написанные в ту пору, когда я составлял акты на потравы ржаного поля при взрывной сейсморазведке:

*И остаются скважины в земле,
Пробитые среди хлебов зеленых,
Да редкие колосья в колее,
Что насмерть встали изо всех силенок,
Да облака — рисунки на полях*

*И росчерки пером рукою Пушкина,
Да тишина шальная на полях,
Что на шестнадцать строк в обрез
отпущена.*

Валера рассказал о том, как спрятался на палубе у шлюпки, чтобы увидеть облет американцами нашего теплохода, и как струя воздуха сорвала брезент со шлюпки. Так Джим Хокинс прятался в бочке из-под яблок, когда к ней прислонился спиной одноногий Сильвер.

Я рассказал ему о драке, что случилась весной 1983 года.

Мы раздухарились и тихо спели «Однозвучно гремит колокольчик», и Валера жалел, что нет гармонии:

*И умолк мой ящик, а дорога
Перед ним далека-далека.*

Пермь-то на языке вепсов и есть «далекая земля», и казалось, как в юности, что дорога наша бесконечна, и жаль было, что не дружили мы с детства.

*Случайно встреться, поглядим
В глаза друг другу и с восторгом
Вдруг оторвемся, улетим
И над чужой строкою воздрогнем.
Ну что ж, за волю и покой
Поднимем горькие стаканы
Над златокованой строкой
И над строкою златотканной.*

— Сеня, еще споем! У меня ведь юбилей скоро.

Он умер накануне своего дня рождения и выхода в свет новой книги. Упал головой в ворох стихов.

Помолчим.

Авторы номера

Марат Багаутдинов родился в 1984 году в Ижевске. Окончил Ижевскую государственную медицинскую академию (2007) и аспирантуру на кафедре патологической физиологии (2011). Учился также в Литературном институте им А. М. Горького (2004/2005, семинар поэзии Г. И. Седых) и Институте экономики и управления Удмуртского государственного университета (2012/2013). Публиковался в журнале «Луч» (Ижевск, 2004). Входил в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2004, 2009, 2012). Автор поэтического сборника «Удары» (2016). Живет в Ижевске.

Александр Баранов — художник, писатель, поэт, бард. В 1973–74 годах учился на филологическом факультете Пермского университета, откуда был отчислен. Входил в дружеские круги Нины Горлановой, Вячеслава Букура и Виталия Кальпиди. В конце 1970-х исчез из Перми. С тех пор о его местонахождении ничего не известно.

Денис Быков родился в 1995 году в Иркутске. В Пермь переехал в 1999 году. Учился в Петербургском институте иудаики. Пишет стихи и прозу. Дебютная публикация стихов в журнале «Вещь» (№17).

Семен Ваксман родился в 1936 году в Ставропольском крае. Окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности (1959). Автор книг «Лик земли» (Пермь, 1967), «Златые горы» (Пермь, 1989), «Условный знак» (Пермь, 1991), «Дым» (Пермь, 1999), «Я стол накрыл на шестерых: роман» (Пермь, 1999), «Путеводитель по Юрятину» (Пермь, 2005). Публиковался в журналах «Вопросы литературы», «Уральская новь», альманахе «Третья Пермь» и др.

Нина Горланова родилась в 1947 году в деревне Верх-Юг Чернушинского района Пермской области. Окончила филологический факультет Пермского университета (1970). Печатается как прозаик с 1980 года. Многочисленные публикации в толстых журналах. Автор книг прозы: «Радуга каждый день» (1987), «Родные люди» (1990), «Вся Пермь» (1997), «Любовь в резиновых перчатках» (1999), «Дом со всеми неудобствами» (2000). Произведения переводились на английский, испанский, немецкий, польский, французский языки. Первая премия Международного конкурса женского прозы (1992), специальная премия американских университетов (1992), премии журналов «Урал» (1981), «Октябрь» (1992), «Новый мир» (1995), Пермской области (1996). Живет в Перми.

Софья Грищук родилась в 1996 году в Перми. Окончила филологический факультет СПбГУ. Стихи публиковались на сайте «Полутона». Живет в Санкт-Петербурге.

Егор Завгородний родился в Ижевске. Окончил филологический факультет НИУ ВШЭ. Публиковался в журналах «Инвожо» и HSE press. Живет в Москве.

Ирина Кадочникова родилась в 1987 году в Камбарке Удмуртской АССР. Окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета. Кандидат филологических наук. Стихи публиковались в литературном журнале «Луч», сборнике «Никуда этот мир не исчезнет... Поэзия Удмуртии. Избранное» (2015), «Литературной газете» (2016), альманахах «Решетовские встречи» (Березники, 2017), «Вещество» (Екатеринбург, 2017), «Альманахе современной поэзии Удмуртии» (Ижевск, 2018), журналах «Инвожо» (Ижевск, 2018), «Арион» (Москва, 2018). Автор двух поэтических книг: «Единственный полюс» (2015), «Без темы» (2017). Живет в Ижевске.

Владимир Кочнев родился в 1983 году в городе Чайковский. Учился в профессиональном училище на живописца, в Пермском политехническом университете по экономической специальности, в Пермском университете по филологической, одновременно занимался в городских литературных студиях, в том числе под руководством Владислава Дрожжих. Окончил Литературный институт в Москве (2010). Публикуется как поэт с 2006 года, постоянный автор журнала «Арион». Лауреат премии «Дебют» (2007) в поэтической номинации. Автор двух поэтических книг. Живет в Перми, руководит литературной студией, один из координаторов регионального поэтического фестиваля «Компрос».

Зинаида Сарсадских родилась в Екатеринбурге. Окончила художественно-графический факультет Уфимского педагогического института. Участница выставок и перформансов в Сарапуле, Воткинске, Ижевске. Работы в частных коллекциях Голландии и Франции. Публикации в журналах «Смена» (Москва), «Луч» (Ижевск), альманахе «Аквилон» (Ижевск, 2003), ижевских и сарапульских газетах. Член Союза литераторов Удмуртии.

Павел Селуков родился в Перми в 1986 году. Окончил пермское училище по специальности «автослесарь». Работал на кладбище, формовщиком на заводе, вышибалой в клубе. Сейчас — колумнист интернет-журнала «Звезда». Пишет прозу последние два года. Участник Форума молодых писателей России (Ульяновск, 2018), стипендиат министерства культуры РФ. Публиковался в журналах «Вещь» и «Знамя» (2018). Готовятся к печати две книги рассказов — в издательстве Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ и Foliant. Живет в Перми.

Екатерина Симонова родилась в Нижнем Тагиле в 1977 году. Окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Публиковала стихи в антологиях «Современная уральская поэзия», «Братская колыбель», «Ле Лю Ли», журналах и альманахах «Вещь», «Воздух», «Вавилон», «Новый мир», «Уральская новь», «Урал», «Транзит-Урал», «Стетоскоп» и др. Выпустила пять книг стихов. Неоднократно становилась лауреатом фестиваля актуальной поэзии Урала и Сибири «Новый Транзит». Победитель турнира поэтов «Естественный отбор» (Екатеринбург, 2002), Большого уральского поэтического слэма (Екатеринбург, 2009). Куратор серии екатеринбургских поэтических чтений «Стихи о...». Живет в Екатеринбурге.

Андрей Торопов родился в 1978 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил исторический факультет, аспирантуру Уральского университета, кандидат исторических наук, доцент, автор научных трудов по истории уральской промышленности. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая реальность», «Воздух», «Белый ворон», «Байкал», «Артикль», «Крещатик», «Волга», «Новая юность», в «Литературной газете», газете «Поэтоград» и др. Автор трех поэтических книг. Живет в Екатеринбурге.

Борис Эренбург родился в 1958 году в городе Бийске Алтайского края. С 1992 года занимается издательской деятельностью. Автор поэтической книги «Синдерелла» и научно-популярного издания «Звериный стиль». Издатель журнала «Вещь». Организатор поэтического фестиваля «Компрос». Живет в Перми.

Александр Югов родился в 1977 году в Перми. Режиссер, драматург, педагог. Окончил Пермский институт искусств и культуры (2001), Екатеринбургский театральный институт (2010) по специальности «Литературное творчество» в семинаре Николая Коляды. Лауреат конкурса драматургов «Евразия» (2006), «Любимовка» (2006), фестиваля современной пьесы «Новая драма» (2009). Участник Форума молодых писателей России в Липках (2008, 2012). Печатался в журналах «Мы», «Урал», «Современная драматургия», «Вещь». Живет в Перми.

Валерия Якушина родилась в 1989 году в Перми. Окончила Пермский институт искусства (2013). С 2014 года занимается художественным творчеством в направлении «примитивизм» и «наивное искусство». Как художник принимала участие в групповых выставках. Ранее не публиковалась. Живет в Перми.

**Поддержка проекта была осуществлена
министерством культуры Пермского края**

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2018. — 122 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Евгения Тесленко

Корректор:
Марина Артемова

На обложке, стр. 3, 7, 22, 26, 32, 40, 52, 56, 68, 72, 95, 107 использованы работы Александра Кошелева (www.instagram.com/detstvogram), фото автора и Евгении Гильденбрандт.

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу:
e-mail: senator.perm@gmail.com

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Тираж 200 экз.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator.perm@gmail.com

18+

- © «Вещь», 2018
- © Авторы, 2018
- © Издательство «Сенатор», 2018

